

ВЕСТНИК РГГУ

Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH / RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education” Series

Academic Journal

ISSN 2073-6398

2019

№ 2

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

VESTNIK RGGU. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie»
**RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series
Academic Journal**

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included:
in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of
leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, history of pedagogy and education

13.00.02 Theory and methods of training and education (by areas and levels of education)

13.00.03 Correctional pedagogy (surdopedagogy and typhoid pedagogy, oligophrenopedagogy and speech therapy)

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, personality psychology, history of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental Psychology, Acmeology

The aims and problem areas:

The aims of the multidisciplinary journal are to promote scientific psychological knowledge, maintaining high standards of scientific publication, facilitating Russian psychological and educational science integration into the world scientific information space. For this purpose journal has special issues in which published articles which analyze selected problems from different points of view and in different paradigms. Together with articles of the leading domestic and foreign scientists, we also publish works of the young researchers. The content of the journal includes methodological works, empirical and experimental studies as well as the articles describing innovative research methods. For the purpose to extend all over the world results of Russian scientists' studies, articles published in the journal have both Russian- language, and English-language versions. Herewith full text English-language articles, and expanded English abstracts (not less than 200 words) are published. Access to articles of the journal is free.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00. Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

13.00.03 Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия)

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область:

Междисциплинарный научный журнал "Психология. Педагогика. Образование" публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является создание журнала, объединяющего ученых, работающих над современными проблемами психологической науки. Для этого в журнале создаются тематические выпуски, в которых размещаются статьи, анализирующие определенную проблему с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий. С целью распространения материалов, полученных отечественными учеными, статьи, публикуемые в журнале, имеют как русскоязычную, так и англоязычную версии. При этом публикуются как полнотекстовые англоязычные статьи, так и расширенные английские аннотации, объемом не менее 200 слов. Доступ к статьям журнала бесплатный.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33
электронный адрес: ip@rggu.ru
Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Deputy Chief Editor, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, release officer, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.K. Schabelnikov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.P. Skripkina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.D. Schevelenkova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.K. Akimova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.T. Kudryavtsev, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Chalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Kataeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, University. Michel Montaigne, Bordeaux, France

G. Tihanov, Ph.D., professor, University of Queen Mary, London, UK

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, заместитель главного редактора, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, ответственный секретарь, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.К. Шабельников, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.П. Скрипкина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.Д. Шевеленкова, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.К. Акимова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

В.Т. Кудрявцев, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ) Российская Федерация

Т.В. Рябова, выпускающий редактор, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Катаева, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Коул, Ph.D, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D, профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D, профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Денн., Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Г. Тиханов, Ph.D., профессор, Университет королевы Марии, Лондон, Великобритания

Ответственные за выпуск: О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

CONTENT

From the editor.....9

Thematic reports

Natalia S. Poleva

Social networks of psychologists in the modernization
of domestic science.....11

Tatyana D. Martsinkovskaya, Vladimir V. Solodnikov, Vladimir A. Karpuk

World- image and self- image:
variants of connection in modern subculture.....24

A. V. Makhnach

Trends in studying the family and characteristics
of the composition related to its resilience.....37

Empirical research

Milena V. Baleva, Galina V. Kovaleva, Olga I. Polyanina

Implicit judgments about the Other with vivid manifestations of Dark Triad
traits. Comparison with research data.....51

Polina V. Tsygankova, Ekaterina Y. Pronchikhina

Specifics of the emotional response to perceiving internet-posts of the group
“Typical anorexic” in the social network “Vkontakte” by girls with different
types of corporality.....77

*Elizaveta M. Pavlova, Tatiana V. Kornilova, Yulia V. Krasavtseva, Natalia
V. Bogacheva*

Personal profile and decision-making regulation in medical specialists:
from a student to a medical practitioner.....97

Tatiana A. Sysoeva, Svetlana V. Yaroshevskaya

Original texts as a reflection of intelligence: searching for criteria.....116

Oksana V. Gavrichenko

The game as a factor in the formation of identity in a changing world.....135

Works of young scientists

Anton S. Novikov

Phenomenon of the "second youth" experience in old age:
analysis of autobiographical sources.....144

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....9

Тематические сообщения

Н. С. Полева

Социальные сети психологов

в условиях модернизации отечественной науки.....11

Т.Д. Марцинковская, В.В. Солодников, В.А. Карцук

Образ Я и Образ мира:

варианты сочетания в современной субкультуре.....24

А.В. Махнач

Тенденции в изучении семьи и характеристик состава,

связанных с ее жизнеспособностью.....37

Эмпирические исследования

М. В. Балева, Г. В. Ковалева О. И. Полянина

Житейские представления о личности Другого с яркой выраженностью
тенотриадических черт.

Сравнение с данными научных исследований.....51

П.В Цыганкова., Е.Ю Прончихина

Особенности эмоционального реагирования на посты группы «Типичная
анорексичка» социальной сети «Вконтакте» у девушек с различными ти-
пами телесности.....77

Е. М. Павлова, Т. В. Корнилова, Н. В. Богачева, Ю. В. Красавцева

Личностный профиль и регуляция принятия решений лицами медицин-
ских специальностей:

от студента до практикующего врача.....97

Т.А Сысоева, С.В. Ярошевская

Авторские тексты как проявление интеллектуальных характеристик:

поиск критериев.....116

О.В. Гавриченко

Игра как фактор формирования идентичности
в изменяющемся мире135

Работы молодых ученых

А.С. Новиков

Феномен переживания «второй молодости» в пожилом возрасте:

анализ автобиографических источников.....144

От редактора

Дорогие коллеги, в этот выпуск вошли теоретические и эмпирические исследования, освещающие наиболее важные аспекты как современной психологической науки, так и общества в целом.

Прежде всего, это вопросы современного содержания субкультуры, так как его нынешний смысл существенно отличается от представлений недавнего прошлого. Особенно примечательным для осмысления становится тот факт, что субкультура научного сообщества сегодня входит и в социальные сети, и в образ мира людей.

Существенно трансформируется в современном изменчивом мире и роль семьи. Именно семья способна обеспечить устойчивость и защищенность человека в ситуации неопределенности, поэтому закономерным является интерес психологов к проблемам семьи и партнерских отношений в браке.

Интересным представляется обращение ученых к изучению социальных и житейских представлений о наиболее актуальных проблемах повседневности: семьи, человека и окружающих его людей, их личностных и интеллектуальных способностях.

Вопрос о роли личностных ресурсов в преодолении сложных ситуаций, например, в ситуации болезни или при принятии ответственных решений, стал ведущим для нескольких исследований. Особенно значимым в этом контексте предстает изучение роли личности медицинских работников при принятии важных и для них, и для больных людей, решений.

Не менее серьезной проблемой современного общества, в котором все ярственнее проявляется «феномен постарения», становится изучение психологических особенностей людей пожилого возраста. Значимым аспектом таких исследований является анализ творческого долголетия людей, перешагнувших порог 60-ти лет. Тот факт, что анализ феномена «второй молодости» стал фокусом статьи молодого ученого, доказывает актуальность поднятой темы для людей разного возраста.

From the editor

Dear colleagues, this issue include theoretical and empirical studies covering the most important aspects of modern psychological science and society.

First of all, these are questions about the modern content of the subculture, since its current meaning differs significantly from the ideas of the recent past. Especially noteworthy for understanding is the fact that the subculture of the scientific community today is included in social networks, and in the world-image of many people.

The role of the family is also significantly transforming in the modern changeable world. It is the family that is able to ensure the stability and security of a person in a situation of uncertainty; therefore, it is natural that psychologists are interested in the problems of family and partnership in marriage.

Remarkable is the attention of scientists to the investigations of social concepts and ideas about the most pressing problems of everyday life: family, person and people around him, their personal and intellectual abilities.

The question of the role of personal resources in overcoming difficult situations, for example illness or responsible decisions became the focus for several studies. Especially significant in this context is the study of the role of the personality of medical staffs in making decisions important for both – themselves and sick people.

Another serious problem of modern society, in which the “aging phenomenon” is becoming more pronounced, is the investigation of the psychological characteristics of the elderly. A significant aspect of such research is the analysis of the creative longevity of people who have overstepped the threshold of 60 years. The fact that the analysis of the phenomenon of the “second youth” has become the focus of the young scientist’s proves the relevance of the raised topic for people of different ages.

Тематические сообщения

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-11-23

Социальные сети психологов в условиях модернизации отечественной науки

Наталья С. Полева

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия, proleva@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка экстраполяции положений теории макроанализа Р. Коллинза к состоянию современного психологического знания и перспективам развития отечественной психологии. В качестве угроз развитию психологического знания выделяются интеллектуальное перепроизводство, утрата существующими сетевыми структурами единого фокуса внимания, за который ведут борьбу оппозиционные группировки, и отсутствие энергии конфликта, разрушение вертикальных цепочек в связи с массовым оттоком молодежи из науки и др. Сетевой принцип организации и развития психологической науки представляется не только адекватным ответом на вызовы современности, но и возможным способом, позволяющим объединить разные психологические концепции и категории, встраивая их в целостную систему современной психологии. Отмечается наличие и менее явных тенденций в трансформации сетевых структур интеллектуалов, которые связаны с особенностями развития технологического общества наших дней. Сетевые структуры интеллектуалов теряют свою целостность и значимость, становясь все более фрагментарными, когда определение центра и периферии интеллектуального поля значительно затруднены, как и выделение лидирующих структур и центральных фигур. Сетевая структура постепенно вытесняется и заменяется хаотичностью и разорванностью ризомы.

Ключевые слова: социальная методология психологии, сетевой принцип, междисциплинарность, полипарадигмальность, социальные сети ученых

Для цитирования: Полева Н.С. Социальные сети психологов в условиях модернизации отечественной науки // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 11 – 23. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-11-23

Social networks of psychologists in the modernization of domestic science

Natalia S. Poleva

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow,
Russia, npoleva@mail.ru*

Abstract. In the article the provisions of the theory of macro-analysis by R. Collins are applied to the state of contemporary psychological knowledge and analysis of the prospects for the development of domestic psychology. The network principle of organization and development of psychological knowledge seems to be an adequate response to the challenges of our time, as well as the possible way to combine different psychological concepts and categories, embedding them into an integral system of modern psychological knowledge. There are less obvious trends in the transformation of the network structures of intellectuals, which are associated with the peculiarities of the development of modern technological society. It is assumed that the network structures of intellectuals lose their integrity and significance, becoming more fragmented when determining the center and periphery of the intellectual field is becoming more difficult, as is the selection of leading structures and central figures. The network structure is increasingly being supplanted and replaced by the chaos and rupture of the rhizome.

Keywords: social methodology of psychology, network principle, interdisciplinarity, polyparadigmatic approach, social networks of scientists

For citation: Poleva NS. Social networks of psychologists in the modernization of domestic science. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019;2:9-27. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-11-23

В работе «Социология философий» Р. Коллинз проводит макроанализ сетевых карт философов [1], что позволяет наблюдать динамику развития идей и определять ключевые фигуры научных интеллектуально - творческих философских сообществ. Положения методологического анализа Р. Коллинза во многом перекликаются с социальной методологией психологии как системой взаимосвязанных когнитивных и социальных ориентиров научного познания, которая разработана в отечественной науке [2, 3].

Один из основных постулатов теории Коллинза говорит о том, что непосредственное социальное влияние на развитие знания (в нашем случае – психологического знания) оказывает сетевая структура от-

ношений между интеллектуалами. Погружение «внутри» сети предполагает содержательный анализ идей, которые выдвигаются фракциями (группами) психологов (чем определяется положение современных ученых в сети «вертикальных» цепочек идей предшественников и «горизонтальных» связей – аргументаций союзников и соперников). Подобный подход можно отнести к когнитивной составляющей методологического анализа, а в терминах теории М.Г. Ярошевского он представлен понятиями «категориальный анализ», «опponentный круг» и др. [4].

Второе направление – анализ внешних условий функционирования интеллектуальных сетей психологов. В теории отечественной социологии психологии – это исследование двух метауровней научной деятельности: уровней макросоциума и группы, которые определяют развитие психологического знания [5]. В данном контексте важно показать всю сложность совокупного влияния компонентов социального поля на интеллектуальное производство. Это соотнесение трех уровней анализа – меняющихся материальных основ интеллектуальной жизни; сетей, связывающих между собой ученых, и внутренней динамики интеллектуальных сетей как основы конструирования новых идей [1].

Проблемы модернизации современной отечественной науки

Двухшаговая социальная причинность интеллектуального производства предполагает, что перемены материальных условий интеллектуальной жизни (политические, экономические) влекут за собой изменения и реорганизацию организационной основы интеллектуальных сетей и, как следствие, воздействуют на развитие или стагнацию научного творчества. Примером может служить всплеск культурного производства и интеллектуального творчества (включая развитие психологического знания) в России начала XX в., который являлся результатом разрушения предшествовавших схем профессионального взаимодействия в конце XIX – начале XX вв. под влиянием изменений в общественно-политической жизни страны.

Произошла ли подобная реорганизация сетевой структуры в отечественной психологии на рубеже XX – XXI вв., которая могла бы стать источником продуцирования новых идей и теорий? Однозначно можно сказать, что патерналистская модель существования отечественной науки и ее зависимость от государственного финансирования сохранились, хотя идеологическое давление и контроль остались в прошлом. Обращаясь к современному состоянию российской психологической науки, можно констатировать ее прежнюю финансовую зависимость от государства и продолжающуюся нескончаемую модернизацию. Даст

ли установка на развитие академической науки в вузах (по аналогии с западными университетами) какие-то осязаемые результаты в будущем? Можно ли рассматривать сегодняшнюю модернизацию в качестве не завершенного изменения институциональной (организационной) основы развития психологического знания? В настоящее время однозначно ответить на эти вопросы не представляется возможным.

Обращает на себя внимание, что гуманитарные и общественные науки, включая психологию, не в приоритете внимания государственного финансирования, основные потоки которого направлены на развитие прикладных технологических областей. Психология, как и другие области гуманитарного знания, находится в роли «падчерицы». Даже не сравнивая денежные эквиваленты финансирования исследований различных областей науки, достаточно вспомнить о «реорганизации» РГНФ и сокращение (практически в два раза) программы фундаментальных исследований.

Судя по новостным лентам и содержанию печатных и электронных СМИ, создается впечатление, что первенство в развитии психологического знания в современной России институционально принадлежит не двум психологическим НИИ, не МГУ, а НИУ ВШЭ. Отвлечемся от эмоций и обратимся к цифрам. Согласно рейтингу университетов, проведенному АЦ «Эксперт», первое место в предметных областях общественных (куда относятся и психологические науки) и гуманитарных наук принадлежит НИУ ВШЭ¹.

О тенденциях в изменении материальной и организационной структуры отечественной науки, включая психологию, можно судить по результатам статистики. Ее сухие цифры фиксируют две значимые тенденции в отечественной науке: сокращение финансирования и рост результативности, под которым понимается увеличение потока отечественных научных публикаций в международных журналах. После короткого периода динамичного роста бюджетных расходов на науку их падение носит радикальный характер и продолжится в наступившем году. Показатели финансирования российской науки неуклонно стремятся к очень низкой точке своего исторического минимума десятилетней давности. Наблюдается также сокращение числа НИИ и ко-

¹ Толмачев Д., Кузнецов П. Рейтинг факультетов. Предметный рейтинг университетов России // Эксперт. 2016. №23. С.58 – 67.

личественное увеличение вузов, занимающихся научными исследованиями².

Одной из новостей апреля 2017 года стало заявление директора Наукометрического центра НИУ ВШЭ И.А. Стерлигова на Московском международном салоне образования 2017 о том, что лидерство по числу публикаций в ведущих мировых журналах перешло от Российской академии наук к университетам. По его мнению, это явилось результатом введения рейтингов и концентрации ресурсов в рамках проекта 5 – 100, что стало показателем сдвига фокуса исследований с академических институтов РАН на вузы. Закономерно возникает вопрос о качестве как проводимых исследований, так и публикаций. В частности, специалисты АЦ «Эксперт» отмечают, что приблизительно треть участников их рейтинга используют сомнительные показатели качества роста. Они либо публикуют результаты своих исследований в ограниченном числе журналов, либо демонстрируют аномально высокий уровень самоцитирования и цитирования своих коллег по университету. Такие лидеры, как МГУ, не были замечены в использовании подобных сомнительных моделей, в отличие от нескольких университетов из программы 5–100. Авторы считают это существенной проблемой, поскольку погоня за объемами оказывает влияние на качество и наносит ущерб репутации. Упомянутая «болезнь роста» уже привела Россию в «антилидеры» по количеству публикаций в недобросовестных журналах («список Белла») вместе с Индией и Китаем. Не лучшее место в рейтинге, даже по сравнению с университетами Индии и Китая, наша страна занимает и по другому показателю – самоцитированию. Специалисты «Эксперта» считают, что составленный ими рейтинг отчасти позволил очистить научные результаты университетов от последствий «болезни роста». Другим фундаментальным фактором развития является устранение такой проблемы, как низкая включенность российских научных журналов в международные индексы.

Избегая однозначных выводов, можно зафиксировать тенденцию к изменениям материально – организационной структуры отечественной науки, включая психологическое знание, а подобные изменения условий жизни интеллектуальной сети неизбежно приводят к ее вынужденной реорганизации. При отсутствии материальной поддержки организационных структур возможно уничтожение или значительное ослабление отдельных ветвей психологических сетей. Эта же под-

² Индикаторы науки: 2017: статистический сборник / Войнилов Ю. Л., Городникова Н. В., Гохберг Л. М. и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. 304 с.

держка других организационных структур может привести к появлению иных ветвей и фракций, внутри которых будут оформляться новые теории и научные позиции. Приведет ли «модернизация» и перемещение научных исследований из академических институтов в вузы к ожидаемому расцвету психологического знания? В настоящее время по этому поводу положение дел не внушает оптимизма.

Во-первых, интеллектуальное творчество продуцируется внутри сети, протяженной во времени, что обеспечивает накопление и передачу творческой энергии и культурного капитала через связи и личные контакты «учитель – ученик». Неотъемлемой же чертой современного состояния науки, согласно статистике, является отток молодежи из этой сферы. Несмотря на оптимистичные заявления Минобрнауки о росте доли молодых ученых до 43%, стабильная многолетняя тенденция свидетельствует о неуклонном спаде количества молодых исследователей с 1995 г. По словам директора Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ Л.М. Гохберга, этот процесс складывается из нескольких потоков. Существенная часть молодежи в науке не задерживается, так как многие уходят, достигнув определенного профессионального уровня. Также не удалось создать стимулы для удержания в науке ученых среднего поколения. Если судить по демографическим распределениям, это провальная группа. Такая картина сложилась в середине 90-х годов и сохраняется сегодня, но если на данном временном отрезке молодежь будет закрепляться в науке, то она постепенно изменится. Под давлением требований по повышению результативности научных организаций, наметилась позитивная тенденция по избавлению от кадрового балласта. Однако существующий приток молодежи в науку, скорее всего, не позволит компенсировать масштабы ее ухода в прошлом периоде, так что общее сальдо - отрицательное³.

Отмеченные тенденции содержат в себе угрозу сохранению культурного капитала и продолжению интеллектуальных межпоколенческих цепочек «учитель – ученик». Возникает опасение, что передавать накопленные знания и развивать на их основе новые идеи будет некому.

Вторая угроза парадоксальным образом связана именно с усилением вузов. Интеллектуальная стагнация, о которой мы скажем позже, во всех своих формах представляет собой опасную сторону расширения и децентрализации университетского мира. Инфляционная волна подготовки интеллектуалов порождает вал производимой ими научной продукции, и сегодня мы буквально погребены под гнетом научных публикаций. Причина кроется в том, что «темные века» в истории мысли не обязательно связаны с материальным упадком, но могут

возникать и во времена материального изобилия. Это связано с «перепроизводством» специалистов данной области и, как следствие, с инфляцией, падением уровня интеллектуальной продукции. Не менее важным негативным фактором становится и децентрализация пространства интеллектуального внимания.

Таким образом, одна из главных угроз дальнейшему развитию психологического знания предположительно может быть связана с утратой существующими сетевыми структурами единого фокуса внимания.

В результате психология может остаться и с материальными институтами, и с большим количеством интеллектуалов, но погрузиться в схоластическую рутину.

Условия творчества и стагнации научного знания

Научное творчество является многослойным и длительным процессом, результаты которого становятся окончательно ясны иногда только в продолжительной временной перспективе после ухода основателя школы. Поэтому проблема интеллектуальной стагнации является крайне важной для прогнозирования будущего науки. Исходя из сказанного, проблема стагнации, как и проблема творчества, требует выявления структурных условий, связанных с возможными изменениями интеллектуальной жизни сетей. Понятно, что условия, вызывающие стагнацию, будут диаметрально противоположны условиям, способствующим интеллектуальному подъему и развитию науки.

Для анализа состояния научного творчества целесообразно обратиться к классификации Коллинза. Он определяет творчество как энергию, которая накапливается, если процесс продолжается в течение нескольких поколений при наличии личных контактов внутри сети. Внешние условия будут определять, когда возникнет такая сетевая структура и как долго она просуществует. Главными условиями творчества станут те, которые обеспечивают многообразные основы интеллектуального конфликта вокруг основного фокуса интеллектуального внимания:

- политические и социально-экономические факторы, которые осуществляют материальное обеспечение автономного функционирования организаций, поддерживающих ученых – психологов; подъемы интеллектуального творчества связаны с периодами институциональных изменений;

- наличие сети психологических групп (фракций), чье интеллектуальное противостояние делит пространство интеллектуального внимания (по закону малых чисел оптимально для творчества - от трех до шести научных школ);

- наличие единого фокуса внимания противоборствующих группировок, т.к. творчество развивается благодаря энергии конфликта;

- открытость и связь отечественной психологии с мировой наукой: экспорт идей, интериоризация интеллектуальных заимствований в соответствии с традициями и достижениями, накопленными в отечественных сетях интеллектуалов, и преобразование их в собственный культурный капитал или интеллектуальные орудия его производства.

Соответственно, творчество останавливается, когда

- внешние условия уничтожают основы (материальные, организационные) существования множества фракций ученых;

- нарушаются нижняя или верхняя границы количества конфликтующих сторон (закон малых чисел). Творчество оскудевает, если внешние условия способствуют укреплению единственного учения, а также нарушается верхняя граница в результате образования слишком большого количества конфликтующих позиций;

- отсутствует единый фокус внимания, за который ведут борьбу оппозиционные группировки (нет оппозиций, конфликта – нет творчества);

- преобладает импорт идей.

Есть ли у нас основания говорить о наличии в современной психологии трех типов стагнаций, выделенных Коллинзом, и их сочетаний?

Стагнация типа А характеризуется Коллинзом как утрата культурного капитала. Идеи и теории могут быть забыты или утрачены современниками, если более поздние поколения ученых оказываются не способными делать то, что их предшественники. Одним из видов утраты культурного капитала является его творческое переосмысление, когда уже созданная теория на длительное время ограничивает интеллектуальную жизнь и ее последователи заняты дальнейшей разработкой существующих положений, не утруждая себя инновациями. Творческое переосмысление таким образом может служить примером обмена между формами стагнации А и В.

Стагнация типа В возникает, когда идеи и теории современного поколения ученых, наоборот, затмеваются идеями и теориями их великих предшественников. При этом новое творчество не возникает. Исторические периоды с такой формой стагнации не всегда принадлежат эпохам с низким уровнем культуры. Напротив, интеллектуальное развитие может останавливаться на самом пике культуры. Идеи, популярные в это время и которым обучают, - это лучшее из всего, что было достигнуто ранее. Ярким примером такого типа стагнации является эпоха Возрождения с ее преклонением перед античной классикой [1]. Может быть, стоит задаться вопросом: не является ли поклонение

теориям Выготского и Леонтьева признаками стагнации типа В для современной отечественной психологии?

Стагнация типа С – технические уточнения, добавление комментариев и метакомментариев к совокупности текстов; технические тонкости, ставшие слишком утонченными, чтобы привлечь внимание интеллектуалов, поэтому творчество иссыкает, а ситуация начинает приближаться к стагнации типа А. Стагнация типа С может оказаться и видимостью стагнации. Интеллектуальная жизнь может развиваться, но сам ее процесс порождает отчуждение, отталкивая потенциальных последователей.

Рассматривая современную ситуацию, мы можем отметить неизбежное присутствие некоторой тенденции к схоластике, которая проявляется в почитании старых текстов и составлении комментариев к ним. Какие же из трех форм схоластики присущи современной науке? Несомненно, наличествует стагнация типа А – потеря культурного капитала – как неспособность сегодняшних интеллектуалов конструктивно разрабатывать достижения предшественников на таком же уровне абстракции – рефлексии или более высоком. Одновременно существует и культ классики (стагнация В): гипертрофия исторического подхода, обилие комментариев и примечаний к теориям предшественников, когда написание интеллектуальной истории ценится выше, чем ее создание. В наличие и стагнация С в форме технической утонченности текстов. Доведенные до крайней степени уточнения понятийные тонкости и внутригрупповые словари становятся недоступны пониманию окружающих. Как и во времена Средневековья, современная изощренность интеллектуальной техники иногда предполагает высокие прозрения в соответствующих узких областях, но оказывается слишком скрупулезной, чтобы получить распространение за пределами своих фракций и обрести последователей. Таким образом, как и во времена христианского Средневековья, в современном интеллектуальном мире присутствуют и взаимодействуют все три типа стагнации

Причины такого состояния часто кроются не в содержании или уровне качества современных идей, а в структуре интеллектуальных сообществ и в их материальной основе. Как уже отмечалось, периоды интеллектуального спада не всегда вызваны материальным упадком, но могут появляться и в условиях материального благополучия. Главная причина – сверхизобилие и децентрализация интеллектуального производства (расширение институтов, популяционный взрыв специалистов с дипломами и резкое увеличение объема научной продукции). В последние десятилетия мы наблюдаем громадное расширение культурного производства. Рост общего объема интеллектуальной продукции ведет к неуклонному падению возможности чисто интеллектуаль-

ного вознаграждения автора в виде признания его идей и их распространения – влияния. В таких обстоятельствах в интеллектуальных сообществах закономерно появление пессимизма и сомнений в собственной значимости.

Интеллектуальное творчество возникает из сочетания элементов, которые входили в состав прежних продуктов, созданных предшественниками. Ссылки на труды, использованные автором в работе, являются примерным указанием на культурный капитал, который в ней был использован. Наиболее яркими интеллектуалами оказываются те, чьи статьи чаще цитируются, т.е. их идеи становятся «родителями» наибольшего числа «потомков». Такие теории и идеи создают возможность для других делать их собственные утверждения. На этапе систематизации и составления комментариев, когда интеллектуальное сообщество обращено назад к своему прошлому, великие идеи и истины наиболее важны для него.

Когда же сообщество ориентировано на инновации, великие истины и теории становятся не столько преимуществом, сколько препятствием. Уже созданная теория почти не оставляет простора для исследований последующих поколений интеллектуалов: они могут быть либо учителями для внешнего мира, либо хранителями или комментаторами, т.е. интерпретаторами истины, но не первооткрывателями как таковыми. В то же время культурный капитал каждого поколения интеллектуалов опирается на достижения предшественников, что позволяет им продвигаться дальше, именно по такому принципу строятся сетевые межпоколенные цепочки.

В этой связи важно помнить, что парадигмы, разделяемые интеллектуальным сообществом, включают фундаментальные установки, где уже содержатся или подразумеваются ответы на главные вопросы. Поэтому работа их потомков заключается лишь в добавлении деталей к тому, что в целом уже известно. Таким образом, с позиций творчества и создания новых теорий культурный капитал, состоящий в полном овладении мощной парадигмой, не может служить абсолютной ценностью, а становится препятствием для инноваций.

Макрооптика Коллинза ориентирована на исторический подход, поэтому, согласно его взглядам, адекватная значимость той или иной теории может быть установлена только тогда, когда большая сеть, включающая несколько поколений ученых, развивает ее идеи и делает их фокусом внимания для противостоящих друг другу соперничающих теорий. Следовательно, оценка значимости современных психологических идей и теорий возможна лишь впоследствии, когда более поздние поколения в своих сетях будут использовать имена предшествующих мыслителей как символы своих идейных течений. Поэтому сегодня мы

не в состоянии понять, кто из наших современников значим с позиции исторического развития психологии и какая теория будет рассматриваться во временной перспективе как третьестепенная или представляющая ситуационный интерес. И так до тех пор, пока следующие два поколения ученых не реализуют программы, способные определить ценность идей наших современников.

Заключение

Сегодня в условиях продолжающейся дифференциации научных дисциплин, причем у каждой - своими исследовательские области реальности и представления об истинности, возможно ли для философии, социологии, психологии и других гуманитарных и социальных исследований существование единой реальности и разделяемой всеми отраслями науки истины? Постмодернизм, постулируя множественность и плюралистичность разных точек зрения, допускает комплементарность, когда множественные реальности и конкурирующие истины оказываются взаимодополняющими. Метафора о множестве слепцов, ощупывающих разные части одного и того же слона, кажется Коллинзу слишком статичной, поэтому он прибегает к сравнению, где разные группы ученых передвигаются в одной и той же чаще, но каждая своей тропой. Но это не гарантирует возможности, что их тропы когда-нибудь пересекутся и будет составлена единая карта [1].

Означает ли это, что в дальнейшем гуманитарные и социальные науки будут бесконечно разделяться на множественные реальности? По закону малых чисел такая атомизация не может заходить слишком далеко. В конкретном интеллектуальном сообществе закон малых чисел будет ограничивать количество позиций, находящихся в фокусе внимания интеллектуального пространства, что, впрочем, как отмечает Коллинз, не избавляет нас от той же полудюжины «герметически закупоренных» позиций в каждой специальности. Как отмечает А.В. Юревич, любое из существующих в современной психологии направлений (бихевиоризм, психоанализ, когнитивизм, теория деятельности и т.д.) изучает собственную психологическую реальность, являясь неким взглядом на нее наравне с другими теориями-взглядами. Методологические споры между оппозициями давно утихли, сменившись взаимным признанием друг друга и мирным сосуществованием. Оппозиции как бы существуют, но не конфликтуют. Между тем, интеллектуальное творчество движется именно оппозициями.

Перспективы развития, как подчеркивают большинство ученых, связаны с междисциплинарностью и трансдисциплинарностью современной науки. Тенденция «пересечения границ», построения новых сетей и расширения-модификации старых в последние годы усиливается, что доказывает верность прогноза о междисциплинарности и се-

тевой конструкции научных сообществ. В то же время необходимо отметить и усиливающуюся в настоящее время тенденцию к смешению не только теоретической и прикладной науки, но также и научных текстов с научно-популярными [6]. Это связано во многом с тем, что у научно-популярных текстов есть более реальный шанс завоевать внимание, признание и даже финансирование для других, в том числе собственно научных междисциплинарных исследований.

Ощущение общей реальности выковывается там, где отдельные части интеллектуальной продукции складываются в единое полотно со множеством узоров – паттернов. Это отнюдь не приводит к появлению единственного взгляда на реальность, разделяемого всеми интеллектуалами. Основанная на сочетаниях (комбинаторная) конструкция интеллектуальных тем не порождает ни какую-либо главную общую концепцию, ни ограничивающий каркас относительно того, что исследователи считают предметом своего изучения. Однако именно такая конструкция ведет, по мнению Коллинза, к некой децентрализованной сети перекрывающихся реальностей, а не к бесконечно дробящимся индивидуальным реальностям [1].

Таким образом, прогнозируемая Коллинзом тенденция к междисциплинарности, пересечению интеллектуальных сетей созвучна выдвигаемой в отечественной методологии идее об общей картине психологической науки по аналогии с сетью или неводом [7, 8]. Предложенный сетевой принцип организации и развития психологического знания представляется адекватным ответом на вызовы современности и возможным способом, позволяющим объединить разные психологические концепции и категории, встраивая их в целостную систему современного психологического знания.

Вместе с тем следует отметить и менее явные тенденции в развитии психологической науки, которые сегодня связаны с транзитивностью и другими особенностями преобразования современного технологического общества. Скорость этих перемен, а также невозможность применения макроанализа, охватывающего большие временные эпохи, затрудняют анализ и рефлексию происходящих текучих изменений. Можно предположить, что сетевые структуры интеллектуалов теряют свою целостность, становясь все более размытыми и фрагментарными, когда определения центра и периферии интеллектуального поля все более и более затруднены, равно как и выделение лидирующих фигураций и центральных фигур. Сетевая структура постепенно вытесняется и заменяется ризомой, не имеющей центра и периферии, начала и конца и изобилующей многочисленными обрывками, которые потенциально могут стать новым началом или центром.

Литература

1. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуально-го изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.
2. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. 312 с.
3. Юревич А.В. Социология психологии // Методология и история психологии. 2008. №1. С.43 – 56.
4. Ярошевский М.Г. Историческая психология науки. СПб.: Издательство Международного фонда истории науки, 1995. 352 с.
5. Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 306 с.
6. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 574 с.
7. Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015. 248 с.
8. Гусельцева М.С. Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход). М.: Акрополь, 2014. 423 с.

References

1. Kollinz R. Sociology of philosophies. Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ.; 2002. 1280 p. (in Russ.)
2. Yurevich AV. Psychology and methodology Moscow: Institut psikhologii RAN Publ.; 2005. p.312. (in Russ.)
3. Yurevich AV. Sociology of psychology // IN: *Methodology and history of psychology*. 2008. No1. P.43 – 56. (in Russ.)
4. Yaroshevskii MG. Historical psychology of science. Saint-Petersburg: Mezhdunarodnyi fond istorii nauki Publ.; 1995. 352 p. (in Russ.)
5. Yurevich AV. Social psychology of science Saint-Petersburg: Russkii *Khristianskii gumanitarnyi institut* Publ.; 2001. 306 p. (in Russ.)
6. Relations between research and practical psychology (in Russ.) / Pod red. AL. Zhuravleva, AV. Yurevicha. Moscow: *Institut psikhologii RAN* Publ.; 2015. 574 p. (in Russ.)
7. Martsinkovskaya TD. The problem of socialization in the historical-genetic paradigm]. Moscow: Smysl Publ.; 2015. 248 p. (in Russ.)
8. Gusel'tseva MS. Intellectual traditions of Russian psychology (cultural-analytical approach). Moscow: Akropol' Publ.; 2014. 423 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья С. Полева, кандидат психологических наук, ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д.9, стр.4; npoleva@mail.ru

Information about the author

Natalia S. Poleva, Cand. of Sci. (Psychology, Psychological Institute, bid 9/ 4, Mokhovaya str, Moscow, Russia, 125009; npoleva@mail.ru

Образ Я и Образ мира: варианты сочетания в современной субкультуре

Татьяна Д. Марцинковская

*Российский государственный гуманитарный университета; Московский го-
сударственный областной университет,
marsinkovskaya@psystudy.ru*

Владимир В. Солодников

*Российский государственный гуманитарный университет,
solodnikovv@mail.ru*

Владимир А. Карпук

*Российский государственный гуманитарный университет,
karpuk_va@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются понятия образ мира и образ Я. Анализируются возможные сочетания образа мира и картины мира, образа Я и идентичности, а также осознанное и бессознательное содержание приведенных понятий. Демонстрируется связь между образом мира и образом Я; объективным и субъективным пространством современной культуры. Определяются варианты соотношения объективного и субъективного пространства, раскрывается роль социальных и персональных переживаний в формировании гармоничной связи между различными пространствами.

Представлена вариативность образа Я, бытующего, во-первых, в повседневности, а во-вторых, - в субкультуре. Подобный подход позволяет вопреки постоянным переменам в окружающей действительности устанавливать соотношение между групповой и личностной идентичностью. Результаты как теоретического, так и эмпирического анализа доказывают, что психологию субкультуры невозможно рассматривать только с точки зрения внешних параметров. Предметом исследования должны стать эмоциональные переживания людей, образующих определенный круг, социальное пространство субкультуры. Содержание этих переживаний во многом определяет и содержание групповой/субкультурной идентичности. Представленные в работе материалы играют важную роль в создании междисциплинарных концепций субкультуры.

Ключевые слова: образ мира, образ Я, социальные и персональные переживания, психология повседневности, культура, субкультура.

Для цитирования: Марцинковская, Т.Д., Солодников В.В., Карпук В.А., Образ Я и образ мира: варианты сочетания в современной субкультуре. // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 24 – 12. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-24-36

World- image and self- image: variants of connection in modern subculture.

Tatyana D. Martsinkovskaya

*Russian state humanitarian university, Moscow state regional university,
martsinkovskaya@psystudy.ru*

Vladimir V. Solodnikov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6,
solodnikovv@mail.ru*

Vladimir A. Karpuk

*Russian State Humanitarian University
karpuk_va@mail.ru*

Abstract. The concepts of the world- image and the self- image are considered. The possible combinations of the world- image and the picture of the world, self- image and identity, as well as the conscious and unconscious content of these concepts are analyzed. The connection between the world- image and the self- image is shown as well as the connection between objective and subjective space of modern culture. The variants of correlation of objective and subjective space are revealed; the role of social and personal emotional experiences in the formation of a harmonious connection between different spaces is shown. It is presented that everyday life and subculture are variants of a harmonious combination of the world- image and the self- image as they allow correlating group and personal identities in the daily changing picture of the surrounding world. The results of the

theoretical and empirical analysis show that the psychology of a subculture cannot be considered only from the point of view of external parameters; the subject of the study should be the emotional experiences of people, which form certain circle, the social space of the subculture. The content of these experiences largely determines the content of group /

subcultural identity. Presented materials prove the importance of creating interdisciplinary concepts of subculture.

Keywords: world- image, self- image, social and personal experiences, psychology of everyday life, culture, subculture

For citation: Martsinkovskaya T.D., Solodnikov V.V., Karpuk V.A. Self-image and world image: variants of connection in modern subculture. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019; 2:24-36. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-24-36

Образ мира: возможные подходы и интерпретации.

В наши дни понятие образ мира встречается в научных трудах повсеместно и является междисциплинарным. Оно используется филологами, культурологами и даже психофизиологами, однако каждый раз имеет различное смысловое наполнение в зависимости от угла зрения и подхода ученых к описанию, как его составляющих, так и истоков возникновения. Поэтому при попытке определить психологический смысл данного понятия. Совершенно необходимо учитывать результаты этих смежных исследований. К тому же столь широкое употребление понятия образ мира в разных отраслях науки свидетельствует о его необходимости для понимания многих явлений в истории развития человека и общества.

Не менее значимой представляется позиция современной методологии относительно построения понятийных конструктов - без жестко, раз и навсегда установленного их содержания и структуры. Такая постановка задачи вызывает необходимость, во-первых, отражения особенностей текущей жизни в содержании понятия образ мира; а во-вторых, анализа возможных вариантов структуры интересующего нас понятия.

Вначале рассмотрим соотношение понятий: картина мира; образ мира; представления о мире. Из них наиболее общим является первое - картина мира, т.к. оба других понятия входят его структуру [1]. Обратимся к понятию образ мира. У каждого человека есть возможность наблюдать окружающий мир, его проявления, его изменчивость. На основании своих осознанных и несознаваемых наблюдений он делает те или иные выводы, которые снова соотносит с реальностью, а также с собственными действиями и поступками. Постепенно образы окружающего приобретают ясность, структурность, а в его сознании складывается представление и о мире, и о своем месте в нем. Способность к самонаблюдению позволяет человеку представлять разные варианты своего поведения, которые дают возможность занять определенное место в мире или осознанно попытаться изменить его. Образ мира - это вся палитра образов, свойственная данному челове-

ку. Она отражает его личную картину мира, то есть это мир глазами конкретного человека, где существуют он сам в качестве собственного представления о себе и мир как его личное представление о нем. Представления о мире – наиболее осознанная часть большого и нерасчлененного гештальта картины мира. Содержание представлений о мире является переменной в связи с изменениями восприятия таких характеристик окружающего мира, как пространство, время, а также мнения о происходящих событиях и о самом себе. В индивидуальном сознании непрерывно меняется соотношение между известным (ноэтическим), не известным (аноэтическим) и личностными параметрами (автоноэтическим). Вышеизложенное позволяет расширить кругозор научного подхода в зависимости от целей и задач исследования. Так при наложении понятий образ мира и представление о мире их можно трактовать и как связь бессознательных и осознанных фрагментов картины мира, и в качестве образов и суждений о мире и о себе. Здесь осознанные и полуосознанные представления и образы складываются в индивидуальную картину мира, а не только в его осознанное отображение. Среди первичных, преимущественно амодальных представлений появляются модальные, причем эмоционально окрашенные. Иными словами, помимо обобщенных схем действительности и отвлеченных стратегий возникают персонифицированные, например, пути и способы достижения одинаковых целей значительно варьируются в зависимости от индивидуальности.

Возвращаясь к возможной интерпретации возникающих связей, необходимо отметить, что под общим и частным в составляющих картины мира можно понимать соотношение социального и персонального времени и пространства. Объективное пространство включает в себя физические и географические компоненты, а также все множество социальных позиций человека в обществе. Объективные пространства служат человеку фундаментом для построения собственного личностного пространства и непосредственно психологического пространства. Аналогично на основе параметров объективного времени и его темпоральных характеристик возникает субъективное личностное измерение времени. Разумеется, ни пространство, ни время не относятся к сфере психологической науки, но субъективное их восприятие являет собой несомненный психологический интерес, т.к. в картину мира включено отношение человека к пространственным и временным представлениям и образам как ее составляющим.

Вопрос о соотношении объективного и субъективного, индивидуального в картине мира особенно значим, учитывая изменчивость и множественность параметров, определяющих ее содержание. В условиях, когда образ мира претерпевает спонтанные изменения, появля-

ются основания видеть в переживаниях человека не только эмоциональную реакцию, но особый механизм, связующий личное и публичное, индивидуальную и персональную идентичность, которые проявляются в процессе активного сотворения образа мира

Как следствие изменений в окружающем мире перед психологией возникают проблемы решения вопросов, связанных с динамикой развития личности, представлений человека о себе, а также факторов, нарушающих гармоничный, поступательный характер этого развития [2]. Принципиально новое, что отличает современные исследования, - это рассмотрение процесса формирования образа Я и идентичности в их взаимосвязи с переживаниями, вызванными отношением к себе и социальному окружению [3].

Самореализация в современной транзитивной действительности

Психологический смысл понятия транзитивность заключается во множественности: социальный мир существует в разных вариантах в одном и том же пространстве и времени. Более того: эти наличествующие варианты постоянно изменяются в непредсказуемом режиме и с неизвестным содержанием. Следовательно, можно заключить, что транзитивность предстает перед нами в качестве множественности, изменчивости и неопределенности макро- и микросоциальных пространств. Однако сами по себе множественность и неопределенность не вызывают психологические трудности. Причины их, как и объективных трудностей заключаются в отношении к транзитивности людей, окрашенном недоверием и растерянностью.

Исходя из этого, можно предположить, что саморазвитие в условиях транзитивности, царящей в обществе, в значительной степени затруднено для самых разных возрастных и социальных групп. Подобная ситуация обуславливает необходимость и актуальность проведения исследований самореализации в сложившихся неблагоприятных условиях жизни. Обратимся к сравнительному анализу причин, определяющих выбор стратегий самореализации как в ситуации стабильности, так и при неопределенности.

При стабильности самореализация в основном зависит от индивидуальных и личностных особенностей и социальной ситуации развития человека (имеются ввиду эмотивность, локус контроля, интенциональность и, отчасти, уровень развития общего интеллекта).

В транзитивной ситуации выбор способа и путей самореализации определяется соотношением персональной и социокультурной идентичности, собственной толерантностью к неопределенности, когнитивной сложностью и гибкостью.

Различается также роль личного опыта человека: если в стабильных условиях роль эмоционального личностного опыта неоспоримо велика, то в транзитивном и информационном обществе наряду с подобным опытом начинает преобладать обезличенная информация. В стабильном обществе сложность сохранения синергетических тенденций самореализации оценивается, исходя из степени гетерохронности и дисбаланса социальных и персональных параметров хронотопа [4].

Транзитивность же, в силу постоянного наличия гетерохронности, исключает такой подход, поэтому сложность ситуации определяется соотношением внутри персонального пространства и общего времени.

Следует обратить внимание на сложные, многоаспектные пространственно-временные характеристики транзитивной реальности наших дней. Они включают в себя внешние, собственно социальные и персональные личностные поля и объективные и субъективные параметры времени. Психологическая сущность данного конструкта связана с субъективным отношением к его составляющим, выражающимся в социальных и персональных переживаниях, ценностях и интенциях людей [5; 6].

Характеризующая данный психологический конструкт гетерохронность играет важную роль в исследовании связи стратегий саморазвития и самореализации в современном транзитивном пространстве. При этом встает вопрос о том, как связаны в ситуации неопределенности стратегии самореализации и социальные и персональные пространства, а также образы мира и себя. Нельзя не учитывать, что при транзитивности человек пользуется гораздо большей свободой, составляющие его пространство культура, местоположение, язык, материальные возможности, социальное положение множественны и разнообразны. Но одновременно транзитивность вызывает постоянное напряжение, порождает неуверенность в своих силах, разочарование в собственных способностях противостоять неизбежным переменам.

Представляется, что реальными способами, помогающими людям совладать с трудностями саморазвития и самореализации в ситуации транзитивности, может стать ускоренность в субкультуре.

Субкультура с точки зрения психологии.

Особый интерес с позиций психологической науки для исследования феноменов субкультуры вызывают труды философа М.Маффесоли [7]. В его работах изменения в культуре наших дней рассматриваются одновременно и как предпосылка, и как шанс для достижения человеком новой идентичности. Подобный подход акцентирует внимание исследователей на активной и творческой роли каждого члена общества в изменении окружающей действительности, что

также распространяется на групповые стили поведения, культуры и нормы

Однако с целью анализа причин, которые определяют процесс формирования, а также преобладание данного вида субкультур в определенный период времени, необходимо сделать следующий шаг.

Для всестороннего изучения закономерностей существования человека в субкультурной среде, возможностей его вхождения в подобную среду и присвоения ценностей группы ее членами необходимо, с одной стороны, проследить процесс интериоризации субкультурных нормативов, а с другой, - как принадлежность к группе влияет на внутренний мир своих членов. Важную роль в принятии членами группы ее разнообразных нормативов играют их социальные представления. Социальные представления рассматриваются современными учеными [2] в качестве специфической формы знания, служащей для ориентирования в окружающем мире. При условии идентификации членов группы с ее групповыми характеристиками, одинаковые или схожие социальные представления сплачивают группу, т.к. именно их общность лежит в основе единообразного для данной группы отношения к миру.

Субкультура в целом должна рассматриваться как многогранное явление, представленное в самых разнообразных формах. Так, например, при изучении субкультуры разных возрастных групп на первый план выступают аспекты передачи субкультуры при межпоколенной трансмиссии; а субкультура социальных групп, куда можно отнести протестную субкультуру, субкультуру и дауншифтинг, субкультуру неформальных объединений, этническую субкультуру и прочие, требует культурно-исторического анализа их динамики и содержания.

Признаки субкультуры можно усмотреть в самых различных группах, вплоть до формальных: в организационной культуре фирм и учреждений; в группах, объединяющих людей на основе их интересов, увлечений и т.п. Но в любом случае при изучении феномена необходимо анализировать как содержание субкультуры, так и ценностные ориентации, личностные качества, переживания и внутренние критерии предпочтения субъектом именно данной группы. Ярко выраженное отличие группы от ее окружения не может служить критерием при определении степени ее влияния на личностную идентичность и самоопределение ее членов. Скорее наоборот: бросающаяся в глаза внешняя атрибутика свидетельствует о ее склонности ориентироваться на внешний образ и часто связана с агрессивностью.

Таким образом, можно утверждать, что психологию субкультуры невозможно рассматривать только с точки зрения внешних параметров – одежды, правил поведения, членства в референтной группе. Предметом исследования должны стать эмоциональные переживания лю-

дей, образующих определенный круг, социальное пространство субкультуры.

Крайне важно определить, какие именно факторы объединяют людей и создают те внешние параметры, которые и формируют границы той социальной сети, которая обозначается как субкультура. Содержание переживаний во многом определяет и содержание групповой/субкультурной идентичности.

Причины принятия решения о присоединении к некоей субкультуре не всегда осознаются человеком в полной мере или даже частично. Но с позиций психологической науки имеет значение само нахождение в данной группе, т.к. это означает, что ее члены имеют общие ценности, подчиняются принятым в группе нормам поведения, а главное – эмоционально им привержены. Общие для членов сообщества переживания также не всегда осознаются, однако с количественным ростом группы все больше людей оказываются связанными одинаковыми чувствами и переживаниями, и она претерпевает такие изменения, что субкультура способна перерасти в культуру. Описанные механизмы позволяют считать субкультуру одним из видов идентичности, объединяющим ее социокультурный и личностный параметры, причем основы формирования субкультуры имеют социальные корни: стремление человека к самореализации, к обретению своего жизненного пути, поиск единомышленников и друзей – все эти и тому подобные проявления внутреннего мира. Те или иные результаты поисков находят отражение в силе и положительном/отрицательном знаке порожденных ими переживаний, что, с точки зрения психологии, превращает внутреннюю составляющую в ведущую.

В свою очередь ценности, личностные и внешние, преобразуются в социальные переживания, которые определяют для человека его выбор той или иной субкультуры. При осознании своего будущего и в ходе самоопределения происходят категоризация и самокатегоризация, связанные с когнитивными компонентами переживания. Одновременно самокатегоризация и соотнесение своего стиля жизни с тем, что предлагает группа, актуализирует интенциональный (мотивационный) компонент переживания. На этом этапе вхождения в субкультуру индивидуальные переживания становятся для человека маркером его отношения к преобладающей в данном социуме культуре.

С течением времени, с возрастом, с изменением социального статуса, с появлением новых целей, задач, прохождением кризисов и тому подобным переменам человек может отдавать предпочтение различным субкультурам. Но в случае длительной стабильности предпочтения данной субкультуры, она перерастает свою первоначальную значимость и становится стилем жизни.

В итоге можно видеть, что идентичность, жизненные цели людей и их ценности по своему содержанию связаны с психологией субкультуры, а механизмом, регулирующим вхождение в конкретную субкультуру, являются социальные и индивидуальные переживания так же, как и при социализации. Единство группы, принадлежащей к определенной субкультуре, обеспечивается и за счет внешних характерных признаков: одежда, нормы поведения среди членов группы и при посторонних, коды общения, ритуалы, традиции, особый язык, кумиры и т.п. Эти внешние, легко отличимые признаки поддерживают ее групповую идентичность и в то же время способствуют самокатегоризации человека.

Необходимо отметить, что взаимоотношения культур, преобладающих в каком-либо обществе, с наличествующими в нем субкультурами зависят от ряда параметров. Чем более ценности личности/группы и общепринятые противоречат друг другу, тем в большем противостоянии находятся культура и субкультура. А активное неприятие большинством людей одной или ряда субкультур, вызывает в ответ агрессивнее отношение членов групп к общепринятому и его сторонникам. Подобное противостояние достаточно широко распространено и связано с противоположным отношением общества и его отдельного представителя к окружающему миру и месту в нем человека.

Все сказанное свидетельствует о необходимости учитывать при проведении исследований современных субкультур как весь спектр противоречий, так и специфику межпоколенных отношений.

Эмпирические исследования молодежной субкультуры

Индивидуальное пространство субкультуры молодежи формирует благодаря динамическому взаимодействию социальных и индивидуальных факторов, при этом успешность социализации в доминирующей культуре определяется, как уже упоминалось, эмоциональным принятием социальных ценностей, норм и правил. Неуспешность социализации в определенной степени может компенсироваться активным вхождением в субкультурное сообщество и самореализацией в нем. Непринятие общепринятых норм и ценностей, отсутствие их четкого понимания и невозможность им соответствовать (реальная или придуманная) становятся предпосылками для выбора своей референтной группы в рамках имеющихся (доступных человеку) субкультур. Индивидуальные особенности людей (уровень интеллекта, эмоциональность, общительность и т.д.) опосредуют выбор субкультурной группы и могут проявляться ярче или сглаживаться в процессе социализации внутри выбранного сообщества.

Эмпирические материалы, полученные в исследованиях Изотовой Е.И., Гребенниковой О.В., Карпука В.А. [8; 9; 10], показывают, что одним из распространенных вариантов взаимодействия групповой и личностной идентичности в субкультурных объединениях является доминирование групповой идентичности в ущерб личностной. Часто такое приоритетное внимание групповым, а не индивидуально-личностным ценностям и идеалам приводит не только к конформизму, но и утере личностной специфики.

Одновременно со снижением персональной индивидуализации, формируется групповая, выраженная, прежде всего, во внешнем плане – стиле одежды, лексике, поведении.

В то же время против такого личностного нивелирования у отдельных юношей и девушек, напротив, нарастают негативизм и агрессия. В любом случае, в подобных субкультурных объединениях наблюдается конфликт, а не баланс идентичностей. Нивелировка индивидуальных особенностей и стилей деятельности, а также решение актуальных для данного возраста задач развития и достижение определенных возрастно-индивидуальных целей, приводит к разрушению истощению данной субкультуры, а часто и группы в целом.

Новые возрастные объединения являются носителями уже несколько измененной субкультуры и не могут рассматриваться в качестве преемников уходящей даже в том случае, если повзрослевшие члены старой группы сохраняют свою групповую (но не субкультурную) общность.

Напротив, субкультуры, основывающиеся на формировании новых видов деятельности, особенно продуктивной деятельности, в которых члены группы, создающие эту субкультуру, объединены общими интересами и ценностями (искусство, игры) в большей степени стремятся к развитию индивидуальности каждого члена группы как создателя того или иного аспекта субкультуры. Поэтому такая субкультура представляет собой устойчивое объединение (как реальная группа, духовное сообщество, виртуальная ассоциация) и распадается только с уходом ее представителей. Нередко эта субкультура смыкается в определенной части с культурным мейнстримом.

Эмпирические данные также показали, что молодежная субкультура как социокультурный феномен не может рассматриваться как нечто совершенно изолированное от своего окружения. Каждую группу характеризует чувство общности и солидарность наряду с определенным набором норм поведения, требований внешнему виду, сложившейся иерархией ее членов, ритуалами и т.п. Именно эти признаки и отличают группу от всех других, но на самом деле эта нарочитая непохожесть сама по себе изменчива и неоднородна по своему составу.

Полученные в процессе исследования результаты доказывают, что возрастные и территориальные субкультуры не являются устойчивыми и распадаются с решением задач развития и изменением положения (статуса) членов определенной социальной (этнической) группы. В то же время при резко антагонистическом отношении большинства членов социума, эта субкультура может перерасти в контркультуру. Этот процесс сопровождается уменьшением доли персональной идентичности и появлением стигматизированной и мнимой идентичности. В отличие от этого варианта субкультура, в определенной мере связанная (во всяком случае не отторгающая) с доминирующими социальными интересами и ценностями не распадается, но скорее, все больше скрепляет членов группы, формируя индивидуальные дружеские связи, способствующие продуктивному продуцированию и развитию субкультуры, и может перейти в культурный мейнстрим. Важным моментом является наличие в такой субкультуре ярко выраженной тенденции к стимулированию становления персональной идентичности и формированию целостности личности.

Можно предположить, что социально-психологическая роль различных молодежных группировок заключается в том, чтобы обеспечить их членам некий переход из пространства детства во взрослый мир. Причем адекватность подобного перехода будет зависеть от многих факторов, в том числе от содержания субкультурных эталонов и их соотношения (прежде всего, эмоционального), с эталонами конкретной социальной группы.

Заключение

Образ мира можно представить как некую сложносоставленную и при этом изменчивую конструкцию, где наряду с уже имеющимися у человека представлениями об окружающем: о событиях, людях, себе самом и собственной роли в происходящем - существуют осознаваемые и неосознаваемые образы и их трансформации. Однако и этим определением не исчерпывается сложность рассматриваемого конструкта, т.к. для опосредования процесса его формирования, служат индивидуальные и личностные качества, индивидуализирующие образ мира и связывающие его с образом Я.

Возникновение любых перемен в среде обитания человека – социальных, технологических, культурных, научных, вплоть до, казалось бы, совсем незначительных перемен в его окружении – влечет за собой изменения в содержании его картины мира. Однако наряду с описанными переменными образ мира состоит и из постоянных частей. Ими являются качества личности самого человека, присущие ему ценности и движущие им мотивы, выступающие в качестве вех при выбо-

ре человеком жизненного пути и следования ему. Эти личностные константы при условии их соответствия социальным изменениям дают возможность выйти за пределы неопределенности и правильно выбрать способы самореализации в неопределенном и изменчивом мире.

Невозможность полностью высказаться и быть до конца понятыми другими в объективном, социальном пространстве ведет к построению личностного, субъективного пространства, связанного с индивидуальной повседневностью и субкультурой.

Психологию субкультуры не следует представлять себе исключительно с точки зрения внешних параметров. Предметом исследования должны стать эмоциональные переживания людей, образующих определенный круг, социальное пространство субкультуры. Содержание этих переживаний во многом определяет и содержание групповой/субкультурной идентичности. Субкультуру необходимо рассматривать в двух планах: как неотъемлемую часть доминирующей культуры и как относительно автономную от нее социальную систему.

Помимо собственно социальных, культурологических, можно также говорить о поколенческих и возрастных аспектах субкультуры, которые во многом диктуются задачами развития на определенном этапе взросления (подростковая, юношеская и т.д.), либо интересами и ценностями узкой группы людей (байкеры, рокеры, ролевики, косплееры и т.д.). В этом плане и корпоративная культура организации также может рассматриваться как один из вариантов субкультуры.

Полученные в эмпирических исследованиях материалы доказывают актуальность создания междисциплинарных концепций субкультуры, без которых не сможет полноценно развиваться и дальнейшее психологическое изучение субкультуры.

Литература:

1. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
2. *Социальная психология в современном мире.* М.: Аспект Пресс, 2002.
3. *Марцинковская Т.Д.* Феноменология и механизмы развития: историко-генетический подход. Психологические исследования, 2012, 5(24), 12.
4. *Ухтомский А.А.* Лицо другого человека. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.
5. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015а., 8(42), 1.
6. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015b.
7. *Маффесоли М.* Околдованность мира, или Божественное социальное. Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991.
8. *Изотова Е.И.* Инструменты эмоциональной насыщенности интернет-сообщения: эмоциональный интеллект и способы кодирования эмоций // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 37. С. 5.

9. *Гребенникова О.В.* Трансформация социальных представлений в межпоколенном взаимодействии // Психология обучения, 2015, N 3. С. 4-15.

10. *Карпук В.А.* Изучение особенностей образа Я у представителей субкультур ролевиков и косплееров // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 96–105. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-96-105

References

1. *Leontyev A.N.* Activity, Consciousness. Personality. M.: Politizdat, 1975. (in Russ.)

2. Social psychology in the modern world. M.: Aspect Press, 2002. (in Russ.)

3. *Martsinkovskaya T.D.* Phenomenology and mechanisms of development: a historical-genetic approach. Psychological research, 2012, 5 (24), 12. (in Russ.)

4. *Ukhtomsky A.A.* The face of another person. SPb.: Ivan Limbach Publishing, 2008. (in Russ.)

5. *Martsinkovskaya T.D.* Modern psychology - challenges of transitivity. Psychological research, 2015a., 8 (42), 1. (in Russ.)

6. *Martsinkovskaya T.D.* The problem of socialization in the historical-genetic paradigm. M.: Smyls, 2015b. (in Russ.)

7. *Maffesoli M.* The Enchantment of the World, or the Heavenly Social. Socio-Logos. M.: Progress, 1991. (in Russ.)

8. *Izotova E.I.* Instruments of emotional saturation of the Internet message: emotional intelligence and ways of coding emotions // Psychological studies. 2014. V. 7, No. 37. p. 5. (in Russ.)

9. *Grebennikova O.V.* Transformation of social representations in intergenerational interaction // Psychology of learning, 2015, N 3. P. 4-15. (in Russ.)

10. *Карпук В.А.* The study of the features of the self-image in representatives of the subcultures roleivikov and cosplayers // RSUH/ RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series. 2018; 2 (12). С. 96–105. DOI: 10.28995/2073-6398-2018-2-96-105

Информация об авторах:

Татьяна Д. Марцинковская доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университета, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва Миусская площадь, д. 6 ; Московский государственный областной университет, Москва, Россия, 105005, Россия, Москва, Радио, д.10А; *marsinkovskaya@psystudy.ru*

Владимир В. Солодников, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *solodnikovv@mail.ru*

Владимир А. Карпук, студент 2-го курса магистратуры Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *karpuk_va@mail.ru*

Information about the author

Tatyana D. Martsinkovskaya doctor of psychological sciences, professor, Russian state humanitarian university, Miusskaya Square, 6, Moscow, Russia, 125993; Moscow state regional university, Radio Street, 10A Moscow, Russia, 105005; *marsinkovskaya@psystudy.ru*

Vladimir V. Solodnikov, Dr. in Sociology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *solodnikovv@mail.ru*

Vladimir A. Karpuk, student of the second course of a magistracy, Russian State Humanitarian University, Russian Federation, Moscow, Miusskaya Square, 6, 125993; *karpuk_va@mail.ru*

УДК 159.9.

DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-37-50

Тенденции в изучении семьи и характеристик ее состава, связанных с жизнеспособностью

Александр В. Махнач

Институт психологии РАН, Москва, Россия, amak@inbox.ru

Аннотация. Обсуждаются особенности состава замещающей семьи, оказывающие влияние на ее жизнеспособность. Доказывается, что алармистская позиция в исследованиях семьи, предполагающая ее зависимость от внешних неблагоприятных воздействий, когда факторы риска делают семью уязвимой и дефицитарной, связана с ее определениями: девиантная, дисфункциональная, кризисная. Проведен анализ основных направлений исследований семьи в отечественной психологии на базе библиографического анализа публикаций. Отмечается, что большинство терминов, определяющих состав семьи, относятся к ненаучному словарю и в онтологическом поле позитивных характеристик семьи еще не сформирован научный словарь. Обсуждается «жизнеспособность замещающей семьи» как новое понятие социальной психологии в связи с составом семьи (возраст, пол приемных детей, место и тип проживания, полная и частичная занятость родителей, семейный стаж).

Ключевые слова: жизнеспособность семьи, замещающая семья, состав семьи, социальная парадигма, структура семьи

Для цитирования: Махнач А.В. Тенденции в изучении семьи и характеристик ее состава, связанных с жизнеспособностью // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 37–50. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-37-50

Trends in studying the family and characteristics of the composition related to its resilience

Alexander V. Makhnach

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
amak@inbox.ru*

Abstract. The peculiarities of the composition of the foster family that affect its resilience are discussed. It is proved that the alarmist position in family research, suggesting its dependence on external adverse effects, when risk factors make the family vulnerable and deficient,

which is associated with its definitions: deviant, dysfunctional, crisis. The main directions of family research in Russian psychology on the bibliographic analysis of publications are discussed. It is noted that most of the terms defining the composition of the family refer to the unscientific dictionary and the scientific vocabulary has not yet been formed in the ontological field of positive characteristics of the family. The term “resilience of a foster family” is discussed as a new concept of social psychology in connection with the composition of the family (age, sex of adopted children, place and type of residence, full and part-time employment of parents, family experience).

Keywords: family resilience family, family composition, social paradigm, family structure

For citation: Makhnach AV. Trends in studying the family and characteristics of the composition related to its resilience // RSUH/ RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series. 2019;2:37-50. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-37-50

Введение

Анализ исследовательской парадигмы семьи, перспективы ее развития во времени, современные требования к семье как социальному институту, семейной системе и малой социальной группе обусловил наш интерес к жизнеспособности семьи.

Традиционно в большинстве работ изучаются основные параметры состава семьи, приводятся различные его характеристики. Часть их являются биологическими характеристиками членов семьи и определены кровным родством, брачными связями, социальными, экономическими отношениями, местом проживания. Например, вновь создаваемые семьи дифференцируются по месту проживания семьи – в доме родителей, мужа (жены) или на новом месте - и определяются как патрилокальные, матрилокальные или неолокальные семьи. Другая часть характеристик - качественные – с их помощью описываются отношения в семье, количество внешних связей, времяпровождение семьи, и в связи с этим выделяются закрытые/открытые семьи. В таких работах изучаемые качественные характеристики семьи становятся основными в определении ее состава.

В настоящее время динамика института семьи частично отражена в современных изысканиях, но процесс разрушения традиционных взглядов на семью и брак не является быстрым, поэтому он требует лонгитюдных исследований. Исчезновение традиционной формы семьи и изменения в ее составе часто регистрируются в науках с заметным отставанием. С появлением новых форм семьи наметилась четкая тенденция: изучать и предвидеть их появление и изменение в содержании термина «семья». Многие новые формы брака (годвин-брак, откры-

тый, конкубинат и т.п.) стали более заметными на фоне изменений, происходящих особенно в условиях жизни горожан.

Сложившиеся обстоятельства выдвигают требования – как внешние (отношения, обусловленные экономическими условиями в семье), так и внутренние (активность каждого члена семьи, их способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам в семье). Появление иных форм семьи, отличных от традиционной, и переход от нее к незарегистрированному, гостевому браку, сожительству, однополую союзу и т.п. – явление на поле современности.

Продолжая анализ характеристик состава семьи, рассмотрим наиболее типичные тенденции в ее исследованиях. Для этого обратимся к данным отечественных публикаций, отражающим основные темы в изучении семьи. В 544 публикациях с 2008 по 2018 гг. наукометрической базы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) найдены следующие определения семьи, указывающие на уточнение предмета исследования: разрушенная, алкогольная, анормальная, безработная, слабая, бедная, маргинальная, дисфункциональная, кризисная, аморальная, криминальная, малоимущая, наркотизирующаяся, неблагополучная, виктимогенная, нарциссическая, высококонфликтная, невротическая, неполноценная, социально дезадаптированная, несовладающая, деструктивная, неуспешная, патогенная, дезинтегрированная, обреченная, психосоматическая, асоциальная или социально опасная, девиантная, десоциализирующая, социально усложненная семья, а также семья группы социального риска, в социально опасном положении, в трудной жизненной ситуации, с социально негативными свойствами.

Нетрудно заметить, что в приведенном списке наиболее полно представлены различные аспекты, отражающие негативную оценку семьи. Отметим, что в этом списке присутствуют определения из обычного лексикона такие, как бедная, обреченная семья. Также считаем, что не всегда оправдано использовать термины из психиатрии в психологических работах при определении характеристики семьи: психосоматическая, патогенная, нарциссическая. Если данные определения и соотносимы с поведением или проявлениями кого-то из членов семьи, то вызывает сомнение отнесение этих характеристик ко всей семье в целом. Особенно выделяются среди определений такие, как обреченная, аморальная, неполноценная, что придает явный оттенок осуждения положению, сложившемуся в семье. При этом подобная исследовательская позиция явно необъективна.

В таких работах обращается внимание на деградацию института семьи, с последующим снижением морального регулирования отношений между супругами внутри нее, и в этом выражается алармистская

позиция некоторых исследователей. В ней противопоставляются современные формы существования семьи традиционной патриархальной семье. Приведенный взгляд на семью предполагает рассматривать ее уязвимой, легко подверженной внешним воздействиям, не способной противостоять кризисам, поэтому ее определяют как неблагополучную, девиантную, маргинальную, дисфункциональную, и т.п. В рамках медицинской модели исследования в психиатрии (и это типично для медицинских наук) традиционно лучше изучено физическое неблагополучие человека, и по этой причине многие термины и понятия хорошо представлены в дискурсе дефицитарности. Перенос медицинского подхода на исследования в области семейной психологии не оправдан, т.к. он не позволяет анализировать семью и каждого из ее членов во всем многообразии ее феноменологии. Анализ семьи посредством рассмотрения индивидуальных характеристик членов семьи как части целого приводит к тому, что появляются такие определения семьи, как нарциссическая, девиантная или психосоматическая, когда любое из вышеперечисленного, относимое к члену семьи, переносится на всю семью.

В ряде исследований существует и противоположная точка зрения на семью и ее социальное взаимодействие с внешним миром. Эта позиция определяется как *позитивистская (модернизационная)*, или *семейной пластичности*, где доказывается, что институт брака сохранился и развивается, а отношения между супругами становятся все более разнообразными и по форме, и по содержанию. В публикациях, проиндексированных в РИНЦе за последнее десятилетие, обнаружено всего 68 статей (11% от общего количества), в которых изучаются *сильные, благополучные* характеристики семьи. Они включали следующие определения: удачная, добрая русская, здоровая, гармоничная, качественная, крепкая, любящая, процветающая, счастливая, правильно функционирующая, благополучная, идеальная, высококультурная, благоприятная, дружная, духовная, функционально дееспособная, успешная. Отметим, что многие из определений не всегда можно отнести к научно описанным понятиям: процветающая, дружная, любящая, крепкая, добрая русская семья. Очевидно, что психология еще не создала адекватного научного словаря для выделения, сравнения и описания семьи, способной соразмерно отвечать внешним влияниям и реагировать на изменения внутри самой себя, оставаясь стабильной и благополучной. По нашему мнению, такое понятие, как «жизнеспособность семьи» во многом охватывает онтологическое поле исследований семьи.

Во многих определениях семьи заложена дихотомия: благополучная – неблагополучная, функциональная – дисфункциональная, ус-

пешная – неуспешная. В данном подходе есть очевидный плюс: характеристики семьи рассматриваются на континууме, например, функциональности, поэтому получаемые данные по какой-то конкретной семье соотносимы с выделенными критериями. Но что можно исследовать и сопоставлять, работая с такими определениями, как: дружная, процветающая, крепкая семья? Эти и подобные описания семьи – качественные – и не являются формальными, но сложность состоит в том, что большинство из них несколько искусственно сопоставляются с составом семьи.

Важно отметить, что в большинстве определений в социальной психологии и социологии семья – хороший источник развития, а также экономических, социальных и психологических ресурсов для каждого члена семьи, которые включают в определение социальной модели (парадигмы) в исследовании больших и малых социальных групп. Социальная модель в исследованиях семейных отношений, особенностей семьи основана на идеях, которые позволяют проводить широкие социально-психологические исследования семьи, функционирующей в самых разнообразных контекстах.

Например, анализ жизнеспособности семьи возможен в социальной парадигме изучения семьи. Дефицитарная модель изучения семьи сужает возможности для исследований семьи, вместе с тем в психологии долгое время практиковался подход к этой малой группе, основывавшийся на ее дефицитарности. С этим связано существование в научном дискурсе, так сказать, «словаря определений неблагополучия семьи». Возможность изучения сильных сторон семьи в соответствии с теоретическими постулатами Т. Куна возникает при смене доминирующей в дискурсе научных исследований парадигмы и происходит как переход от дефицитарной модели (парадигмы) изучения семьи к социальной (ресурсной, позитивной). В нашем понимании результатом такого перехода становится повышенный интерес к жизнеспособности семьи как ее системообразующему фактору. Поэтому для нас социальная модель (парадигма) изучения семьи – это возможность анализировать ее особенности в междисциплинарном пространстве, с учетом теоретических и методологических оснований исследования феноменологии семьи.

Для доказательства актуальности исследований семьи приведем мнение В.В. Солодниковой: «... для психологических исследований семья – малозначимый объект изучения. Более того, она рассматривается, как некий «фон» для изучения «фигуры» – личности (преимущественно ребенка) и межличностных отношений» [1 с. 293]. Интересно, что прогнозируя развитие психологии к 2030 г., 50 экспертов отметили, что «среди приоритетных/перспективных направлений

психология семьи занимает весьма скромное положение. Об активном развитии «семейной и гендерной психологии» в ближайшие годы есть только два упоминания (1% ответов), а «семейные отношения» (семья, семейная жизнь, самореализация в семье) как сферу практического применения психологии отметили только три эксперта (1,9% ответов)» [2 с. 54]. Полученные показатели свидетельствуют о снижении интереса исследователей к изучению феноменологии семьи, несмотря на очевидное неблагополучие семьи как малой социальной группы.

Состав замещающей семьи, связанный с ее жизнеспособностью

В анализе *жизнеспособности замещающей семьи* как нового понятия социальной психологии ее компоненты часто связываются с ее составом: формой брака, количеством членов, возрастом супругов, детей, структурой связей, стажем. В ряде работ исследователи замещающих семей связывают успешность воспитания приемного ребенка в семье с этими характеристиками [3-6].

В литературе, посвященной жизнеспособности замещающей семьи, отмечается ряд противоречий в изучении детерминации тех или иных ее характеристик и состава: одна и та же характеристика состава может быть представлена в исследовании как способствующая или как не способствующая жизнеспособности семьи. В связи с этим существует искушение пойти за традицией выделения дихотомии, действуя не в социальной парадигме, а оставаясь в дефицитарной парадигме исследования семьи. По-видимому, изучая семью, легче набирать данные в последней парадигме, т.к. она богаче и ярче феноменологически. Задача ученого состоит в том, чтобы остаться на позиции социальной парадигмы изучения семьи, обнаруживая и описывая ее ресурсы в русле антропологического поворота К. Ранера (Karl Rahner), что и есть основа исследований жизнеспособности семьи. В работе Ж.А. Захаровой отмечается, что «жизнь семьи с новым членом, процесс взаимной адаптации сопряжены с трудностями, главными отличительными чертами которых являются «стресс нового образа жизни», социально-психологическая отчужденность, обуславливающие негативные поведенческие реакции ребёнка, ухудшение ранее стабильных семейных отношений» [4 с. 13].

Рассмотрим такую характеристику состава замещающей семьи, как *родственная опека*, чьи плюсы и минусы не очевидны. Специалисты приводят взаимоисключающие аргументы, с помощью которых они пытаются обосновать правомерность своей позиции. Отмечается, что в защите прав сирот, усыновленных родственниками, существует множество непростых моментов. Во-первых, они возникают потому, что

специалисты не проводят психологическое обследование усыновителей-родственников ребенка. Во-вторых, им как родственникам не обязательно проходить курсы школы приемных родителей. В-третьих, замещающие родители-родственники часто избегают получать профессиональную помощь от специалистов службы сопровождения, пока что-нибудь не случится с приемным ребенком, и обращаются за помощью только в самых критических ситуациях. В-четвертых, для многих опекунов-родственников имеет значение материальная помощь от государства, пусть небольшая, по сравнению с неродственной опекой или приемными родителями-неродственниками [7-9]. Вместе с тем подчеркивается, что «приемные дети, проживающие в семьях родных (бабушек/дедушек, дядей/тетей), показывают психологическое и физическое благополучие, но по сравнению с детьми из обычных семей эти показатели ниже» [10 с. 612]. Не в пользу воспитания в родственной семье свидетельствуют и данные об отменах решений о передаче сирот в родственную или неродственную замещающую семью (см. таблицу 1).

Таблица 1

Количество отмен решений о передаче детей в замещающие семьи
(Форма 103-РИК)

Годы	20	20	20	20	20
	12	13	14	15	16
Отменено решений о передаче ребенка на воспитание в семью под опеку	60	56	53	56	54
	69	71	29	48	95
Из них:					
В семьи сторонних граждан	19	19	18	21	21
	49	43	35	96	56
В семьи родственников	41	37	34	34	33
	20	28	94	52	39
Соотношение отмены решений; неродственная /родственная семья (% от общего числа)	32	34	34	38	39
	.11	.26	.43	.88	.24
	67	65	65	61	60
	.89	.74	.57	.12	.76

Из таблицы видно, что процент отмены решений о передаче детей в родственные замещающие семьи выше, но число детей, вновь оказавшихся в интернатных учреждениях, но ранее переданных в родственные семьи, снижается с 67.89% до 60.76% (от общего числа возвращенных в детские дома). Эти цифры указывают на незначительное улучшение организации работы специалистов с родственной семьей

сироты. Однако заметим, что количество отмен передачи ребенка-сироты в неродственные семьи увеличивается, что свидетельствует о снижении качества подбора этих семей ребенку.

Другая характеристика состава замещающей семьи – *совместное помещение на воспитание в семью кровных сестер или братьев*. Отмечается сосуществование противоположных взгляда на эту проблему. Отмечается, что на эффективность передачи в замещающую семью кровных братьев или сестер будут оказывать влияние следующие факторы: количество детей, уже воспитывающихся в семье (кровных или приемных), их возраст на момент передачи их в семью, возраст кровных детей [11]. Эти факторы могут являться факторами риска для замещающей семьи и снижать ее жизнеспособность.

Еще одна характеристика состава замещающей семьи связана с помещением в нее *сирот одного пола*. В литературе практически нет доказательств влияния пола ребёнка-сироты на жизнеспособность замещающей семьи [12]. По нашему наблюдению помещение в замещающую семью только девочек (сестер) или только мальчиков (братьев) как фактор риска не изучен, и на сегодняшний день нет верифицированных научных данных о том, насколько такой состав замещающей семьи станет фактором ее стабильности или нестабильности.

Статус замещающей семьи – особая тема, плохо представленная в научном дискурсе. Отнесение себя к особой семье по факту появления в ней приемного ребенка так же важно и для замещающих родителей-усыновителей. «Усыновители попадают в уникальную ситуацию, приобретая *промежуточный статус* между замещающими и биологическими родителями. В результате могут возникнуть сложности в плане формирования у усыновителей чувства принадлежности к той или иной группе родителей (биологических или замещающих), так как ни к одной из них они себя в полной мере отнести не могут» [13 с. 19]. Сложные для семьи с приемным ребенком ситуации способствуют осознанию ею своей уникальности по сравнению с обычными семьями. Это понимание себя как особой семьи направляет ее внимание на поиск подобных сложных ситуаций в других замещающих семьях. «Взаимодействие с опытными замещающими семьями усиливает ресурсность семьи, помогает ей оставаться жизнеспособной. Закономерно выделяются два фактора, способствующие развитию жизнеспособности таких семей: осознанная социальная поддержка и конкретные внутренние ресурсы, которые (а) в значительной степени способствуют благополучию семьи, (б) связаны с их позитивным поведением и (в) поддаются изменению» [14 р. 351].

Наличие и количество кровных детей в замещающей семье оказывает различное влияние на успешность адаптации сироты в новой се-

мье, опыт воспитания ранее усыновленного ребенка также дает прогноз успешности приема сироты в семью [6,15,16].

Сравнение данных по компонентам жизнеспособности замещающей семьи в связи с *местом ее проживания* представляет особый научный интерес, однако по нашим наблюдениям исследований с учетом этого фактора не проводится [17]. В малых городах, сёлах благодаря внятной политике и реальной поддержке местными властными органами и муниципалитетами успешно развивается институт замещающей семьи. Политика некоторых муниципалитетов в области решения проблем сиротства является частью демографического, социально-экономического плана развития района или региона в целом. В деревнях существуют практически все виды семейной заботы (патронат, усыновление, опека/попечительство). Характеристики таких замещающих семей включают общинный статус, расширенность границ семьи, более строгое следование правилам поведения. Создание сельской замещающей семьи имеет свои плюсы: возможность постоянного наблюдения за приемным ребенком не только со стороны родителей, но и старших детей, друзей и соседей по улице. В немногочисленных работах показано, что сельская замещающая семья дает приемному ребенку больше ощущения стабильности, число отказов от детей в таких семьях значительно меньше. Вместе с тем сельские замещающие семьи часто не обладают достаточной информацией о физическом, психическом здоровье их приемного ребенка, о возможных последствиях его нахождения в детском доме. Не все хронические, а тем более психические заболевания, часто присутствующие в анамнезе многих приемных детей, могут быть адекватно курируемы в условиях села из-за сложности обращения за медицинской помощью. «Часто мотивом замещающих родителей, проживающих в сельской местности, является их готовность получать за свою работу деньги, т.к. сложно найти другую работу. Если желание зарабатывать деньги за воспитание детей на дому не подкреплено любовью к детям, пониманием их потребностей и проблем, то прогноз жизнедеятельности такой семьи неблагоприятен» [18 с. 24].

Выделяемые по типу проживания семьи: *неолокальные* – с созданием и проживанием семьи независимо от родителей супругов, *патрилокальные* с проживанием семьи в доме мужа, *матрилокальные* семьи – в родительской семье жены - в случае замещающих семей имеют свою специфику. Замещающие семьи чаще формируются в неолокальных семьях, которые были созданы на отдельной от родителей территории, часто в другом городе. Наш опыт работы с кандидатами в замещающие родители и замещающими семьями позволяет сделать вывод о том, что чаще оформляют замещающую семью неолокальные

семьи. Отчасти это связано с оценкой семьи специалистами органов опеки, которые обязательно должны опросить всех, кто проживает в квартире или доме. Для положительного решения относительно будущего места проживания приемного ребенка важно единое мнение всех домохозяев, что легче сделать в неолокальной семье.

Следующая характеристика состава семьи – *профессиональная занятость каждого из супругов*: замещающая семья может быть *полной и частичной занятости*. В замещающей семье с частичной занятостью работает один из супругов, и в этом случае семье важно иметь стабильный доход, чтобы органы опеки и попечительства убедились в достаточности финансов, необходимых для воспитания ребенка. Для семьи, состоящей из *замещающих родителей-пенсионеров*, где оба супруга не работают, – «эта характеристика состава семьи может оказаться очень значимой для оформления замещающей семьи. Часто опеку или усыновление вынуждены оформлять родные бабушка (дедушка) ребенка, имеющие негативный опыт воспитания собственных детей» [19 р. 5]. Замещающие родители могут считаться *профессионально занятыми*, если в регионе есть для этого соответствующая нормативная база. На протяжении последнего десятилетия в профессиональных кругах идет дискуссия о понятии «профессиональный замещающий родитель». В нашей стране нет четкого понимания, кого относить к этой группе замещающих родителей, нет определения понятия «профессиональный замещающий родитель». И прежде всего в Семейном кодексе РФ до сих пор нет определения семьи, выполняющей профессиональную деятельность, способной воспитывать детей-инвалидов, подростков, кровных сестер и братьев, одновременно передаваемых в замещающую семью. Это связано с тем, что сироты из таких групп реже оказываются в замещающих семьях. Если бы в семье оба родителя имели полную занятость с выплатой полагающегося содержания, то такие семьи характеризовались бы по составу – с *полной и частичной занятостью*.

В итоге анализ состава и структуры семьи определил некоторые проблемные места в изучении замещающей семьи как малой социальной группы. Малочисленные работы, посвященные взаимосвязи состава таких семей и компонентов их жизнеспособности, влияющих на их функциональность и эффективность, подтверждают необходимость отхода от парадигмы исследования различных аспектов неблагополучия замещающей семьи и сдвига основных акцентов на изучение ее жизнеспособности.

Заключение

Анализ семьи в русле модернизационной (позитивистской) парадигмы позволяет получать данные о ее ресурсности, силе, расширен-

ной системе поддержки, социальной успешности каждого члена семьи, о наиболее эффективных способах коммуникации внутри нее и за ее пределами; о способности семьи адаптировать существующие в ней правила и нормы к иным условиям. Позитивистский подход к изучению семьи представлен в социальной парадигме (в противовес дефицитарной) и в настоящее время лежит в основе многих исследований. Работ в русле позитивистской парадигмы в последнее время стало значительно больше. В них семья в целом и замещающая – в частности анализируется с позиции ее ресурсности для каждого члена как фактор жизнеспособности, особенно если кто-либо из ее состава находится в трудной жизненной ситуации, что часто случается с приемным ребенком.

В изучении жизнеспособности замещающей семьи в связи с ее составом отмечено несколько противоречий: часто одни и те же параметры ее характеристики описываются и как способствующие, и как не способствующие развитию жизнеспособности семьи. Особенности состава замещающей семьи позволяют определять ее как особую форму семьи. Вместе с тем существует опасность, что сформированное за многие годы отношение к замещающей семье как к особой форме семьи усиливает присутствие в работах исследователей научного дискурса социальной болезни в противовес дискурсу «жизнеспособная семья». Такой дискурс провоцирует существование социальной сегрегации, и семья может определяться как особая. Сама процедура создания замещающей семьи сложна и связана со множеством трудностей – объективных по оформлению семьи и субъективных, связанных с появлением в семье нового члена, что часто приводит ко временной дисфункциональности. Однако отнесение семьи к особым не должно провоцировать ни в исследованиях, ни в практике отношение к ней как к потенциально неблагополучной.

Благодарности

Исследование выполнено по Государственному заданию № 0159-2019-0001.

Acknowledgements

The study was carried out according to the State task number 0159-2019-0001.

Литература

1. Солодников В.В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. Т. 6. С. 269-332. DOI:10.14515/monitoring.2018.6.14.

2. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37(5). С. 45-64.
3. *Гапченко Е.А.* Проблема психологического ресурса замещающей семьи // Российский психологический журнал. 2013. Т. 10 (2). С. 52-60.
4. *Захарова Ж.А.* Социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания приёмного ребёнка в замещающей семье: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Кострома, 2009.
5. *Лактионова А.И.* Особенности эффективной замещающей семьи, воспитывающей подростка-сироту // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. / Под. Ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 225-242.
6. *Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В.* Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей // Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев, М.А. Холодная. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 166-193.
7. *Махнач А.В.* Профессиональная замещающая семья // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 341-400.
8. *Николаева Е.И., Анжиганова О.Р.* Связь интеллекта ребенка с длительностью пребывания в детском доме (на примере приемных семей Республики Хакасия) // Психология образования в поликультурном пространстве. 2016. Т. 35(3). С. 25-33.
9. *Geen R.* The evolution of kinship care policy and practice // The Future of Children. 2004. V. 14(1). P. 130-149. doi:10.2307/1602758
10. *Garnier P.C., Poertner J.* Using administrative data to assess child safety in out-of home care // Child Welfare Journal. 2000. V. 79 (5). P. 597-613.
11. *Reilly T., Platz L.* Characteristics and challenges of families who adopt children with special needs: an empirical study // Children and Youth Services Review. 2003. V. 25(10). P. 781-803. DOI:10.1016/S0190-7409(03)00079-3
12. *Bernard K., Dozier M.* This is my baby: Foster parents' feelings of commitment and displays of delight // Infant Mental Health Journal. 2011. V. 32(2). P. 251-262. DOI:10.1002/imhj.20293
13. *Лаввич Ю.Ф.* Восприятие усыновителями своей социальной роли как фактор психологической готовности к усыновлению. Развитие альтернативных форм жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Междунар. сб. науч. статей. Ч. II. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. С. 17-25.
14. *Taylor Z.E., Conger R.D.* Promoting strengths and resilience in single-mother families // Child Development. 2017. V. 88(2). P. 350-358. DOI:10.1111/cdev.12741
15. *Гибдуллин Н.В.* Проблемы формирования семейных ценностей у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях замещающей семьи // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20(6). С. 268-271.
16. *Лактионова А.И.* Развитие жизнеспособности замещающей семьи в процессе ее сопровождения // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 254-271.

17. Махнач А.В., Толстых Н.Н. Жизнеспособность как характеристика социальной группы кандидатов в замещающие родители // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9(2). С. 127-149. doi:10.17759/sps.2018090209
18. Серова Е.В. Замещающая семья: факторы, влияющие на психологическое здоровье, и предпосылки для возникновения страхов у приёмного ребёнка // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2012. Т. 12(1). С. 21-27.
19. McCartan C., Bunting L., Bywaters P., Davidson G., Elliott M., Hooper J. A four-nation comparison of kinship care in the UK: The relationship between formal kinship care and deprivation // Social Policy and Society. 2018. V. 17(4). P. 619-635. doi:10.1017/S1474746418000179

References

1. Solodnikov VV. Russian sociological and psychological research of the family in the XXI century: a meta-analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 6: 269-332. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.14 (in Russ)
2. Zhuravlev AL., Nestik TA., Yurevich AV. Forecast of the development of psychological science and practice by 2030. *Psikhologicheskiiy zhurnal*. 2016; 37 (5): 45-64. (in Russ)
3. Gapchenko EA. The problem of the psychological resource of a substitute family. *Rossiyskiy Psikhologicheskiiy Zhurnal*. 2013; 10(2): 52-60. (in Russ)
4. Zakharova JA. Socio-pedagogical support of the process of raising a foster child in a foster family: author. dis. ... dr. ped. sciences. Kostroma, 2009. (in Russ)
5. Laktionova AI. Features of an effective foster family raising an adolescent-orphan. In: A.V. Makhnach, K.B. Zuev (Eds.). *Family, Marriage and Parenthood in Modern Russia*. Issue 2. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ.; 2015; 225-242. (in Russ)
6. Makhnach AV., Laktionova AI., Postylyakova YuV. The program of psychological diagnostics of personal and family resources in the practice of selection, training and maintenance of foster parents. In: LG. Dikaya, AL. Zhuravlev, MA. Kholodnaya (Eds.). *Methods of Psychological Support of Professional Activity and Technology for the Development of Human Mental Resources*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ.; 2014: 166-193. (in Russ)
7. Makhnach AV. Professional foster family. In: AV. Makhnach, AM. Prihozhan, NN. Tolstykh (Eds.). *The problem of Orphanhood in Modern Russia: The Psychological Aspect*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ.; 2015: 341-400. (in Russ)
8. Nikolaeva EI., Anzhiganova OR The relationship of the child's intelligence with the length of stay in an orphanage (by the example of foster families of the Republic of Khakassia). *Psikhologiya Obrazovaniya v Polikulturnom Prostranstve*. 2016; 35(3): 25-33. (in Russ)
9. Geen R. The evolution of kinship care policy and practice. *The Future of Children*. 2004; 14(1): 130-149. DOI:10.2307/1602758
10. Garnier PC. Poertner J. Using out-of-home care. *Child Welfare Journal*. 2000; 79(5): 597-613.
11. Reilly T., Platz L. Characteristics and challenges for families who adopt children. *Youth Services Review*. 2003; 25(10): 781-803. DOI: 10.1016/S0190-7409(03)00079-3
12. Bernard K., Dozier M. This is my baby: Foster parents' feelings of commitment and displays of delight. *Infant Mental Health Journal*. 2011; 32(2): 251-262. DOI:10.1002/imhj.20293

13. Lakhvich YuF. Perception by adopters of their social role as a factor in psychological readiness for adoption. *Development of alternative forms of life arrangement for orphans and children left without parental care*. Part II. Armavir: RIC AGPU Publ.; 2009: 17–25. (in Russ)
14. Taylor ZE., Conger RD. Promoting strengths and resilience in single-mother families. *Child Development*. 2017; 88(2): 350-358. DOI: 10.1111/cdev.12741
15. Gibadullin NV. Problems of formation of family values in orphans and children left without parental care, in the context of a substitute family. *Kostroma State University Bulletin*. 2014; 20(6): 268-271. (in Russ)
16. Laktionova AI. The development of resilience of a foster family in the process of its support. *Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda*. 2016: 1(1): 254-271. (in Russ)
17. Makhnach AV., Tolstykh NN. Resilience as a characteristic of a social group of foster parents' applicants. *Social Psychology and Society*. 2018; 9(2): 127-149. DOI:10.17759/sps.2018090209 (in Russ)
18. Serova EV. Foster family: factors affecting psychological health, and the prerequisites for the emergence of fears in the adopted child. *Voprosy Psikhicheskogo Zdorov'ya Detey i Podrostkov*. 2012; 12(1): 21-27. (in Russ)
19. McCartan, C., Bunting, L., Bywaters, P., Davidson, G., Elliott, M., Hooper, J. A four-nation study: Care and deprivation. *Social Policy and Society*. 2018; 17(4): 619-635. DOI:10.1017 / S1474746418000179

Информация об авторе

Александр В. Махнач, кандидат психологических наук, Институт психологии РАН; 129366, Россия, Москва, Ярославская, 13/1; amak@inbox.ru

Information about the author

Alexander V. Makhnach, Cand. of Sci. (Psychology), Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 13/1 Yaroslavskaaya, Moscow, Russia, 129366; amak@inbox.ru

Эмпирические исследования

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-51-76

Житейские представления о личности Другого с яркой выраженностью темнотриадических черт. Сравнение с данными научных исследований

Милена В. Балева

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, milenabaleva@yandex.ru*

Галина В. Ковалева

*Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия,
gal2401@yandex.ru*

Ольга И. Полянина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия, helgapol72@gmail.com*

Аннотация. Возникающие в процессе социальной перцепции житейские представления о чертах личности Другого, демонстрирующего выраженный темнотриадический профиль, сопоставлялись с данными исследований о взаимосвязях черт Темной триады с показателями Большой пятерки и НЕХАСО. В исследовании приняли участие 460 студентов в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 20,38$, $SD = 0,87$), из них 101 мужчина (22 %) и 359 женщин (78 %). В качестве объектов восприятия выступили персонажи постановочного интервью – юноша и девушка студенческого возраста, которые отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады как абсолютно «хорошая» или абсолютно «плохая» личность. После просмотра интервью участники оценивали личность объектов по списку из 24 прилагательных, используемых в житейском дискурсе. Было обнаружено, что житейские представления о личности Другого образуют пятифакторную структуру, которая соотносится с базовыми (диспозиционными) личностными чертами. Объекты восприятия с контрастной выраженностью Темной триады получили статистически различающиеся оценки по всем диспозиционным чертам. При этом личность «плохого» Другого оценивалась как более экстравертированная, открытая новому опыту, менее сознательная / добросовестная, менее доброжелательная и менее че-

стная, что соответствует обнаруженным в исследованиях корреляциям между показателями Темной триады и диспозиционными чертами. Было выявлено, что пол оказывает незначительное влияние на обнаруженные закономерности, однако у респондентов с высоким уровнем Темной триады ослабевает контрастность оценок личности «хорошего» и «плохого» Другого, причем пол выступает в этом случае более выраженным опосредующим фактором. *Ключевые слова:* имплицитные теории личности, социальная перцепция, Темная триада, Большая пятерка, HEXACO, житейские представления, половые различия

Для цитирования: Балева М.В., Ковалева Г.В., Полянина О.И. Житейские представления о личности Другого с яркой выраженностью темнотриадических черт. Сравнение с данными научных исследований // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 51–76. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-51-76

Implicit judgments about the Other with vivid manifestations of Dark Triad traits. Comparison with research data

Milena V. Baleva

Perm State University, Perm, Russia, milenabaleva@yandex.ru

Galina V. Kovaleva

Perm State Institute of Culture, Perm, Russia, gal2401@yandex.ru

Olga I. Polyagina

Perm State University, Perm, Russia, helgapol72@gmail.com

Abstract. The implicit social judgments about personality of the Other, who demonstrated an evident dark-triad profile, were compared with the research data examining correlations between Dark Triad and Big Five / HEXACO traits. The study involved 460 students from 18 to 24 years old ($M = 20.38$, $SD = 0.87$), 101 (22%) male and 359 (78%) female. The perceptive objects were represented by young man and woman – the characters of the staged interview, during which they answered the questions of the Short Dark Triad questionnaire as absolutely “good” or “bad” person. After viewing the interview, participants assessed the personality of the objects by the list of 24 adjectives used in everyday discourse. It was found that implicit judgments about the personality of the Other form a five-factor structure that corresponds to the basic (dispositional) personality traits. Objects with the contrast manifestations of

Dark Triad received statistically different estimates for all dispositional traits. The personality of the “bad” Other was assessed as more extraverted, opened to experience, less conscientious, less agreeable and less honest. These results correspond to previously obtained research data. It was found that sex makes weak effect on the patterns found. The results also suggest that the respondents with a high Dark Triad poorly distinguish between the “good” and “bad” Others and their sex is a more obvious mediating factor in this case. *Keywords:* implicit personality theory, social perception, implicit judgments, Dark Triad, Big Five, HEXACO, sex differences

For citation: Baleva MV, Kovaleva GV, Polyamina OI. Implicit judgments about the Other with vivid manifestations of Dark Triad traits. Comparison with research data. *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series.* 2019;2:51–76. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-51-76

Введение

Представления о личности Другого являются феноменом, который может быть описан с позиций социально-когнитивного подхода [1,2] и имплицитных теорий личности [3,4]. Пространство социальной перцепции можно рассматривать как наилучшее «место встречи» этих двух парадигм, поскольку оно задает естественный и достаточно подробно исследованный контекст для объяснения инвариантных и специфических компонентов формирования образа Другого.

Житейские представления о личности – как своей собственной, так и Другого человека – являются своего рода параллельной реальностью, которая периодически соотносится с научными представлениями и частично согласуется с ними. С одной стороны, научные представления о личности в большей степени отражают истину. С другой стороны, они не всегда приложимы к конкретным ситуациям человеческого взаимодействия и порой вызывают недоверие, поскольку наивный субъект склонен верить «своим глазам» и делать выводы, основываясь на единичном случае, а тот может прямо противоречить статистическим фактам.

Проблему соотношения экспериментальной строгости с реальной жизнью впервые попытались решить в 1949 г. Р. Баркер и Г. Райт [5]. Благодаря им в психологии появился и был оптимистично принят метод исследования повседневной жизни личности (case-study), или метод записи «Одного дня одного мальчика». Несмотря на высокую оценку научного сообщества, их идеи не принесли ожидаемых результатов и не осуществили «экологического прорыва» в психологии. Сегодня натуралистические наблюдения за отдельной личностью доста-

точно малочисленны [6]. В то же время прикладная ограниченность лабораторного эксперимента по-прежнему признается большинством психологов, разделяющих мнение, что «основная цель всех теорий личности – описание и объяснение закономерностей в действиях людей, происходящих в естественном потоке их повседневного поведения» [7 с. 141].

Повседневная жизнь людей является естественной средой, в которой формируется социальная идентичность, социальные суждения и личность [8]. Ежедневно люди наблюдают за суждениями, эмоциями, поступками других людей, воспринимая их в обычных обстоятельствах. Эти наблюдения являются основным источником формирования представлений о личности Другого. Именно связь между наблюдаемым поведением и теми суждениями, которые интуитивно выводятся из него, становится основой житейских представлений о личности Другого, или имплицитных теорий личности.

Известно, что житейские, в том числе социальные, представления людей подвержены многочисленным когнитивным искажениям [9,10], поскольку субъективные суждения обычного человека не являются интуитивным аналогом статистических анализов [11]. С другой стороны, существуют исследования, демонстрирующие высокий уровень точности житейских представлений о личности. Так, например, в исследовании Л. Стрикера и коллег [12] обнаружено, что при сортировке вариантов человеческого поведения, взятых из вопросника ММРІ, «наивные» субъекты воспроизводят структуру его шкал. В исследовании М. Мела и коллег [13] личностные профили участников, определенные при помощи Большой пятерки, были сопоставлены с информацией, полученной с помощью индивидуальных записывающих устройств, включавшей данные об их ежедневных социальных взаимодействиях, посещаемых местах, настроении и высказываниях. Эти повседневные проявления в целом соответствовали выраженности их черт. Выяснилось также, что житейские суждения других участников исследования, выступавших в роли наблюдателей, точно описывали личностные черты основных участников (особенно Экстраверсию), а также обнаруживали умеренные половые различия.

В исследовании М.С. Егоровой и коллег было выявлено, что в процессе оценок персонажей игрового кино как реальных личностей респонденты обнаруживают реалистичность при соотнесении их поведенческих проявлений с чертами Темной триады и Большой пятерки [14], а в исследовании Л. Крайсел и коллег [15] было показано, что испытуемые адекватно соотносят степень выраженности собственных черт Темной триады с рефлексивной оценкой своего поведения глазами Другого.

Как правило, в исследованиях, связанных с использованием имплицитного подхода к теории личности, изучается соответствие наблюдаемых поведенческих проявлений измеряемым личностным конструктам. В то же время в исследованиях такого типа до сих пор не ставился вопрос об имплицитном восприятии одних черт личности через наблюдение за поведением, отражающим другие, коррелирующие с ними черты. Могут ли люди, наблюдая поведение конкретного Другого – очевидного носителя черт Темной триады, адекватно оценить выраженность у него не только этих черт, но и других – диспозиционных?

Целью нашего исследования являлось изучение житейских представлений о личности с яркой выраженностью темнотриадических черт и сопоставление этих представлений с результатами исследований взаимосвязей показателей Темной триады с показателями Большой пятерки и HEXACO.

В литературе имеются данные о том, что суммарный показатель черт Темной триады положительно коррелирует с Экстраверсией и Открытостью новому опыту и отрицательно – с Доброжелательностью, Сознательностью, Честностью и Эмоциональностью [16,17].

Мы предположили, что наивные субъекты способны «распознать» базовые (диспозиционные) личностные черты у носителя Темной триады в процессе наблюдения за его вербальным поведением, презентующим высокую выраженность темнотриадических черт. Теоретическим основанием этого предположения стала концепция К. Двэк, согласно которой в основе описания потребностей, мотивации, поведенческих актов и личности лежит одна и та же модель (подробнее см. [18]).

В то же время мы не исключали, что житейские оценки «хорошей» и «плохой» личности могут формироваться под влиянием гало-эффекта – когнитивного искажения, проявляющегося в распространении оценок по одной черте или свойству на общее восприятие личности и приписывании ей черт, согласующихся с этим общим восприятием [19,20].

Основная гипотеза была выдвинута в двух альтернативных формулировках:

1. Житейские (имплицитные) представления о личности Другого с яркой выраженностью темнотриадических черт соответствуют научным представлениям о связях Темной триады с диспозиционными чертами. Такой личности приписывается низкая Сознательность, низкая Честность, низкая Доброжелательность, высокая Экстравертированность и высокая Открытость новому опыту.

2. Житейские (имплицитные) представления о личности Другого с яркой выраженностью темнотриадических черт формируются по принципу гало-эффекта. Такой личности приписывается низкая Сознательность, низкая Честность, низкая Доброжелательность, низкая Экстравертированность и низкая Открытость новому опыту.

Дополнительно мы предположили, что факторами, оказывающими искажающее влияние на формирование представлений о личности Другого, являются пол и увеличение показателя Темной триады субъекта восприятия.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 460 студентов 1–4 курсов Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 20,38$, $SD = 0,87$), из них 101 мужчина (22%) и 359 женщин (78%).

Участникам предлагалось заполнить Короткий опросник Темной триады [16]. После этого им демонстрировались видеозаписи постановочных интервью с юношей или девушкой, которые устно отвечали на вопросы того же теста. После просмотра ролика участникам предъявлялся список из 24 прилагательных, обозначающих черты личности, по которым нужно было оценить увиденного персонажа.

Диагностический инструментарий

Стимульным объектом являлась видеозапись постановочного интервью с юношей и девушкой студенческого возраста, в котором они отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады [16]. Роль интервьюируемых исполнили студенты, обучающиеся по специальности «Актерское искусство». Каждый из них сыграл две роли – «плохого» и «хорошего» человека. «Плохой» отвечал на вопросы теста как личность с максимальной выраженностью макиавеллизма, нарциссизма и психопатии (в соответствии с ключом к опроснику). «Хороший» давал прямо противоположные ответы. Всего было записано 4 ролика: «хороший юноша», «плохой юноша», «хорошая девушка» и «плохая девушка». При этом в роли «хорошего» и «плохого» выступал один и тот же человек (актер). Длительность интервью составила примерно 3,5 мин. ($3,44 \pm 0,12$).

Оценка личностных черт персонажей интервью проводилась с помощью специально разработанного нами для данного исследования Списка черт объекта, состоящего из 24 прилагательных. 12 из этих прилагательных описывали 6 базовых черт: Экстраверсию, Честность, Сознательность, Открытость новому опыту, Эмоциональность, Доброжелательность, которые, по данным исследований, обнаружили корреляции с показателями Темной триады: [16,17]. Еще 12 прилагательных описывали 6 фасеток базовых черт (Трудолюбие, Аккурат-

ность, Импульсивность, Вежливость, Интеллект, Креативность) и, с точки зрения житейского дискурса, теоретически могли рассматриваться как их синонимы. Некоторые «фасеточные» показатели, а именно Интеллект, Трудолюбие и Креативность, коррелировали в имеющихся материалах со шкалами Темной триады [21– 24]. И хотя полученные результаты являются противоречивыми, они дают основание для изучения житейских представлений о связях этих свойств с Темной триадой.

По аналогии с процедурой оценки позитивных и негативных черт, описанной в исследовании С. Паль и Р. Эйзера [25], каждая черта была представлена в списке прямой и обратной формулировкой, например, добросовестный – безответственный, дружелюбный – неприветливый, аккуратный – неряшливый, вежливый – невоспитанный и др. Синонимичные и антонимичные формулировки подбирались с использованием интернет-ресурсов.³

Участникам предлагалось оценить степень выраженности каждой черты у воспринимаемого объекта по шкале от 1 (минимальная выраженность) до 10 (максимальная выраженность).

Оценки персонажей по отдельным прилагательным подвергались процедуре факторизации. Выделенные факторы рассматривались в дальнейшем как самостоятельные показатели.

Анализ данных

Статистический анализ данных осуществлялся в программе Statistica 10 с использованием методов описательной статистики, факторного анализа, t-критерия Стьюдента, двухфакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и кластерного анализа (метод К-средних). С помощью методов описательной статистики анализировалось соответствие данных закону нормального распределения. Оценивались значения среднего, медианы, асимметрии и эксцесса для шкал Короткого опросника Темной триады. Факторный анализ применялся для определения структуры прилагательных, описывающих черты личности Другого. Т-критерий Стьюдента использовался для сравнения оценок «хорошей» и «плохой» личности Другого по показателям приписываемых ему личностных черт. Дисперсионный анализ был направлен на анализ совместных эффектов факторов «тип объекта» (2 уровня: «хороший», «плохой») и «пол объекта» (2 уровня: юноша, девушка) и проводился в группах респондентов мужского и женского пола по

³ Словарь синонимов русского языка онлайн. <https://synonymonline.ru>; Словарь антонимов русского языка онлайн. <https://antonymonline.ru>

отдельности. Кластерный анализ применялся для разделения респондентов на группы с контрастной выраженностью показателей Темной триады.

Результаты

Анализ распределения показал, что расхождение между средним и медианой по всем показателям Темной триады было меньше 0,5. Значения асимметрии колебались в диапазоне от 0,06 до 0,31 при Акрит = 0,34, а значения эксцесса – в диапазоне от 0,08 до 0,20 при Екрит = 1,12. Таким образом, распределение измеряемых показателей соответствовало закону нормального распределения.

Структура личностных прилагательных при оценке личности Другого

Факторная структура оценки личности Другого определялась с помощью эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, Varimax вращение). В соответствии с теоретическими ожиданиями была задана 6-факторная структура модели. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Факторная структура оценки личности Другого

Прилагательные:	Факторы				
	1	2	3	4	5
Спешливый	0,78	0,11	-0,12	-0,21	-0,19
Добросовестный	0,82	-0,15	0,01	-0,17	-0,20
Сытный	-0,47	-0,34	0,55	0,01	0,17
Неискренний	-0,22	0,21	0,02	0,22	0,76
Вежливый	0,67	-0,23	0,03	-0,07	-0,31
Ленивый	-0,11	0,10	-0,06	0,69	0,18
Прилежный	0,83	-0,07	0,09	-0,15	-0,15
Безответственный	-0,67	0,10	0,49	0,00	0,14
Скучный	0,22	0,58	0,04	0,20	0,22
Интеллектуальный	0,40	0,21	0,67	-0,29	-0,16
Невоспитанный	-0,67	0,22	0,12	0,37	0,21
Интересный	-0,47	-0,25	0,51	0,24	0,18
Аккуратный	0,63	0,03	0,20	-0,30	0,07
Невпечатлительный	0,70	0,22	-0,01	-0,01	0,05
Неприветливый	-0,22	0,78	-0,11	0,05	0,07
Скрытный	0,02	0,78	-0,11	0,08	0,01
Нетерпеливый	-0,62	-0,02	0,20	0,40	0,25
Честный	0,33	-0,08	0,20	-0,06	-0,74
Глупый	-0,46	0,16	0,02	0,61	0,23
Дружелюбный	0,48	-0,53	0,37	0,02	-0,26
Неряшливый	-0,17	0,26	-0,14	0,57	-0,27
Осторожный	-0,25	-0,06	-0,19	0,72	0,12

В результате факторного анализа было выделено 5 факторов, охвативших 64,84% объяснимой дисперсии. Для получения объяснимой структуры личностных черт при интерпретации факторов их состав

определялся через показатели, имеющие нагрузку 0,50 и выше. Каждый показатель интерпретировался как принадлежащий только одному фактору. Формулировки названий соотносились с содержанием базовых черт личности.

В первый фактор (32,34 %) вошли с положительными знаками характеристики «Сдержанный», «Добросовестный», «Вежливый», «Прилежный», «Аккуратный» и «Невпечатлительный» и с отрицательными знаками – «Безответственный», «Невоспитанный» и «Нетерпеливый». Данный фактор был назван «Сознательность / Добросовестность». Во второй фактор (15,30 %) вошли с положительными знаками характеристики «Скучный», «Неприветливый» и «Скрытный» и с отрицательным знаком – «Дружелюбный». Данный фактор был назван «Доброжелательность» (обратная формулировка). В третий фактор (7,30 %) вошли с положительными знаками характеристики «Смелый», «Интеллектуальный», «Интересный» и «Общительный». Данный фактор был назван «Экстраверсия». В четвертый фактор (5,42 %) вошли с положительными знаками характеристики «Ленивый», «Глупый», «Неряшливый», «Осторожный». Данный фактор был обозначен как «Открытость новому опыту» (обратная формулировка). В составе пятого фактора (4,50 %) оказалось две характеристики – «Неискренний» (с положительным знаком) и «Честный» (с отрицательным знаком). Данный фактор получил название «Честность» (обратная формулировка).

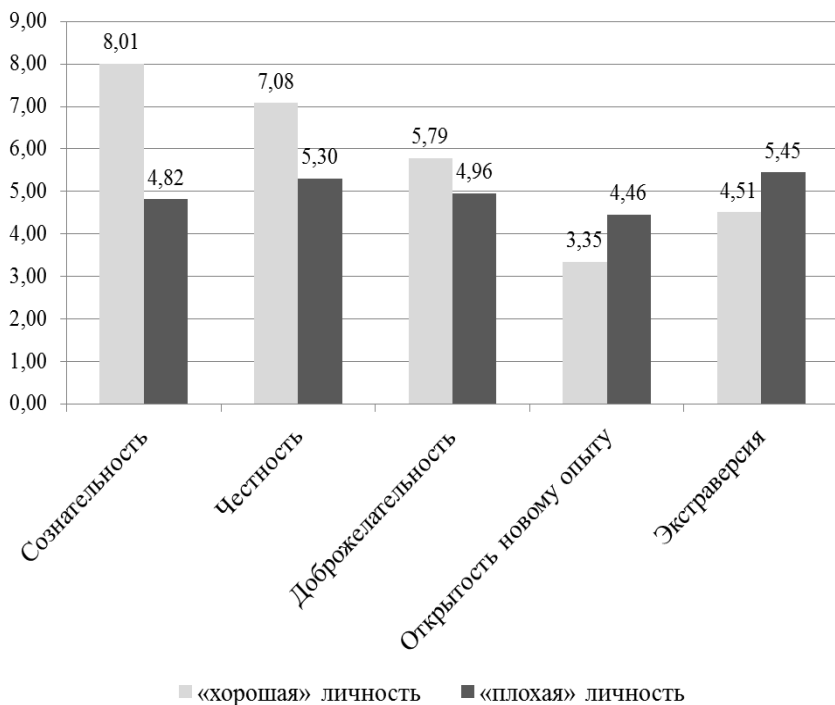
Вопреки ожиданиям, характеристики «Эмоциональный» и «Невпечатлительный» не сформировали фактор «Эмоциональность». Остальные выделенные факторы в целом воспроизвели структуру базовых черт личности, хотя и не в строгом соответствии с ожидаемыми связями между прилагательными, обозначающими «ключевые» и «фасеточные» характеристики черт.

Дальнейшие оценки личности Другого анализировались по суммарным показателям базовых черт, выделенным с помощью факторного анализа: Сознательности, Доброжелательности, Экстраверсии, Открытости новому опыту и Честности. Отметим, что названия факторов определялись в терминах привычных формулировок базовых черт, поэтому, несмотря на знаки вошедших в них характеристик, названия факторов 2, 4 и 5 не «переворачивались», т.е. не обозначались через антонимичные формулировки. Наоборот, при подсчете итоговых показателей на основе выявленной факторной структуры оценки по отдельным характеристикам «переворачивались» таким образом, чтобы соответствовать названию фактора.

Анализ представлений юношей и девушек о личностных чертах «хорошего» и «плохого» объекта без учета пола

Сравнительный анализ оценок личностных черт «хорошего» и «плохого» объекта проводился с помощью t-критерия Стьюдента. Изучались различия оценок в общей выборке респондентов ($N = 460$), а также в выборках юношей ($n = 101$) и девушек ($n = 359$) по отдельности. Объекты восприятия на данном этапе анализа не дифференцировались по полу.

Средние значения оценок выраженности базовых черт личности «хорошего» и «плохого» объекта в общей выборке участников представлены на рис. 1.

Примечание. Все различия по t-критерию Стьюдента значимы ($p < 0,001$).

Рис. 1. Выраженность оценок базовых черт «хорошей» и «плохой» личности в общей выборке респондентов.

Эти данные свидетельствуют о том, что житейские представления о личности Другого с высокими показателями Темной триады полностью согласуются с научными представлениями о ее диспозиционных чертах. Такая личность воспринимается как более экстравертированная, открытая новому опыту, а также менее сознательная, менее чест-

ная и менее доброжелательная по сравнению с личностью, демонстрирующей слабые поведенческие проявления темнотриадических черт.

Аналогичный анализ в выборках юношей и девушек по отдельности показал совпадающую с общей выборкой картину сравнительных оценок «хорошего» и «плохого» объекта (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная выраженность оценок базовых черт «хорошего» и «плохого» объекта в выборках юношей и девушек

Черты личности	«Хороший» объект		«Плохой» объект		t	p	n(x)	n(p)
	M	SD	M	SD				
<i>Выборка юношей:</i>								
Сознательность	7,81	0,84	4,86	1,17	14,74	0,001	58	43
Честность	6,55	2,34	4,67	2,32	4,01	0,001	58	43
Доброжелательность	5,83	1,55	5,09	1,44	2,43	0,017	58	43
Открытость новому опыту	3,38	1,25	4,91	1,48	-5,63	0,001	58	43
Экстраверсия	4,78	1,38	5,44	1,20	-2,53	0,013	58	43
<i>Выборка девушек:</i>								
Сознательность	8,07	1,00	4,81	1,19	27,95	0,001	176	183
Честность	7,25	1,91	5,45	1,94	8,87	0,001	176	183
Доброжелательность	5,78	1,78	4,93	1,61	4,73	0,001	176	183
Открытость новому опыту	3,34	1,35	4,35	1,53	-6,68	0,001	176	183
Экстраверсия	4,42	1,29	5,46	1,43	-7,20	0,001	176	183

Примечания. n(x) – количество респондентов, оценивавших «хорошую» личность, n(p) – количество респондентов, оценивавших «плохую» личность.

Анализ представлений юношей и девушек о личностных чертах «хорошего» и «плохого» объекта своего и противоположного пола

Для выявления специфики различий в оценках базовых черт «хорошей» и «плохой» личности при разных сочетаниях пола субъекта и объекта восприятия был проведен двухфакторный дисперсионный ANOVA. В качестве независимых переменных в анализ включались показатели пола объекта восприятия (юноша, девушка) и типа объекта по показателям Темной триады («хороший», «плохой»). Анализ проводился в группах респондентов мужского и женского пола по отдельности.

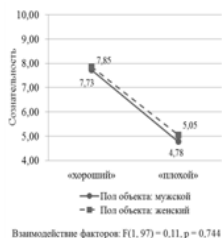

Рис. 2а. Различия в оценках Сознательности «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе юношей и девушек

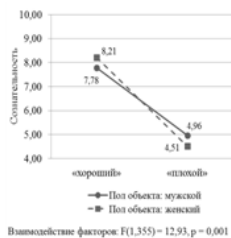

Рис. 2б. Различия в оценках Сознательности «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе девушек.

На рис. 2а и 2б представлено графическое отображение результатов дисперсионного анализа оценок личности Другого своего и чужого пола по переменной «Сознательность» в подгруппах юношей

Сравнение оценок Сознательности «хорошего» и «плохого» объекта в группах юношей и девушек свидетельствует о том, что юноши оценивают «хорошую» личность как более сознательную независимо от пола ($p < 0,001$). Девушки демонстрируют ту же закономерность, однако специфика их восприятия проявляется в том, что они воспринимают «хорошего» юношу как менее сознательного, чем «хорошую» девушку ($p < 0,05$), а «плохого» юношу, наоборот, – как более сознательного, чем «плохую» девушку ($p < 0,01$).

На рис. 3а и 3б представлено графическое отображение результатов дисперсионного анализа оценок личности Другого своего и чужого пола по переменной Честности.

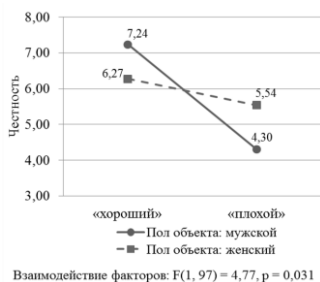

Рис. 3а. Различия в оценках Честности «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе юношей.

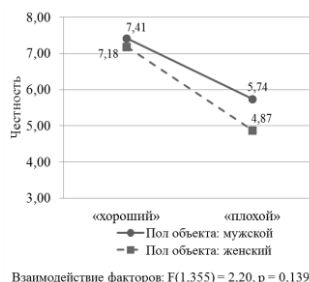

Рис. 3б. Различия в оценках Честности «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе девушек.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что девушки оценивают «хорошую» личность как более честную независимо от пола ($p < 0,001$). В свою очередь юноши оценивают «хорошего» юношу как более честного, чем «плохого» ($p < 0,001$), но не видят различий по данной характеристике между «хорошей» и «плохой» девушкой ($p > 0,30$).

На рис. 4а и 4б представлено графическое отображение результатов дисперсионного анализа оценок личности Другого своего и чужого пола по переменной Доброжелательности.

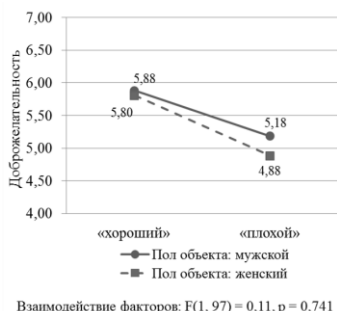

Рис. 4а. Различия в оценках Доброжелательности «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе юношей.

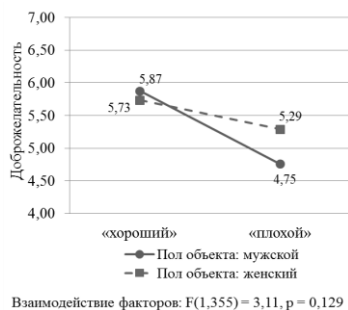
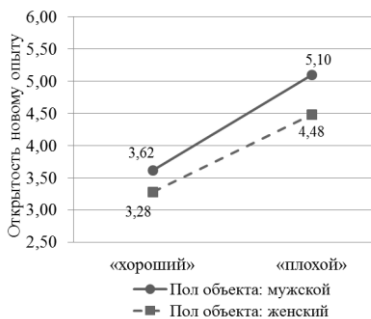

Рис. 4б. Различия в оценках Доброжелательности «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе девушек.

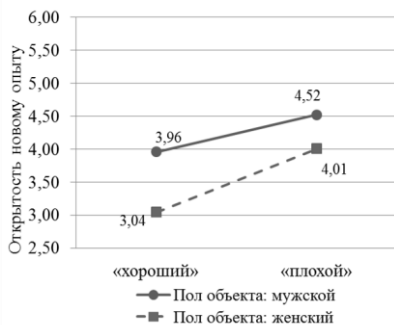
Сравнение оценок Доброжелательности «хорошего» и «плохого» объекта свидетельствует о том, что и юноши, и девушки оценивают «хорошую» личность как более доброжелательную независимо от пола ($p < 0,10$).

На рис. 5а и 5б представлено графическое отображение результатов дисперсионного анализа оценок личности Другого своего и чужого пола по переменной Открытости новому опыту.

Взаимодействие факторов: $F(1, 97) = 0,23, p = 0,6$.

Рис. 5а. Различия в оценках Открытости новому опыту «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе юношей.

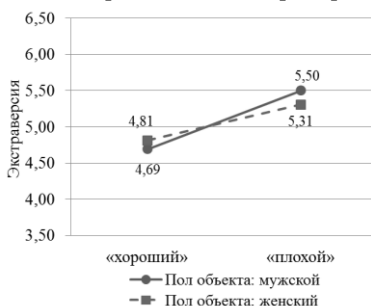

Взаимодействие факторов: $F(1,355) = 1,62, p = 0,203$

Рис. 5б. Различия в оценках Открытости новому опыту «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе девушек.

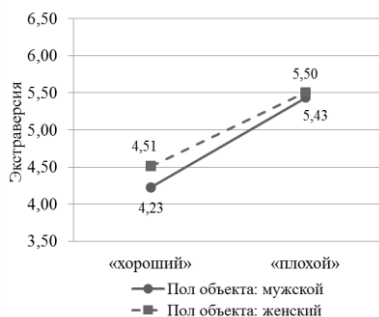
Сравнение оценок Открытости новому опыту «хорошего» и «плохого» объекта свидетельствует о том, что и юноши, и девушки оценивают «плохую» личность как более открытую новому опыту независимо от пола ($p < 0,05$).

На рис. 6а и 6б представлено графическое отображение результатов дисперсионного анализа оценок личности Другого своего и чужого пола по переменной Экстраверсии.

Взаимодействие факторов: $F(1, 97) = 0,29, p = 0,592$

Рис. 6а. Различия в оценках Экстраверсии «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе юношей.

Взаимодействие факторов: $F(1,355) = 0,48, p = 0,489$

Рис. 6б. Различия в оценках Экстраверсии «хорошего» и «плохого» объекта своего и чужого пола в подгруппе девушек.

Сравнение оценок Экстраверсии «хорошего» и «плохого» объекта свидетельствует о том, что и юноши, и девушки оценивают «плохую» личность как более экстравертированную независимо от пола ($p < 0,05$).

Анализ представлений юношей и девушек с высокими показателями Темной триады о личностных чертах «хорошего» и «плохого» объекта своего и противоположного пола

Для анализа особенностей восприятия Другого у респондентов с высокими показателями Темной триады из общей выборки респондентов была выделена группа участников с высокими значениями по переменным макиавеллизма, нарциссизма и психопатии. Для этой цели использовался кластерный анализ (метод К-средних). В силу малочисленности мужской выборки было решено отказаться от выделения крайних групп и остановиться на 2-кластерном решении, т.е. выделении двух групп с контрастными (статистически различающимися) значениями средних по каждому показателю Темной триады.

Описательная статистика выделенных кластеров представлена в табл. 2 и на рис. 7.

Таблица 2

Описательная статистика кластеров участников с контрастными значениями показателей Темной триады

Показатели Темной триады	Кластер 1 n=279		Кластер 2 n=181		Значимость различий	
	M	SD	M	SD	F	p
Макиавеллизм	36,5 4	6,15	46,6 4	5,67	315, 13	0,00 1
Нарциссизм	33,6 8	6,67	40,5 7	7,15	111, 12	0,00 1
Психопатия	22,1 9	4,91	32,9 2	5,68	464, 31	0,00 1

Рис. 7. Средние значения показателей макиавеллизма, нарциссизма и психопатии в кластерах участников с низким и высоким уровнем Темной триады.

Дальнейший сравнительный анализ оценок диспозиционных черт «хорошего» и «плохого» объекта осуществлялся в подгруппе участников, попавших во второй кластер, т.е. имеющих высокие значения по всем показателям Темной триады ($n = 181$, из них 51 юноша и 130 девушек).

В табл. 3 представлены результаты сравнительного анализа оценок диспозиционных черт объекта у респондентов с высокими значениями Темной триады с учетом их пола, а также пола объекта восприятия.

Таблица 3

Сравнительная выраженность оценок базовых черт «хорошего» и «плохого» объекта разного пола в группах юношей и девушек с высокими значениями Темной триады

Показатели черт	Объект своего пола			Объект противоположного пола		
	M(x)	M(n)	t	M(x)	M(n)	T
<i>Выборка юношей:</i>	n = 17			n = 34		
Сознательность	7,92	5,13	4,92** *	7,98	5,07	7,93* **
Честность	7,00	5,05	1,39	6,38	5,83	0,64

Доброжелательность	6,00	5,03	0,84	5,57	5,25	0,94
Открытость новому опыту	3,39	4,90	-2,01	3,43	4,25	-1,74
Экстраверсия	4,71	5,53	-0,90	4,50	5,42	-2,01
<i>Выборка девушек:</i>	n = 69			n = 61		
Сознательность	8,41	4,88	12,20* **	8,00	5,07	9,10* **
Честность	6,98	4,62	3,81* *	7,84	5,59	4,96* **
Доброжелательность	5,36	5,26	0,18	5,86	4,98	1,71
Открытость новому опыту	3,37	4,29	2,24* -	4,02	4,71	-1,51
Экстраверсия	4,28	5,24	2,44* -	4,24	5,57	3,20* **

Примечания. М(х) – среднее значение оценки «хорошего» объекта, М(п) – среднее значение оценки «плохого» объекта. Уровень значимости различий: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Анализ показал, что увеличение показателя Темной триады не влияет на способность юношей и девушек различать «хорошего» и «плохого» объекта любого пола по показателю Сознательности / Добросовестности. По показателю Доброжелательности, наоборот, значимые различия в оценке «хорошего» и «плохого» объекта исчезают. Это наблюдается при любых сочетаниях пола объекта и субъекта восприятия. Сопоставление оценок по данной черте с результатами в общей выборке (см. рис. 4а и 4б) свидетельствует о том, что при восприятии объекта женского пола юношами различия между оценками исчезают за счет их схождения: оценки «плохой» девушки растут, а «хорошей» – снижаются. У девушек подобное оценочное схождение проявляется в том, что они начинают более высоко оценивать Доброжелательность «плохого» юноши и более низко – Доброжелательность «хорошей» девушки.

В большинстве случаев у респондентов с высокими значениями Темной триады рост оценок «плохого» Другого прослеживается при восприятии объекта противоположного пола (ср.: табл. 3 и рис. 3–6). Эта тенденция обнаруживается по показателям Честности, Доброжелательности и Экстраверсии у юношей (при восприятии девушек) и по показателям Доброжелательности, Открытости новому опыту и Экстраверсии – у девушек (при восприятии юношей). Ожидаемое зеркальное снижение оценок «хорошего» объекта наблюдается реже. Девушки с выраженной Темной триадой оценивают «хорошую» девушку пре-

имущественно ниже, чем респонденты в общей выборке, однако «хорошего» юношу они оценивают даже выше по всем показателям диспозиционных черт.

Отметим, что описанные выше тенденции в динамике значений оценок Другого по сравнению с общей выборкой менее четко проявляются в группе юношей при восприятии объекта своего пола. С учетом малочисленности данной группы ($n = 17$) мы не можем однозначно говорить о ее исключительности в этом отношении. Вместе с тем, отсутствие в данной группе значимых различий в оценках «хорошего» и «плохого» объекта по 4 из 5 показателей, на наш взгляд, может быть принято во внимание.

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют о том, что житейские представления о личности Другого с яркой выраженностью черт Темной триады согласуются с научными представлениями о ее диспозиционных чертах. Такая личность воспринимается как менее сознательная, менее честная, менее доброжелательная, более открытая новому опыту и более экстравертированная, чем личность с низкой выраженностью темнотриадических черт. Открытым, с точки зрения житейской оценки, остается вопрос об Эмоциональности носителя Темной триады. Поскольку данная черта в нашем исследовании не была выделена в отдельный фактор, она не рассматривалась как отдельный показатель и данных по этой черте получено не было. Важно отметить, что в силу особенностей организации нашего исследования респонденты, по всей видимости, не имели возможности «считать» уровень эмоциональной стабильности объектов восприятия. Дело в том, что, отвечая на вопросы интервью в любом образе, актеры по нашей просьбе вели себя максимально нейтрально (отвечали спокойно, не делали интонационных акцентов, не жестикулировали и т.д.)

Общий результат позволяет утверждать, что в процессе общения люди достаточно хорошо понимают темнотриадического Другого и в целом могут верно оценить его личностный профиль и мотивы. Оговоримся, однако, что такой точный результат познания возможен лишь в том случае, если темнотриадический объект адекватно проявляет себя. Вместе с тем, учитывая его низкую честность, это представляется затруднительным – тем более в ситуации однократного наблюдения. Открытым остается вопрос и о необходимости «критической массы» демонстрируемых признаков Темной триады для формирования объективного представления о личности ее носителя.

Анализ восприятия «хорошего» и «плохого» Другого с учетом пола как субъекта, так и объекта восприятия свидетельствовал о слабом опосредующем влиянии данного фактора. Воспринимая объектов раз-

ного пола, по большинству черт и юноши, и девушки воспроизводят те же различия, что и в общей выборке. Вместе с тем оказалось, что девушки воспринимают «хорошего» юношу как менее сознательного по сравнению с «хорошей» девушкой, а «плохого» юношу, наоборот, – как более сознательного, чем «плохая» девушка. В свою очередь, юноши не видят различий по честности между «хорошей» и «плохой» девушкой. Если предположить, что данные факты отражают некие закономерности и не являются случайными, их можно интерпретировать следующим образом.

Оценка Сознательности, на наш взгляд, может рассматриваться как частный случай проявления гендерного стереотипа, который заключается в том, что в целом девочки считаются более «правильными», чем мальчики. Так, например, мальчиков за поведение критикуют в восемь раз чаще, чем девочек [26]. В таком контексте «хорошая» девушка оценивается по Сознательности (наиболее весомому фактору личностной структуры) выше «хорошего» юноши, а «плохая» осуждается сильнее, чем тот, поскольку сильнее отклоняется от нормы. Учитывая, что данный стереотип проявляется в оценках девушек, его можно считать проявлением ингруппового фаворитизма.

Смещение в восприятии юношей оценок девушки «хорошая» и «плохая» по показателю Честности можно объяснить частным проявлением более низкой социальной компетентности мужчин по сравнению с женщинами [27]. Мужчины считают «плохую» девушку почти такой же честной, как «хорошую». На наш взгляд, это можно рассматривать как низкую социальную компетентность, но необходимо особо отметить, что оценка по данной черте является ключевой для формирования доверия к Другому, поэтому ее первичное преувеличение может иметь более разрушительное влияние на отношения, чем ошибочные оценки по другим чертам.

Еще один факт, обнаруженный в нашем исследовании, свидетельствует о том, что у носителей Темной триады возрастают перцептивные искажения в оценке «хороших» и «плохих» личностей (см. также [28]). Чем можно объяснить этот феномен? Нам представляется, что тут допустимо выдвинуть четыре версии.

Прежде всего можно предположить, что ослабление контраста оценок в группе респондентов с высокими показателями Темной триады не отражает объективные искажения их восприятия, а является закономерным следствием уменьшения выборки. (Последующие версии имеют смысл лишь в случае отклонения данного предположения.)

Вторая версия связана с содержательными характеристиками черт Темной триады: Макиавеллизм и особенно Психопатия предполагают низкий уровень личностной этичности, что может выражаться в сме-

нении у носителей этих черт категорий добра и зла. Для предварительной проверки этой версии, исходя из полученных нами данных, мы посмотрели корреляции каждого показателя Темной триады с оценками черт «хорошего» и «плохого» объектов. Подтверждающие результаты были обнаружены только по переменной Доброжелательности: при оценке «хорошего» объекта ее корреляция с психопатией была отрицательной ($r = -0,14$, $p < 0,05$), а при оценке «плохого» – положительной ($r = -0,15$, $p < 0,05$). Макиавеллизм также отрицательно коррелировал с Доброжелательностью ($r = -0,16$, $p < 0,05$) при оценке «плохого» объекта, однако при оценке «хорошего» объекта его связь с Доброжелательностью оказалась незначимой. К сожалению, наши данные не могут использоваться для адекватной проверки высказанной версии, поскольку низкую и высокую выраженность диспозиционных черт нельзя оценивать как «хорошую» или «плохую», т.е. напрямую связывать с понятиями «добра» и «зла».

Третий вариант истолкования может быть связан с когнитивными стилевыми особенностями носителя Темной триады. Так можно предположить, что его отличает когнитивная сложность и полнезависимость. В результате этого «хороший» и «плохой» объекты воспринимаются им неоднозначно: в «плохом» обнаруживаются положительные черты, а в «хорошем» – плохие. Данная версия нуждается, однако, в эмпирической проверке.

Четвертый вариант интерпретации, который представляется нам наиболее вероятным, основан на общих закономерностях социальной перцепции, согласно которым усиление сходства с Другим приводит к его более позитивной оценке [29–31]. Эту версию в некоторой степени подтверждает сравнение средних оценок базовых черт в общей выборке респондентов и в группе респондентов с высоким уровнем Темной триады. В ряде случаев различия между оценками исчезают за счет их схождения: оценки «плохого» объекта растут, а «хорошего» – снижаются. Интересно, что рост оценок «плохого» Другого по диспозиционным чертам более четко прослеживается при восприятии объекта противоположного пола. Такой рост обнаруживается по показателям Честности, Доброжелательности и Экстраверсии у юношей (при восприятии девушек) и по показателям Доброжелательности, Открытости новому опыту и Экстраверсии – у девушек (при восприятии юношей). Учитывая возраст участников, этот факт можно объяснить одновременным сочетанием двух факторов – сходством с собственной личностью и позитивной заинтересованностью в объекте противоположного пола. Примечательно, что в выборке девушек юноши в целом оцениваются выше, чем девушки, по большинству черт.

Заключение

Житейские представления о личности с выраженными признаками Темной триады в целом согласуются с научными представлениями о ее диспозиционных чертах. Такая личность воспринимается как менее сознательная, менее честная, менее доброжелательная, более открытая новому опыту и более экстравертированная, чем личность с низкой выраженностью темнотриадических черт.

Пол объекта и субъекта восприятия оказывает слабое влияние на оценку носителя Темной триады по диспозиционным чертам. Небольшие исключения обнаруживаются по показателям Сознательности и Честности. Девушки воспринимают «плохого» юношу как более сознательного, чем «плохую» девушку, а юноши склонны считать «хорошую» и «плохую» девушку одинаково честными.

У носителей выраженных черт Темной триады оценки «хорошей» и «плохой» личности демонстрируют меньшую контрастность. В большинстве случаев это происходит за счет более позитивного восприятия «плохого» Другого. Наиболее ярко данная закономерность проявляется в отношении представителей противоположного пола.

Ограничения

Первое ограничение связано с тем, что для оценки личностных черт объекта использовалась нестандартизированная методика, которая дает возможность описывать личность Другого в форме, наиболее близкой к житейскому дискурсу, однако не может настолько же точно измерить выраженность диспозиционных черт, как Большая пятерка или HEXACO. Пять факторов, обнаруженных в структуре оценок, являются авторской интерпретацией и не могут рассматриваться как точный аналог базовых черт. Во-вторых, размер выборки, а также малая численность респондентов мужского пола позволяют рассматривать результаты анализов в группах, выделенных по полу и уровню Темной триады, скорее, как предварительные. Еще одно ограничение связано с возрастом участников исследования.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект РФФИ №18-013-00329.

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, RFBR project No. 18-013-00329

Литература

1. *Houston D.A.* Empathy and the self: Cognitive and emotional influences on the evaluation of negative affect in others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. № 59 (5). P. 859–868. DOI:10.1037/0022-3514.59.5.859

2. *Kelley H.H.* The process of causal attribution // *American Psychologist*. 1973. № 28 (2). P. 107–128. DOI:10.1037/h0034225
3. *Borkeau P.* Implicit personality theory and the five-factor model // *Journal of Personality*. 1992. № 60 (2). P. 295–327. DOI:10.1111/j.1467-6494.1992.tb00975.x
4. *Uleman J.S., Saribay S.A., Gonzalez C.M.* Spontaneous inferences, implicit impressions, and implicit theories // *Annual Review of Psychology*. 2008. № 59. P. 329–360. DOI:10.1146/annurev.psych.59.103006.093707
5. *Barker R.G., Wright H.F.* One boy's day. A specimen record of behavior. New York: Harper & Row, 1951. 435 p.
6. *Funder D.C.* Personality // *Annual Review of Psychology*. 2001. № 52. P. 197–221. DOI:10.1146/annurev.psych.52.1.197
7. *Buss D.M., Craik K.H.* The act frequency approach and the construction of personality. In A. Angleitner, A. Furnham and G. van Heck (Eds.), *Personality psychology in Europe*. Berwyn, PA: Swets North America, 1986. P. 141–156.
8. *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. Garden City, NY: Doubleday, 1959. 255 p.
9. *Hewstone M.* The “ultimate attribution error”? A review of the literature on intergroup causal attribution // *European Journal of Social Psychology*. 1990. № 2 (4). P. 311–335. DOI: 10.1002/ejsp.2420200404
10. *Pronin E., Gilovich T., Ross L.* Objectivity in the Eye of the Beholder: Divergent Perceptions of Bias in Self Versus Others // *Psychological Review*. 2004. № 111 (3). P. 781–799. DOI:10.1037/0033-295X.111.3.781
11. *Tversky A., Kahneman D.* Belief in the law of small numbers // *Psychological Bulletin*. 1971. № 76 (2). P. 105–110. DOI:10.1037/h0031322
12. *Stricker L.J., Jacobs P.I., Kogan N.* Trait interrelations in implicit personality theories and questionnaire data // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. № 30 (2). P. 198–207. DOI:10.1037/h0036646
13. *Mehl M.R., Gosling S.D., Pennebaker J.W.* Personality in its natural habitat: Manifestations and implicit folk theories of personality in daily life // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. № 90 (5). P. 862–877. DOI:10.1037/0022-3514.90.5.862
14. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д.* «Темные» черты личности в оценках положительных и отрицательных персонажей фильмов // *Психологические исследования*. [Электронный ресурс]. 2016. № 9 (50). 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 20 марта 2019).
15. *Crysel L.C., Cook C.L., Schember T.O., Webster G.D.* Harry Potter and the measures of personality: Extraverted Gryffindors, agreeable Hufflepuffs, clever Ravenclaws, and manipulative Slytherins // *Personality and Individual Differences*. 2015. № 83. P. 174–179. DOI:10.1016/j.paid.2015.04.016
16. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады // *Психологические исследования*. [Электронный ресурс]. 2015. № 8 (43). P. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 20 марта 2019).
17. *Lee K., Ashton M.C.* The Dark Triad, the Big Five, and the HEXACO model // *Personality and Individual Differences*. 2014. № 67. P. 2–5. DOI:10.1016/j.paid.2014.01.048
18. *Dweck C.S.* From needs to goals and representations: Foundations for a unified theory of motivation, personality, and development // *Psychological Review*. 2017. № 124 (6). P. 689–719. DOI:10.1037/rev0000082

19. Balzer W.K., Sulsky L.M. Halo and performance appraisal research: A critical examination // *Journal of Applied Psychology*. 1992. № 77 (6). P. 975–985. DOI:10.1037/0021-9010.77.6.975
20. Cooper W.H. Ubiquitous halo // *Psychological Bulletin*. 1981. № 90 (2). P. 218–244. DOI: 10.1037/0033-2909.90.2.218
21. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Гаджиева Г.И. Кросс-культурное исследование связей Темной Триады с эмоциональным интеллектом (на российской и азербайджанской выборках) // *Психологические исследования*. [Электронный ресурс]. 2016. № 9 (47). P. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 20 марта 2019).
22. Bereczkei T. Machiavellian intelligence hypothesis revisited: What evolved cognitive and social skills may underlie human manipulation // *Evolutionary Behavioral Sciences*. 2018. № 12 (1). P. 32–51. DOI:10.1037/ebs0000096
23. Jonason P.K., Richardson E.N., Potter L. Self-reported creative ability and the Dark Triad traits: An exploratory study // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2015. № 9 (4). P. 488–494. DOI:10.1037/aca0000037
24. O'Boyle Jr. E.H., Forsyth D.R., Banks G.C., McDaniel M.A. A meta-analysis of the Dark Triad and work behavior: A social exchange perspective // *Journal of Applied Psychology*. 2012. № 97 (3). P. 557–579. DOI:10.1037/a0025679
25. Pahl S., Eiser J.R. Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? // *Experimental Psychology*. 2005. № 52 (4). P. 303–309. DOI:10.1027/1618-3169.52.4.303
26. Dweck C.S., Davidson W., Nelson S., Enna B. Sex differences in learned helplessness: II. The contingencies of evaluative feedback in the classroom and III. An experimental analysis // *Developmental Psychology*. 1978. № 14 (3). P. 268–276. DOI: 10.1037/0012-1649.14.3.268
27. Bruch M.A., Berko E.H., Haase R.F. Shyness, masculine ideology, physical attractiveness, and emotional inexpressiveness: Testing a mediational model of men's interpersonal competence // *Journal of Counseling Psychology*. 1998. № 45 (1). P. 84–97. DOI:10.1037/0022-0167.45.1.84
28. Корниенко Д.С., Балева М.В., Руднова Н.А. Хороший и простой, плохой и сложный: как воспринимается образ другого при разных уровнях Темной триады // *Психологические исследования*. [Электронный ресурс]. 2018. № 11 (62). P. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 18 марта 2019).
29. Byrne D. *The attraction paradigm*. New York: Academic Press, 1971. 474 p.
30. Mazumdar S. How birds of a feather flock together in organizations: the phenomena of socio-physical congregation and distancing // *Journal of Architectural and Planning Research*. 1995. № 12 (1). P. 1–18.
31. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. № 27 (1). P. 415–444. DOI: 10.1146/annurev.soc.27.1.415.

References

1. Houston DA. Empathy and the self: Cognitive and emotional influences on the evaluation of negative affect in others. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;59 (5):859–868. DOI:10.1037/0022-3514.59.5.859
2. Kelley HH. The process of causal attribution. *American Psychologist*. 1973;28 (2):107–128. DOI:10.1037/h0034225
3. Borkenau P. Implicit personality theory and the five-factor model. *Journal of Personality*. 1992;60 (2):295–327. DOI:10.1111/j.1467-6494.1992.tb00975.x

4. Uleman JS., Saribay SA., Gonzalez CM. Spontaneous inferences, implicit impressions, and implicit theories. *Annual Review of Psychology*. 2008;59:329–360. DOI:10.1146/annurev.psych.59.103006.093707
5. Barker RG., Wright HF. One boy's day. A specimen record of behavior. New York: Harper & Row Publ.; 1951. 435 p.
6. Funder DC. Personality. *Annual Review of Psychology*. 2001;52:197–221. DOI:10.1146/annurev.psych.52.1.197
7. Buss DM., Craik KH. The act frequency approach and the construction of personality. In A. Angleitner, A. Furnham and G. van Heck (Eds.). *Personality psychology in Europe*. Berwyn, PA: Swets North America Publ.; 1986 P. 141–156.
8. Goffman E. The presentation of self in everyday life. Garden City, NY: Doubleday Publ.; 1959. 255 p.
9. Hewstone M. The “ultimate attribution error”? A review of the literature on intergroup causal attribution. *European Journal of Social Psychology*. 1990; 2 (4):311–335. DOI: 10.1002/ejsp.2420200404
10. Pronin E., Gilovich T., Ross L. Objectivity in the Eye of the Beholder: Divergent Perceptions of Bias in Self Versus Others. *Psychological Review*. 2004;111 (3):781–799. DOI:10.1037/0033-295X.111.3.781
11. Tversky A., Kahneman D. Belief in the law of small numbers. *Psychological Bulletin*. 1971; 76 (2):105–110. DOI:10.1037/h0031322
12. Stricker LJ., Jacobs PL., Kogan N. Trait interrelations in implicit personality theories and questionnaire data. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974; 30 (2):19–207. DOI:10.1037/h0036646
13. Mehl MR., Gosling SD., Pennebaker JW. Personality in its natural habitat: Manifestations and implicit folk theories of personality in daily life. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006; 90 (5):862–877. DOI:10.1037/0022-3514.90.5.862
14. Egorova MS., Sitnikova MA., Parshikova OV., Chertkova YuD. «Dark» personality traits in evaluations of positive and negative film characters. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2016; 9(50):12. (data obrashcheniya 20 March 2019).
(In Russ.)
15. Crysel LC., Cook CL., Sember TO., Webster GD. Harry Potter and the measures of personality: Extraverted Gryffindors, agreeable Hufflepuffs, clever Ravenclaws, and manipulative Slytherins. *Personality and Individual Differences*. 2015; 83:174–179. DOI:10.1016/j.paid.2015.04.016
16. Egorova MS., Sitnikova MA., Parshikova OV. Adaptation of the Short Dark Triad. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2015; 8(43):1. (data obrashcheniya 20 March 2019). (In Russ.)
17. Lee K., Ashton M.C. The Dark Triad, the Big Five, and the HEXACO model. *Personality and Individual Differences*, 2014, No. 67, 2–5. DOI:10.1016/j.paid.2014.01.048
18. Dweck CS. From needs to goals and representations: Foundations for a unified theory of motivation, personality, and development. *Psychological Review*. 2017; 124 (6):689–719. DOI:10.1037/rev0000082
19. Balzer WK., Sulsky LM. Halo and performance appraisal research: A critical examination. *Journal of Applied Psychology*. 1992; 77 (6):975–985. DOI:10.1037/0021-9010.77.6.975
20. Cooper WH. Ubiquitous halo. *Psychological Bulletin*. 1981; 90 (2):218–244. doi: 10.1037/0033-2909.90.2.218

21. Kornilova TV., Chumakova MA., Gadjieva GI. Cross-cultural study of connection between the Dark Triad and Emotional Intelligence (for Russian and Azerbaijani samples). *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2016; 9(47):9. (data obrashcheniya 20 March 2019). (In Russ.)
22. Bereczkei T. Machiavellian intelligence hypothesis revisited: What evolved cognitive and social skills may underlie human manipulation. *Evolutionary Behavioral Sciences*. 2018; 12 (1):32–51. DOI:10.1037/ebs0000096
23. Jonason PK., Richardson EN., Potter L. Self-reported creative ability and the Dark Triad traits: An exploratory study. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2015;9 (4):488–494. DOI:10.1037/aca0000037
24. O'Boyle Jr. EH., Forsyth DR., Banks GC., McDaniel MA. A meta-analysis of the Dark Triad and work behavior: A social exchange perspective. *Journal of Applied Psychology*. 2012; 97 (3):557–579. DOI:10.1037/a0025679
25. Pahl S., Eiser JR. Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? *Experimental Psychology*. 2005; 52 (4):303–309. DOI:10.1027/1618-3169.52.4.303
26. Dweck CS., Davidson W., Nelson S., Enna B. Sex differences in learned helplessness: II. The contingencies of evaluative feedback in the classroom and III. An experimental analysis. *Developmental Psychology*. 1978; 14 (3):268–276. DOI: 10.1037/0012-1649.14.3.268
27. Bruch MA., Berko EH., Haase RF. Shyness, masculine ideology, physical attractiveness, and emotional inexpressiveness: Testing a mediational model of men's interpersonal competence. *Journal of Counseling Psychology*. 1998; 45 (1):84–97. DOI:10.1037/0022-0167.45.1.84
28. Kornienko DS., Baleva MV., Rudnova NA. «Good and simple, bad and complex»: the perceived image of another and the Dark triad. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Internet]. 2018; 11(62):2. (data obrashcheniya 20 March 2019). (In Russ.)
29. Byrne D. The attraction paradigm. New York: Academic Press Publ.; 1971. 474 p.
30. Mazumdar S. How birds of a feather flock together in organizations: the phenomena of socio-physical congregation and distancing. *Journal of Architectural and Planning Research*. 1995; 12 (1):1–18.
31. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook JM. Birds of a Feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*. 2001; 27 (1):415–444. DOI: 10.1146/annurev.soc.27.1.415.

Информация об авторах

Милена В. Балева, кандидат психологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; milenabaleva@yandex.ru

Галина В. Ковалева, кандидат психологических наук, Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия; 614000, Пермь, ул. Газеты «Звезда», 18; gal2401@yandex.ru

Ольга И. Полянина, кандидат психологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия; 614990, Пермь, ул. Букирева, 15; helgapol72@gmail.com

Information about the authors

Milena V. Baleva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Perm State University, Perm, Russia; bld. 15, Bukireva street, Perm, Russia, 614990; *milenabaleva@yandex.ru*

Galina V. Kovaleva, Cand. of Sci. (Psychology), Perm Institute of Culture, Perm, Russia; bld. 18, Gazety «Zvezda» street, Perm, Russia, 614000; *gal2401@yandex.ru*

Olga I. Polyanina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Perm State University, Perm, Russia; bld. 15, Bukireva street, Perm, Russia, 614990; *helgapol72@gmail.com*

Особенности эмоционального реагирования на посты
группы «Типичная анорексичка» социальной сети
«ВКонтакте»
у девушек с различными типами телесности

Полина В. Цыганкова

*Российский национальный исследовательский медицинский университет имени
Н.И. Пирогова, Москва, Россия, polina_tsy@mail.ru*

Екатерина Ю. Прончихина

*Филиал Психиатрической клинической больницы имени Н.А. Алексеева, Мо-
сква, Россия, katerinaurievna@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей эмоционального реагирования при восприятии проанорексичного интернет-контента. Анорексия рассматривается как неконвенциональный тип телесности в рамках методологии социального конструктивизма. В эмпирическом исследовании с использованием авторской методики приняли участие 60 девушек и женщин в возрасте от 11 до 31 года: 30 пациенток, страдающих нервной анорексией, и 30 участниц без расстройств пищевого поведения. Особенности восприятия постов группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте» были подвергнуты количественному и качественному анализу. Установлено, что девушки, страдающие нервной анорексией, воспринимают проанорексичные интернет-посты более персонально и дают на них более выраженную эмоциональную реакцию - стыд, страдание, отвращение, презрение, вину и страх, чем девушки без пищевых расстройств. Обнаружены корреляции между интенсивностью эмоционального реагирования и такими особенностями самосознания участниц, как неудовлетворенность своим телом, низкая самооценка по шкалам «ум», «характер», «авторитет у сверстников», «внешность», «уверенность в себе» с высокой степенью выраженности направленного на себя и социально предписанного перфекционизма. Обсуждаются механизмы влияния виртуальной групповой идентичности на индивидуальное самосознание и телесность.

Ключевые слова: нервная анорексия, интернет, женская телесность, культурное тело, социокультурная патология, групповая виртуальная идентичность

Для цитирования: Цыганкова П.В., Прончихина Е.Ю. Особенности эмоционального реагирования на посты группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте» у девушек с различными типами телесности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №.2 С. 77-96. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-77-96

Specifics of the emotional response to perceiving internet-posts of the group “Typical anorexic” in the social network “Vkontakte” by girls with different types of corporality

Polina V. Tsygankova

*Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow,
Russia, polina_tsy@mail.ru*

EkaterinaY. Pronchikhina

*Alexeev Psychiatric Hospital IPA, Moscow, Russia,
katerinaurievna@mail.ru*

Abstract. The article reports the study on the specifics of the emotional response to perceiving pro-anorexic internet content. Anorexia is considered as an unconventional type of corporality within the methodology of social constructivism. 60 girls and women aged 11 to 31 years (30 patients suffering from anorexia nervosa, and 30 participants without eating disorders) took part in the empirical study with the authors' technique. Specifics of perception of the Internet posts in the group “Typical anorexic” in the social network “Vkontakte” were subjected to quantitative and qualitative analysis. It has been established that girls suffering from anorexia nervosa perceive pro-anorexic Internet posts more personally and give a more intensive emotional response to them (shame, suffering, disgust, scorn, guilt and fear) than girls without eating disorders. Correlations between the intensity of emotional response and such features of the participants' self-consciousness as dissatisfaction with their body, low self-esteem on the “intelligence”, “character”, “peer authority”, “appearance”, “self-confidence” scales, and with a high degree of self-oriented and socially prescribed perfectionism have been found. Mechanisms of the influence of virtual group identity on individual self-consciousness and corporality are discussed.

Keywords: anorexia nervosa, internet, female corporality, cultural body, sociocultural pathology, group virtual identity

For citation: Tsygankova P.V., Pronchihina E.Y. Specifics of the emotional response to perceiving internet-posts of the group "Typical anorexic" in the social network "Vkontakte" by girls with different types of corporality. RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education "Series. 2019;2:77-96. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-77-96

Нервная анорексия (далее – НА) является сложно детерминированным феноменом, осмысление которого возможно с позиций системного биопсихосоциального подхода, учитывающего взаимосвязь и взаимовлияние конституционально-генетических, нейробиохимических, нозологических, индивидуально-личностных, психотравмирующих, семейных факторов [1–3]. Однако драматический рост распространенности пищевых расстройств в 60-х гг. XX в., связанный с изменением социокультурного эталона красоты и его трансляцией с помощью средств массовой информации - телевидения и гляцевых журналов [4] – подтверждает ключевую роль макросоциальных, социокультурных факторов в возникновении и хронификации НА. Распространенность пищевых расстройств остается крайне высокой в XXI в., и, хотя точное количество заболевших оценить сложно, есть данные [5], согласно которым от симптомов расстройств пищевого поведения (далее – РПП) страдают 13,2 % девушек в возрасте до 20-ти лет. Особую роль в качестве условия формирования, распространения, поддержания РПП в «постсовременном» обществе приобретает интернет, представляющий собой ведущий канал трансляции стандартов красоты и пропаганды различных телесных практик.

Анорексия как неконвенциональный тип телесности

Методологической основой исследований анорексии в информационном обществе может служить постмодернистский подход, в рамках которого тело понимается не как «биологический факт», а как социальный конструкт, который заново создается в каждой культуре дискурсами, наполняется, насыщается и «обременяется» новыми смыслами в соответствии с системой социальных отношений [6,7]. «Естественное тело» исчезает, превращаясь из биологического феномена в культурный – производную от экономической, политической, спортивной, научной и пр. риторик [9]. В публичном дискурсе особое внимание уделяется женским телам: им предписываются определенные размеры, формы и функции, что приводит к феномену «рутинизированной проблематизации своей внешности» и «нормативного недо-вольства» своим телом [6]. Нередко увеличение распространенности РПП напрямую связывается с попытками женщин соответствовать нереалистичным императивам худобы, навязываемым массовой культурой.

Однако нельзя не отметить, что отличительной особенностью НА в новейшее время, по сравнению с предшествующими эпохами, стало появление значительной по численности группы современных девушек и женщин, воспринимающих НА не как психиатрический диагноз, а как желаемую идентичность. Для них анорексия переопределяется из стигмы в элитарное, желанное, особенное состояние [6]. Что делает НА привлекательной? Ответ на данный вопрос может лежать в пространстве противопоставления иным типам телесности, которые взрослеющая девушка сознательно или неосознанно принимает, интериорирует, а затем экстериорирует – воплощает в своем теле с помощью соответствующих телесных практик.

Проанорексичный тип телесности (наряду с такими, как неформальный, бодипозитивный и некоторыми другими) может быть понят как оппозиция конвенциональному и «витринному» [9] типам телесности, т.к. те связаны с высокой степенью объективации женского тела. Политический и экономический государственный дискурс рассматривает женское тело как репродуктивный, демографический и отчасти трудовой ресурс, чему в качестве культурного образца соответствует здоровое, спортивное, фертильное женское тело, что требует соответствующих телесных практик – «здоровый образ жизни», «правильное питание», «фитнес» и т. п. [6]. С другой стороны, современная массовая культура и рыночный дискурс в рамках «культуры нарциссизма» объективирует и представляет женское тело как средоточие сексуальности. «Витринной» телесности консьюмерного типа культуры соответствует тело, выставленное на продажу и всеобщее обозрение, как в витрине магазина [9]. Тело становится объектом инвестиций, чему активно способствует многомиллионная индустрия услуг красоты: косметология, пластическая хирургия и пр. [1,7,10].

Проанорексичная телесность в этом контексте описывается рядом авторов как попытка сопротивления давлению социокультурных императивов и включению ценности женщины в матрицу сексуальности и репродукции [7,10–12]. Одной из отличительных особенностей проанорексичных сообществ является отсутствие установки на создание феминного, сексуального, здорового женского тела [6]. Соответствующие проанорексичной телесности практики включают в себя голодание, диеты, очищение посредством рвоты, мочегонных и слабительных средств, использование психотропных препаратов, подавляющих аппетит, и стимулирующих веществ (кофе, сигареты) и т. п.

Групповая виртуальная идентичность как фактор формирования индивидуальной проанорексичной телесности

Платформой для трансляции и развития телесных идеологий в современном обществе являются СМИ, и, в первую очередь, – интернет. Интернет-репрезентации тел подвергаются оценке, становятся примером для подражания или объектом критики; молодые люди активно включаются в процесс (вос)производства дискурсов о "правильных", "красивых", "идеальных" телах путем участия в тематических сообщениях социальных сетей [6,12]. Однако целое представляется большим, чем сумма частей. Благодаря образованию интернет-групп и сообществ можно говорить о формировании так называемой «виртуальной групповой идентичности», где индивидуальные вклады отдельных участников приводят к формированию идеологии, системы правил и императивов, приобретающих надындивидуальную природу и оказывающих формирующее влияние на каждого отдельного участника.

В доинформационную эпоху случаи заболевания НА были отдельными, не связанными между собой, сегодня же в социальных сетях проанорексичные сообщества объединяют десятки тысяч девушек [13]. В качестве примера можно привести социальную сеть «ВКонтакте», где на 19.04.2019 г. насчитывалось 523 закрытые и открытые группы с максимальным количеством участников 849 493 человека, которые находятся по поиску по запросу «анорексия». Группы чаще всего находятся в рубрике «уход за собой», однако реальное их содержание представляет собой мотивацию и поддержку девушек, желающих развить у себя или сохранить свою анорексию, для чего используются визуальные образы желаемых тел, описание способов потери веса, маскировки РПП [6].

Подобные интернет-сообщества получают противоположные оценки со стороны исследователей. Так, А.Р. Боярская характеризует их как «аутодеструктивную интернет субкультуру», затягивающую юных девушек в свои «сети», заражающую их «вирусом преанорексии», навязывающую им «агрессивные матрицы поведения» и толкающую на «путь уничтожения собственной телесности» [13]. В то же время Т.А. Щурко полагает, что тематические интернет-сообщества, объединяющие женщин с пищевыми расстройствами, выступают скорее в роли «групп поддержки», противостоящих процессам стигматизации и социальной изоляции и позволяющих женщинам с РПП «найти свой голос» вне рамок «медицинского дискурса» [12].

Однако, независимо от методологической и идеологической позиции, занимаемой авторами, большинство исследований проблемы взаимосвязи интернета и РПП [6,12–15] носят описательный, качественный или статистический характер. Конкретные психологические механизмы влияния виртуальной групповой идентичности на индивидуальное самосознание и телесность в них не раскрываются. В частно-

сти, отсутствуют исследования особенностей восприятия проанорексичного интернет-контента девушками при наличии и отсутствии нервной анорексии. Это обуславливает научную новизну эмпирического исследования, результаты которого представлены ниже.

Целью исследования стало сравнение особенностей восприятия проанорексичного интернет-контента девушками с наличием и отсутствием нервной анорексии. Предмет исследования: степень личностной вовлеченности и специфика эмоционального реагирования при восприятии проанорексичного интернет-контента группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте» девушками с диагнозом НА во взаимосвязи с особенностями их самосознания.

Гипотезы:

1. Девушки, страдающие нервной анорексией, воспринимают посты группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте» с большей личностной вовлеченностью и дают на них более выраженную эмоциональную реакцию, чем девушки без пищевых расстройств.

2. Существует взаимосвязь между особенностями восприятия постов, характером эмоционального отклика на них и особенностями самосознания.

Методы исследования

На подготовительном этапе исследования был проведен интент-анализ 1000 постов группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте» за период январь – март 2017 года. В результате чего были выделены основные интенции постов (в данный перечень не вошли посты категорий: «переключка», «поддержка группы», «марафоны», «другое»):

1) критика вплоть до оскорбления, высмеивание, попытки пристыдить, шутки-издевательства, например: «Идеальные парни не встречаются с жирными, тупыми и уродливыми бабами»; «Твои жирные ляжи не дают убежать даже от проблем»; «Гулял с девушкой, и какой-то мужик назвал ее толстухой, у меня просто терпение лопнуло, правда, неужели нельзя было похудеть?»;

2) предписания и запреты, например: «Она добилась своей цели, а ты с завтрашнего дня на диете»; «Расписание дня: Проснись. Сбрось лишний вес. Ляг спать.»; «После шести есть нельзя. Вот ты, девочка, сколько тебе лет? – Шесть. – Всё, не ешь».

3) обещания исправиться и выражение восхищения теми, кто достиг большего, например: «В 2017 я обещаю не сдаваться»; «Вещи, с которыми я попрощаюсь в 2017-м году: толстые ляжки; жирная талия; дряблые руки; круглое лицо; заплывшие жиром лодыжки и запя-

стья»; надпись на фоне фотографии худой девушки: «Хочу, чтобы джинсы смотрелись на мне так же круто»;

4) самоуничижительные посты и жалобы, например: «Депрессия, порезы, плач, попытки похудеть. Люди говорят, я хочу внимания. Но правда в том, что я не могу изменить себя»; «Я ненавижу себя за каждый набранный грамм»; «Мой самый большой страх заключается в том, что вы увидите меня такой, какой я вижу себя»;

5) декларация своей успешности, превосходства над окружающими, оппозиции конвенциональной телесности, например: «Я поняла, что у меня получилось, когда проходя по коридору услышала «боже, она вообще ест?»»; «Как меня бесят жирухи, советующие мне похудеть, собой займись, стерва»; надпись на фотографии худой девушки, показывающей зрителю непристойный жест: «мой ответ тем, кто говорит что анорексия – это уродство».

Из подвергнутого анализу набора постов было отобрано 28, на основании которых создана методика, направленная на исследование особенностей восприятия проанорексичного интернет-контента.

Основной этап исследования включал в себя следующие методики:

1. Шкалирование эмоциональной реакции на посты группы «Типичная анорексичка». На распечатанных листах бумаги испытуемым демонстрировались 28 постов соответствующей интернет-группы. Под каждым изображением находилась таблица, в которой испытуемым по 10-балльной шкале предлагалось оценить степень выраженности у них следующих эмоций: интерес, радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, стыд, вина, страх (был использован список базовых эмоций по К. Изарду). Помимо субъективного шкалирования эмоций, испытуемым давали задание написать, какие мысли им приходят, когда они читают этот пост, и что бы им хотелось ответить автору данного поста.

2. «Опросник образа собственного тела» [16]. Методика направлена на выявление степени неудовлетворенности своим телом.

3. «Многомерная шкала перфекционизма» Хьюитта и Флетта в адапт. И.И. Грачевой [17]. Методика позволяет диагностировать интегральный уровень перфекционизма, а также степень выраженности отдельных его компонентов: направленного на себя, направленного на других и социально предписанного перфекционизма.

4. Шкалирование самооценки по методике Дембо-Рубинштейн (шкалы: «здоровье», «ум», «характер», «авторитет у сверстников», «внешность», «уверенность в себе») [18].

Характеристика выборки

Участницами исследования стали 60 девушек, составивших экспериментальную и контрольную группы.

В экспериментальную группу вошли 30 девушек с диагнозом «нервная анорексия» в возрасте от 11 до 31 года, средний возраст 21 год, $\sigma = 9$. Участницы набирались на базе Центра изучения расстройств пищевого поведения. Из выборки исключались пациентки с бредовым вариантом анорексии в рамках шизофрении.

В контрольную группу вошли 30 условно здоровых девушек в возрасте от 12 до 30 лет, средний возраст 21 год, $\sigma = 3.6$. У участниц контрольной группы, согласно самоотчету, отсутствовали симптомы пищевых расстройств, история обращения за психиатрической помощью, а также психологическое и медицинское образование.

Результаты исследования

По результатам статистического анализа с использованием критерия Манна-Уитни установлено, что при восприятии постов проанорексичного содержания девушки с НА испытывали значимо более интенсивные негативные эмоции по сравнению с условно здоровыми девушками, в частности: стыд ($p < 0,01$), страдание ($p < 0,05$), гнев ($p < 0,05$), отвращение ($p < 0,05$), презрение ($p < 0,05$), вину ($p < 0,05$) и страх ($p < 0,05$). Различий в интенсивности таких эмоций, как радость, интерес и удивление получено не было. Различия среднегрупповых значений интенсивности эмоций наглядно представлены на рис. 1.

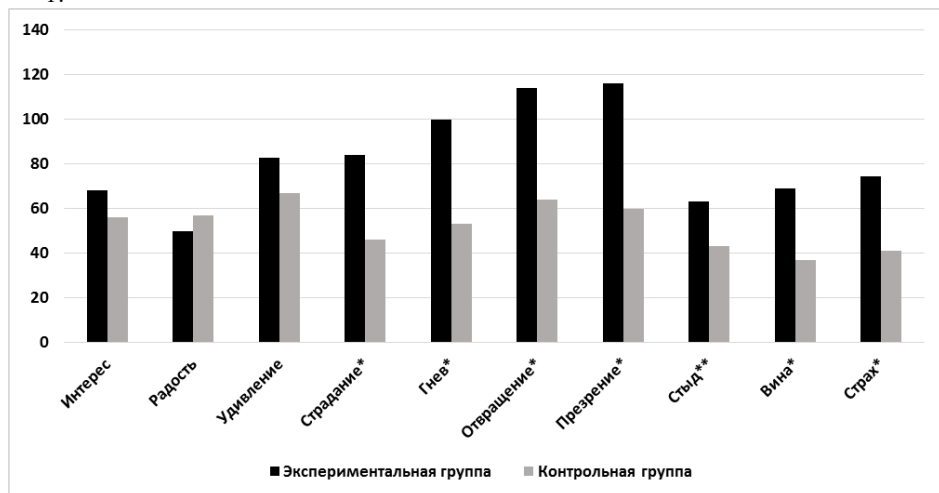

Рис. 1. Среднегрупповые значения интенсивности эмоций при восприятии интернет-постов проанорексичного содержания в экспериментальной и контрольной группе. *Примечания.* Уровни значимости: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$

Для оценки степени личностной вовлеченности или дистанцированности респонденток при восприятии постов был проведен качественный анализ их ответов предполагаемому автору поста, в результате которого были выделены следующие категории ответов:

1) личный ответ автору поста от своего имени, включающий высказывания о себе, своей жизни, теле, переживаниях и т. п. Примеры: «Почему автор назвал мои ляшки жирными? Ты даже не видел мои ляхи, а уже в чем-то меня обвиняешь»; «Это похоже на меня с родителями, когда обсуждаем новогоднее утро»; «Не про меня такое. Сочувствую тебе»;

2) ответ автору поста от лица обобщенной группы девушек, страдающих НА или находящихся в группе риска: преобладает критика автора поста, оценка содержания поста как вредного, опасного, оскорбительного, подталкивающего людей к саморазрушительному поведению. Примеры: «Невозможно добиться своей цели»; «Кто ты такой, чтобы доводить девочек до анорексии своими постами»; «Романтизация болезни – это ужасно»; «Попытка зародить комплексы»; «Нельзя публиковать такие картинки в интернете»;

3) ответ на ценности проанорексичной субкультуры, транслируемые в посте, в частности, их критика, осуждение, оскорбительные комментарии в адрес больных анорексией, комментарии о необходимости помощи или лечения автору поста и т. п. Примеры: «Незачем так зацикливаться на своем теле; надо относиться к своему весу проще, не взвешиваться каждые пять минут»; «А почему ты еще жива?»; «Привет, анорексичка.. а нет, земля тебе пухом»; «Вот это ограниченность. Жизнь же куда более разнообразна, чем просто картинка, отраженная на весах»;

4) отсутствие ответа, оценка поста по внешним критериям таким, как степень его реалистичности, юмористичности, остроумия, эстетического оформления и т. п. Примеры: «Это забавно»; «Тупой неуместный неостроумный сарказм»; «Бред»; «Остроумно»; «Картинка мрачная»;

5) непонимание смысла поста, неверное понимание, отказ отвечать или отсутствие ответа. Примеры: «Непонятный»; «Чего?»; «Я запуталась»; «Ничего»; «-».

Результаты статистического сравнения частоты ответов каждой категории в экспериментальной и контрольной группе с использованием критерия хи-квадрат представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнение частоты категорий ответов на посты проанорексичного содержания в экспериментальной и контрольной группе

	Экспериментальная группа	Контрольная группа	значение коэффициента хи-квадрат
личный ответ автору	298	404	27,49
ответ автору от лица группы	109	32	45,90
ответ о ценности проанорексичной субкультуры	36	101	33,58
оценка поста по внешнему критерию	69	179	57,24
отсутствие содержательного ответа	270	126	68,51

Примечания. Уровень значимости различий: $p < 0,05$; оценка по критерию хи-квадрат.

Статистически значимые различия установлены по частоте ответов всех категорий. Участницы контрольной группы значимо чаще давали ответы от первого лица ($p < 0,05$), ответы о ценности проанорексичной субкультуры ($p < 0,05$), а также давали оценку поста по внешнему критерию ($p < 0,05$). Участницы экспериментальной группы значимо чаще давали ответ от лица «группы риска» в отношении данных постов ($p < 0,05$) или не давали содержательного ответа ($p < 0,05$).

С целью установить взаимосвязь между особенностями восприятия проанорексичного контента и особенностями самосознания испытуемых проводился корреляционный анализ с использованием критерия Пирсона.

Была установлена взаимосвязь между интенсивностью ряда эмоций при восприятии интернет-постов и степенью неудовлетворенности своим телом («Опросник образа собственного тела»). Чем более девушки, независимо от наличия или отсутствия у них диагностированной нервной анорексии, не удовлетворены своим телом, тем с большей интен-

сивностью, согласно самоотчету, они испытывают интерес (0,48; $p < 0,01$), страдание (0,37; $p < 0,01$), стыд (0,39; $p < 0,01$), вину (0,41; $p < 0,01$) и страх (0,47; $p < 0,01$). Со степенью личной вовлеченности респонденток значимых корреляций выявлено не было.

Степень неудовлетворенности своим телом имеет обратную взаимосвязь не только с самооценкой внешности (-0,44; $p < 0,01$), но и с самооценкой по шкалам «здоровье» (-0,41; $p < 0,01$), «ум» (-0,51; $p < 0,01$), «характер» (-0,25; $p < 0,05$); «авторитет у сверстников» (-0,51; $p < 0,01$) и «уверенность в себе» (-0,60; $p < 0,01$).

Самооценка по разным шкалам в различной степени коррелирует с интенсивностью эмоций при восприятии проанорексичного интернет-контента. Наибольшее количество значимых отрицательных корреляций имеет самооценка по шкале ума. Чем выше респондентки оценивают свой ум, тем в меньшей степени у них выражены интерес (-0,33; $p < 0,01$), страдание (-0,33; $p < 0,01$), гнев (-0,26; $p < 0,05$), стыд (-0,46; $p < 0,01$), вина (-0,43; $p < 0,01$) и страх (-0,43; $p < 0,01$) при восприятии интернет-постов. Также релевантной оказалась самооценка по шкале «авторитет у сверстников», которая имеет обратные связи с интересом (-0,28; $p < 0,05$), стыдом (-0,26; $p < 0,05$), виной (-0,31; $p < 0,05$) и страхом (-0,39; $p < 0,01$); и самооценка по шкале «уверенность в себе», которая имеет обратные корреляции с интересом (-0,34; $p < 0,01$) и страхом (-3,39; $p < 0,05$). Самооценка по шкале «характер» не связана значимо с интенсивностью эмоций. Примечательно, что не было обнаружено значимых корреляций между интенсивностью эмоций и самооценкой по шкале «внешность». Также самооценка респонденток не коррелирует со степенью личной вовлеченности при ответах на предложенные интернет-посты.

Установлено, что степень выраженности перфекционизма и отдельных его компонентов («Многомерная шкала перфекционизма») также имеет ряд взаимосвязей с интенсивностью эмоционального реагирования и степенью личной вовлеченности при восприятии проанорексичного интернет-контента. Наибольшее количество корреляций установлено с социально-предписанным перфекционизмом, который положительно коррелирует с гневом (0,35; $p < 0,01$), отвращением (0,29; $p < 0,05$), презрением (0,25; $p < 0,05$); стыдом (0,34; $p < 0,01$) и страхом (0,27; $p < 0,01$), а также является единственным компонентом перфекционизма, в отношении которого установлены значимые взаимосвязи со степенью личной вовлеченности при восприятии проанорексичного контента: высокий социально-предписанный перфекционизм прямо связан с количеством ответов от первого лица (0,34; $p < 0,01$) и обратно связан с количеством оценок постов по внешним критериям

($-0,33$; $p < 0,01$), другими словами – с большей степенью личной вовлеченности при восприятии постов.

Обсуждение результатов исследования

Представленное исследование исходило из предположения, что особенности реагирования на интернет-контент, связанные с предписаниями определенных параметров тела, а также ведущих к их достижению телесных практик, обусловлены индивидуальными особенностями самосознания, которые, в свою очередь, представляют собой результат социокультурного конструирования телесности [6,8–10, 12,15], опосредованного конституционально-генетическими, нейробиохимическими, нозологическими, индивидуально-личностными, психотравмирующими, семейными факторами [2,3,19]. Данное предположение нашло эмпирическое подтверждение.

Было установлено, что девушки, проходящие лечение в связи с диагнозом «нервная анорексия», при восприятии постов группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте», согласно субъективному самоотчету, испытывают отрицательные эмоции (страдание, гнев, отвращение, презрение, стыд, вину и страх) значительно в большей степени, чем участницы контрольной группы. Источником переживания перечисленных эмоций может быть, с одной стороны, переживание своего несоответствия транслируемым в постах требованиям к телу (страдание, стыд, вина, страх), а с другой стороны, – неприятие другими людьми «слабости» и неспособности соответствовать этим требованиям (гнев, отвращение, презрение). В обоих случаях сильный эмоциональный отклик проистекает, по-видимому, из-за значительной степени идентификации с групповыми нормами и ценностями, присвоения проанорексичного идеала телесности в качестве желаемого, эталонного.

Данное предположение подтверждается также результатами качественного и количественного анализа ответов проходящих лечение от нервной анорексии девушек на предложенные интернет-посты. На этой стадии исследования было выявлено, что, отвечая на посты, испытуемые экспериментальной группы значительно чаще идентифицировались с обобщенной группой девушек, страдающих нервной анорексией или находящихся в группе риска (например: «Пропаганда неправильного похудения, триггер, приводящий к анорексии. Данный пост сформирован у читающих неправильное восприятие о похудении, голод вреден для здоровья»; «Не выкладывать такие посты, потому что кто-то примет это на свою сторону»), и значительно реже давали ответы от первого лица. Данный результат можно интерпретировать как свидетельство системообразующей роли диагноза «нервная анорексия» в самосозна-

нии и самоидентичности испытуемых клинической группы. Можно предположить, что групповая идентичность преобладает у них над индивидуальной, тем самым усиливая возможное влияние императивов проанорексичной телесности, транслируемых в социальных сетях, а также снижает способность осознанно противостоять им.

Для восприятия постов девушками контрольной группы характерна более дистанцированная позиция. Проанорексичные императивы воспринимаются ими как чужеродные, не затрагивают их уязвимых мест в силу более высокой самооценки, большей удовлетворенности собственным телом, а также приверженности конвенциональному типу телесности и соответствующим телесным практикам. Давая ответы на посты, эти девушки критикуют и осуждают транслируемые в них ценности и телесные практики (например: «Не стоит ставить целью жизни похудение»; «Зачем себя до такого доводить?» и т. п.). Также девушки группы нормы часто оценивали посты с позиции их содержания, оставаясь дистанцированными (например: «Тонкий юмор»; «Несмешная шутка»; «Какое дурацкое оформление»). Девушки контрольной группы в меньшей степени принимают посты на свой счет, остаются эмоционально более равнодушными, поскольку не разделяют проанорексичные ценности и не стремятся к проанорексичному типу телесности, в результате чего соответствующий лексикон, образно-метафорический ряд, «субкультурный код» остается им не ясен или не близок.

Индивидуальный «выбор» того или иного типа телесности, несомненно, опосредуется факторами различного уровня, в том числе, индивидуально-психологическими. В данном исследовании в фокусе нашего внимания были такие особенности индивидуального самосознания, как степень удовлетворенности своим телом, самооценка различных качеств и перфекционизм разной направленности.

В результате проведенного корреляционного анализа нашло подтверждение предположение о том, что, чем сильнее выражено недовольство своим телом, тем сильнее девушки реагируют на проанорексичные императивы. При этом они испытывают не только негативные эмоции (страдание, стыд, вина, страх), но и интерес, отражающий повышенную личностную значимость для них темы похудения. Хочется подчеркнуть, что у 36 % участниц контрольной группы (т. е. у девушек без диагностированных пищевых расстройств) наблюдается высокая степень неудовлетворенности своим телом, что подтверждает положение о «рутинизированной проблематизации своей внешности» и «нормативном недовольстве» своим телом [6] и позволяет предполагать, что значительное количество девушек и женщин открыты к восприятию различных предписаний по усовершенствованию своего тела,

транслируемых масс-медиа, и составляют группу риска в отношении развития РПП. Психологическая уязвимость данной группы косвенно подтверждается также тем, что неудовлетворенность собственным телом имеет значимые связи со снижением самооценки по параметрам, не имеющим прямой связи с внешностью, таким, как: здоровье, ум, характер, авторитет у сверстников, уверенность в себе. Общая, «неопредмеченная» неудовлетворенность собой может мотивировать человека на радикальные трансформации тела, как только предполагаемый «дефект» будет приписан именно телу и будут получены четкие «инструкции» по его изменению.

При исследовании роли самооценки интересным представляется результат об отсутствии прямой связи самооценки внешности и интенсивности эмоционального реагирования при восприятии проанорексичного интернет-контента. Можно предположить, что когнитивный и аффективный компоненты образа тела достаточно независимы. И, даже оценивая свою внешность не очень высоко, женщина может оставаться ею удовлетворенной в случаях, если внешность не связывается ею прямо с качеством жизни, достижением личностно-значимых целей и смыслов, не ставится в центр самоидентичности. Также, при довольно очевидной связи более высокой самооценки с меньшей уязвимостью по отношению к проанорексичным императивам, примечательно, что наибольшим протективным потенциалом обладает высокая самооценка по шкале ума. Данный результат может быть интерпретирован различным образом. В частности, возможно допустить, что девушки, для которых интеллект лежит в основе самоидентичности, составляет фундамент их самооценки и самоуважения, менее подвержены влиянию социокультурных предписаний относительно их телесности. В то же время, вероятно, что девушки, склонные к переоцениванию своих интеллектуальных способностей в силу присутствия нарциссических личностных тенденций, могут обесценивать озабоченность внешностью как «маркер» девушек с предполагаемо более низким интеллектом. В перспективе представляется интересным изучить взаимосвязь особенностей реагирования на проанорексичный интернет-контент с объективными показателями результативных (коэффициент интеллекта) и процессуальных (когнитивные стили) особенностей познавательной сферы.

Актуальная самооценка неразрывно связана с Я-идеалом, и именно несоответствие, зазор между ними определяет степень неудовлетворенности собой. Идеалы могут восприниматься как внутренние, присвоенные, интериоризированные цели или как навязываемые извне условия соответствия, имеющие давящий, принуждающий характер. Существует мнение, что в современном «обществе нарциссизма» как инди-

видуальные, так и социокультурные идеалы подчас завышены и недостижимы [1]. В обсуждаемом исследовании установлено, что высокий перфекционизм связан с интенсивностью эмоционального реагирования при восприятии проанорексичных интернет-постов. При этом наибольшую роль играет социально предписанный перфекционизм, отражающий восприятие императивов как навязываемых извне. Можно предположить, что данная закономерность проявляется и при формировании индивидуальной проанорексичной телесности под воздействием виртуальной групповой идентичности. Девушки, вступающие в специфические интернет-сообщества, вероятно, уже обладают определенной степенью неудовлетворенности своим телом и неким представлением о том, каким ему следует быть, сформированным в результате взаимодействия с семьей, с ближайшим социальным окружением, в результате восприятия дискурсов культуры. Но попадая в интернет-группу в социальной сети, они оказываются под давлением более жестких, нереалистичных и унифицирующих императивов, которые определяют их право на принадлежность к данной группе и возможность претендовать на идентичность настоящей «анорексички». Сформированная за счет вкладов отдельных участников идеология, система правил и предписаний приобретает надындивидуальную природу и оказывает формирующее влияние на каждую отдельную участницу. По результатам исследования, социально предписанный перфекционизм прямо связан с интенсивностью гнева, отвращения, презрения, стыда и страха. Также девушки с высоким уровнем социально предписанного перфекционизма склонны реагировать на посты очень личным образом, воспринимать их на свой счет, отвечать на них от первого лица и значимо реже дистанцируются от них, воспринимая исключительно как «интернет-мем». Такие девушки, вероятно, в наибольшей степени выстраивают свою идентичность на фундаменте диагноза «нервная анорексия», соотносят образ себя с образом «типичной анорексички», а свое тело - с телесностью, конструируемой проанорексичным дискурсом. Они воспринимают посты как доказательство своей несостоятельности, как директивное требование, как устремленный на себя строгий, оценивающий, критичный взгляд. Невозможность соответствовать, с одной стороны, нереалистичным требованиям проанорексичной субкультуры, а с другой стороны, требованиям конвенциональной телесности, которые продолжают транслироваться девушке ее окружением, не разделяющим проанорексичные идеалы, а также медицинским дискурсом, создает внутренний конфликт, тревогу и напряжение. Собственное тело может переживаться как поле боя, где ведут сражение различные неподвластные девушке силы, что еще больше усиливает стремление контролировать свое тело и свое пищевое поведение.

Изменения, которые претерпевает в условиях информационного общества этиология и клиническая картина РПП, с одной стороны, и их смысловая многозначность в массовом и индивидуальном сознании, с другой стороны, обуславливают необходимость разработки соответствующих этим изменениям диагностических и исследовательских процедур. Практическая ценность представленного исследования состоит в разработке и апробации методики, составленной с использованием материалов группы популярной социальной сети, служащей площадкой для трансляции проанорексичных ценностей. Методика позволяет оценить интенсивность эмоционального реагирования и степень личностной вовлеченности при восприятии проанорексичных материалов и может найти применение при решении таких практических задач, как выявление групп риска в отношении нервной анорексии с целью последующего проведения профилактической работы, а также для отслеживания динамики состояния в ходе лечения пациенток с нервной анорексией.

Выводы

1. Девушки, страдающие нервной анорексией, воспринимают посты группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте» более персонально и дают на них более выраженную эмоциональную реакцию, чем девушки без пищевых расстройств.

2. Более сильная личная вовлеченность девушек при восприятии постов и более интенсивное эмоциональное реагирование на них взаимосвязано с такими особенностями их самосознания, как неудовлетворенность своим телом, низкая самооценка по шкалам «ум», «характер», «авторитет у сверстников», «внешность», «уверенность в себе», а также с высокой степенью выраженности направленного на себя и социально предписанного перфекционизма.

Благодарности

Авторы выражают благодарность М.Б. Сологубу, заведующему стационарным отделением Центра изучения расстройств пищевого поведения, за содействие в наборе материала для исследования.

Acknowledgements

Authors express gratitude to M.B. Sologub, the head of the in-patient department of EDSC, for assistance in recruiting the sample for the research.

Литература

1. *Соколова Е.Т.* Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. №1. С. 67-80.
2. *Culbert K.M., Racine S.E., Klump K.L.* Research Review: What we have learned about the causes of eating disorders - a synthesis of sociocultural, psychological, and biological research // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2015;56(11). DOI: 10.1111/jcpp.12441
3. *Grzelak T., Dutkiewicz A., Paszynska E., Dmitrzak-Weglarz M., Slopian A., Tyszkiewicz-Nwafor M.* Neurobiochemical and psychological factors influencing the eating behaviors and attitudes in anorexia nervosa // Journal of Physiology and Biochemistry. 2017. 73(2). DOI: 10.1007/s13105-016-0540-2
4. *Brumberg J.J.* Fasting Girls. The Emergence of Anorexia Nervosa as a Modern Disease. London: Harvard University Press, 1988. 366 p.
5. *Stice E., Marti C.N., Shaw H., Jaconis M.* An 8-year longitudinal study of the natural history of threshold, subthreshold, and partial eating disorders from a community sample of adolescents. Journal of Abnormal Psychology. 2010. 20(9). P. 1385-1390.
6. *Литвинова Д.А., Остроухова П.В.* Дискурсивное регулирование женской телесности в социальных сетях: между худобой и анорексией // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 13(1). С. 33–48.
7. *Шнаккенберг Н.* Мнимые тела, подлинные сущности. Преодоление конфликтов идентичности с внешностью и возвращение к подлинному Я. Калининград: Фока букс. 2018. 376 с.
8. *Быховская И.М.* Телесность человека как объект социокультурного анализа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: 1993. 49 с.
9. *Баричко Я.Б.* Три типа телесности культуры // Челябинский гуманитарий. 2010. № 3(12). С. 97-103.
10. *Вульф Н.* Миф о красоте. М.: Альпина нон-фикшн. 2015. 445 с.
11. *Orbach S.* Hunger Strike: Starving Amidst Plenty. London: Other Press. 2000. 184 p.
12. *Щурко Т.А.* Фокусируясь на женской телесности: медики, социологи и женские Интернет-сообщества о проблеме «нарушений пищевого поведения» // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 7(3). С. 381-404.
13. *Боярская А.Р.* Культура анорексии как молодёжная аутодеструктивная суб-

- культура // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 14. С. 147-154.
14. *Borzekowski D.L., Schenk S., Wilson J.L., Peebles R.* E-Ana and e-Mia: A content analysis of pro-eating disorder Web sites // *American Journal of Public Health.* 2010. 100(8). P.1526-1534.
 15. *Latzer Y., Spivak-Lavi Z., Katz R.* Disordered eating and media exposure among adolescent girls: the role of parental involvement and sense of empowerment // *International Journal of Adolescence and Youth.* 2015. 33(3). P. 1-17.
 16. *Скугаревский О.А., Сивуха С.В.* Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // *Психологический журнал.* 2006. № 2(10). С. 40-48.
 17. *Грачева И.И.* Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // *Психологический журнал.* 2006. № 6(27). С. 73-81.
 18. *Рубинштейн С.Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике: практическое руководство. Москва: Апрель Пресс: Психотерапия. 2010. 224 с.
 19. *Сулейманов Р.А.* Особенности доманифестного периода анорексии: дис. ... канд. мед. наук. М.: 2005. 165 с.

References

1. Sokolova ET. Narcissism as a clinical and sociocultural phenomenon. *Voprosi psichologii.* 2009;1: 67-80. (in Russ.)
2. Culbert KM., Racine SE., Klump KL. Research Review: What we have learned about the causes of eating disorders - a synthesis of sociocultural, psychological, and biological research. *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* 2015;56(11). DOI: 10.1111/jcpp.12441
3. Grzelak T., Dutkiewicz A., Paszynska E., Dmitrzak-Weglarz M., Slopian A., Tyszkiewicz-Nwafor M. Neurobiochemical and psychological factors influencing the eating behaviors and attitudes in anorexia nervosa. *Journal of Physiology and Biochemistry.* 2017; 73(2). DOI: 10.1007/s13105-016-0540-2
4. Brumberg JJ. *Fasting Girls. The Emergence of Anorexia Nervosa as a Modern Disease.* London: Harvard University Press. 1988. 366 p.
5. Stice E., Marti CN., Shaw H., Jaconis M. An 8-year longitudinal study of the natural history of threshold, subthreshold, and partial eating disorders from a community sample of adolescents. *Journal of Abnormal Psychology.*

- 2010;20(9): 1385-1390.
6. Litvinova DA., Ostroykhova PV. Discursive regulation of female corporality in social networks: between thinness and anorexia. *Jurnal issledovaniia socialnoi politiki*. 2015; 13(1): 33-48. (in Russ.)
 7. Schnackenberg N. False Bodies, True Selves: Moving Beyond Appearance-Focused Identity Struggles and Returning to the True Self. Kaliningrad: Foka Books Publ.; 2018. 376 p. (in Russ.)
 8. Bukchovskaya IM. Human body as an object of social and cultural analysis. Extended abstract of PhD dissertation (Philosophy). Ros. AN NII. Moscow: 1993. 49 p. (in Russ.)
 9. Barichko YB. Three types of culture corporality. *Chelyabinsky gymanitary*. 2010; 3(12): 97-103. (in Russ.)
 10. Wolf N. The Beauty Myth. Moscow: Alfina non-fiction Publ.: 2015. 445 p. (in Russ.)
 11. Orbach S. Hunger Strike: Starving Amidst Plenty. London: Other Press LLC Publ.: 2000. 184 p.
 12. Shyrko TA. Focusing on female corporality: doctors, sociologists, and female Internet communities about the problem of eating disorders. *Jurnal issledovaniia socialnoi politik*. 2009. 7(3), P. 381-404. (in Russ.)
 13. Boyarskaya AR. Anorexia culture as a youth autodestructive subculture. *Cultura. Dykhovnost. Obchestvo*. 2014;14: 147-154. (in Russ.)
 14. Borzekowski DL., Schenk S., Wilson JL., Peebles R. E-Ana and e-Mia: A content analysis of pro-eating disorder Web sites. *American Journal of Public Health*. 2010; 100(8): 1526-1534.
 15. Latzer Y., Spivak-Lavi Z., Katz R. Disordered eating and media exposure among adolescent girls: the role of parental involvement and sense of empowerment. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2015; 33(3):1-17.
 16. Skugarevsky OA., Sivyha SV. Body Image: Developing a Assessment Tool. *Psichologicheskii jurnal*. 2006; 2(10):40-48. (in Russ.)
 17. Gracheva II. Adaptation of the Multi-Dimensional Perfectionism Scale of by P. Hewitt and G. Flett. *Psichologicheskii jurnal*. 2006; 6(27): 73-81. (in Russ.)
 18. Rubinstein SY. Experimental methods of pathopsychology and experience of their application in the clinic: a practical guide. Moscow: ApreL Press: Psichoterapia Publ.; 2010. 224 p. (in Russ.)

19. Syleimanov RA. Features of the premanifest period of anorexia. PhD dissertation (Medicine). Moscow: 2005. 165 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Полина В. Цыганкова, кандидат психологических наук, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, Москва, Россия; 117997, ул. Островитянова, д.1; polina_tsy@mail.ru

Екатерина Ю. Прончихина, Филиал Психиатрической клинической больницы имени Н.А. Алексеева, Москва, Россия; 115211, ул. Борисовские пруды 12к4; katerinaurievna@mail.ru.

Information about the authors

Polina V. Tsygankova, Cand of Psy, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia; bld.1, Ostrovityanova street, Moscow, Russia, 117997; polina_tsy@mail.ru

Ekaterina Y. Pronchihina, Alexeev Psychiatric Hospital IPA, Moscow, Russia; bld. 12k4, Borisovskie prydu street, Moscow, Russia, 115211; katerinaurievna@mail.ru

Личностный профиль и регуляция принятия решений
лицами медицинских специальностей:
от студента до практикующего врача

Елизавета М. Павлова,

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, pavlova.lisa@gmail.com*

Татьяна В. Корнилова,

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, tvkornilova@mail.ru*

Юлия В. Красавцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, julia.k7@mail.ru*

Наталья В. Богачева

*Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М.
Сеченова, Москва, Россия
fil.fluppy@gmail.com*

Аннотация. В исследовании сравнивались личностные свойства врачей и лиц контрольной группы по плану 2Х2. Участниками стали 419 человек: 59 практикующих врачей, 43 участников контрольной группы риелторов, 130 студентов-медиков и 187 студентов не медиков (психологов). Диагностировались переменные, отражающие толерантность и интолерантность к неопределенности (опросник С. Баднера), стратегии совладания с неопределенностью (Мельбурнский опросник принятия решений), готовность к риску и рациональность (опросник Личностные факторы решений) и черты Большой пятерки (КОБП). Проверялись гипотезы о том, что медики в большей мере принимают неопределенность и риск по сравнению с представителями контрольной группы, и их личностные свойства согласуются в паттернах связей иным образом, чем в контрольных группах. Определены личностные профили практикующих и будущих врачей как лиц, находящихся на разных стадиях профессионального развития (практикующие специалисты и студенты). Различия между группами установлены не только для отдельных переменных, но и для связей между переменными, что

позволяет говорить об интеграции профессионально важных качеств врачей. Показано, что врачи ориентируются в большей степени на осторожность и отказ от риска (по готовности к риску студенты-медики имеют значимо более высокие показатели), они более интолерантны к неопределенности, более бдительны (продуктивный копинг) и сознательны. Дисперсионный анализ позволил установить влияние факторов пола, ступени профессионального развития и взаимодействия факторов уровня и специализации (принадлежность к выборке медиков и не медиков).

Ключевые слова: готовность к риску, принятие решений, толерантность к неопределенности, бдительность, Большая пятерка, копинги, медицинские профессии

Для цитирования: Павлова Е.М., Корнилова Т.В., Красавцева Ю.В., Богачева Н.В. Личностный профиль и регуляция принятия решений лицами медицинских специальностей: от студента до практикующего врача // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №.2 С. 97-115. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-97-115

Personal profile and decision-making regulation in medical specialists: from a student to a medical practitioner

Elizaveta M. Pavlova,

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, pavlova.lisa@gmail.com

Tatiana V. Kornilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tvkornilova@mail.ru

Yulia V. Krasavtseva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
julia.k7@mail.ru*

Natalia V. Bogacheva

*I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia
fil.fluppy@gmail.com*

Abstract. This study is dedicated to comparison of the personal characteristics of doctors and control subjects, adult specialists and students

in accordance to the 2X2 plan. 419 people participated in this study: 59 medical practitioners, 43 participants in the control group of realtors, 130 medical students and 187 non-medical students (psychologists). We diagnosed attitude towards uncertainty (Budner's Scale Intolerance of Ambiguity), coping strategies with (Melbourne decision-making questionnaire), risk readiness and rationality (Personal factors of decision-making) and the Big Five traits (TIPI). According to our hypotheses, physicians accept uncertainty and risk more than the control group, and are characterized by special patterns of personality traits in comparison with the control groups. Personal profiles of medical practitioners and future doctors (as persons at different stages of professional development) were established. We also established differences between groups not only for individual variables, but also for the correlations between variables, which manifests integration of the professionally important qualities of doctors. It is shown that physicians are oriented more towards caution and risk aversion (students are significantly higher in risk readiness), they are more intolerant of uncertainty, more alert (productive coping) and conscious. MANCOVA allowed us to establish the influence of gender, level of professional development and the interaction of professional level and specialization.

Keywords: risk readiness, decision-making, tolerance of ambiguity (uncertainty), vigilance, Big Five, copings, medical professions

For citation: Pavlova EM., Kornilova TV., Bogacheva NV., Krasavtseva YV. Personal profile and decision-making regulation in medical specialists: from a student to a medical practitioner. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019;2:97-115. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-97-115

Введение

Процессы принятия неопределенности и риска включены в регуляцию профессиональной деятельности человека, в которой он сталкивается с недостаточностью или противоречивостью информации и стрессовыми условиями при принятии решений. Особую роль они играют в профессии врача, который должен учитывать факторы риска по отношению к жизни и здоровью другого человека [1]. Важность преодоления неопределенности при принятии медицинских решений и роль этого для сокращения медицинских ошибок подчеркивается зарубежными исследователями [2]. Однако отсутствуют комплексные исследования Принятия неопределенности и риска как латентной переменной [3] у лиц в медицинской сфере.

Такой комплексный подход возможен с опорой на концепцию единого функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека в условиях неопределенности [4]. Положение о динамической

иерархизации процессов, опосредствующих принятие решения (ПР), подразумевает возможность выхода разных составляющих на ведущий уровень регуляции. В качестве важнейших переменных при таком подходе выступают измеряемые личностные предпосылки Принятия неопределенности и риска, включенные в регуляцию ПР.

Адекватное использование копинг-стратегий рассматривается как важнейшая клиническая компетенция для студентов медицинских вузов [5]. На материале самоотчетов показано, что студенты-медики испытывают сложности с принятием медицинских решений, что требует развития толерантности к неопределенности в процессе получения медицинского образования [6]. Студенты оценивают стресс от неопределенности выше, чем практикующие врачи [7], при этом медики, обычно относящиеся к диагностической неопределенности как к негативному фактору, должны воспринимать ее как неизбежное условие принятия решений [2].

В рамках парадигмы «от деятельности к личности» подразумевается, что в профессиональной деятельности человека складываются «профили» психологической регуляции ПР, что дает основания для изучения паттернов свойств у представителей разных профессий. Особенности ПР представителями медицинских специализаций уже выступали предметом исследования [8, 9, и др.], в том числе при обсуждении «фрейминга» и других «ловушек ума» [10, 11, 12]. Известны и исследования личностных особенностей медицинских работников [13, 14, 15, и др.]. Однако недостаточно изученными остаются связи личностных свойств, специфичных для регуляции ПР у этих специалистов, которые определяются не только профессиональной подготовкой, но и отношением к неопределенности и риску, индивидуально-стилевыми особенностями предпочитаемых стратегий ПР.

Несмотря на предполагаемую большую выраженность продуктивных копингов совладания с неопределенностью у врачей, это не подтверждается результатами [10]. Связи готовности к риску и рациональности как свойства личностной саморегуляции при принятии решений с мотивационными профилями изучались при сравнении выборов врачей и фельдшеров [14], а также применительно к такой выборке, как риелторы, в чьей деятельности представлены финансовые риски [16].

Наряду с принятием неопределенности и стратегиями совладания важными компонентами регуляции ПР могут выступать черты Большой пятерки. Показано, что они могут рассматриваться в контексте врачебной специализации [17] и быть связанными с эмоциональным выгоранием у врачей [18].

Однако в рамках исследований этой проблемы обычно невозможно разделение личностных особенностей, развивающихся в процессе медицинского образования, и тех, которые обеспечивают самоотбор в медицинские профессии. Такое разделение может быть обеспечено путем сравнения групп практикующих врачей и студентов медицинских вузов, а также соответствующих контрольных групп.

Нами было предпринято квазиэкспериментальное исследование, где был проведен сравнительный анализ личностных особенностей у разных критериальных групп, находящихся на разных стадиях профессионального развития. Сравнение студентов-медиков и студентов контрольной группы (психологов) также позволило уточнить особенности личности у «новичков» в разных профессиях типа «человек-человек». В качестве контрольной группы профессионалов была выбрана профессия риелтора, так как в своей деятельности риелтор сталкивается с рисками «за другого» человека, но эти риски касаются не здоровья другого, а его финансового положения.

Целью исследования выступило изучение личностных особенностей медицинских работников, а также их становления в профессиональной деятельности. Особую роль мы отводили при этом *готовности к риску и отношению к неопределенности*, как наименее изученным у профессионалов в медицинской сфере.

Нами были сформулированы следующие общие гипотезы:

1. Медики в большей мере принимают неопределенность и риск по сравнению с представителями контрольной группы, поскольку должны сопоставлять базовые знания с прогностическим анализом индивидуальных случаев.

2. Практикующие врачи имеют специфические иерархии свойств интеллектуально-личностного потенциала по сравнению со студентами-медиками и представителями контрольной группы.

Выборка исследования

В исследовании приняли участие 419 человек (332 женщины и 87 мужчин) в возрасте от 17 до 73 лет ($M = 25,3$, $SD = 11,7$): 1) 189 представителей *медицинских специализаций* (127 женщин и 62 мужчины) в возрасте от 17 до 73 лет ($M = 26$, $SD = 12,6$), находящиеся на разных ступенях профессионализации; среди них 59 *практикующих врачей* (35 женщин и 24 мужчины) в возрасте от 24 до 73 лет ($M = 41$, $SD = 12,8$) со стажем профессиональной деятельности от 1 года до 50 лет, представителей разных специальностей: 25 офтальмологов, 15 общих и сердечно-сосудистых хирургов, 4 травматолога, 4 терапевта и др.; а также 130 *студентов-медиков* (92 женщины и 38 мужчин) в возрасте от 17 до 29 лет ($M = 19,1$, $SD = 1,6$), студенты МГМУ педиатрического

факультета и факультета лечебного дела; 2) 230 представителей *контрольной группы* (205 женщин и 25 мужчин) в возрасте от 18 до 71 года ($M = 24,6$, $SD = 10,9$), а именно: 43 *риелтора* (36 женщин и 7 мужчин) в возрасте от 21 до 71 года ($M = 45,7$, $SD = 9,4$) и 187 студентов факультета *психологии* МГУ (169 женщин и 18 мужчин) в возрасте от 18 до 22 лет ($M = 19,8$, $SD = 1,3$). Поскольку в высшей школе нет специализации риелторы, мы остановились на контрольной группе студентов психологов.

Методики

Для диагностики свойств, входящих в латентную переменную Принятие неопределенности и риска, нами использовались следующие методики:

1. *Опросник С. Баднера* в русскоязычной адаптации [19], который диагностирует шкалы *толерантности к неопределенности* (личностное свойство, определяющее готовность к решениям и действиям в неопределенных ситуациях) и *интолерантности к неопределенности* (стремления к ясности, простоте и неприятие неопределенности). Надежность этой методики показана отдельно для тестирования студентов медицинских вузов [20].

2. *Опросник Личностные факторы принятия решений – ЛФР* [3], диагностирующий такие свойства саморегуляции, как *готовность к риску* (готовность действовать при недостаточности ориентиров и принимать решения в условиях неопределенности и риска) и *рациональность* (готовность к поиску дополнительной информации и направленность на осведомленность).

3. Для диагностики стилевой регуляции, или копингов, при ПР использовался *Мельбурнский опросник принятия решений – МОПР* [21] со шкалами продуктивного копинга *бдительность* (готовность к решениям в любой момент) и трех непродуктивных копингов – *сверхбдительность* (склонность к неоправданному «метанию» между разными альтернативами), *избегание* и *прокрастинация* (склонность к откладыванию решений).

4. Для диагностики черт Большой пятерки нами использовался *Краткий опросник Большой пятерки – КОБП* [22] – со шкалам *экстраверсия*, *согласие*, *добросовестность*, *эмоциональная стабильность* и *открытость опыту*.

Результаты

1. Переменные межгрупповых различий

С использованием многовариационного дисперсионного анализа (MANCOVA), где в качестве фиксированных факторов выступают показатели профессионального развития (студенты – профессионалы)

и специализации (профессиональной принадлежности к группам врачей и контрольной группам), а в качестве ковариаты – пол, показано, что статистически значимые главные эффекты обнаруживает фактор *стадии* профессионального развития (студенты и профессионалы), а также *взаимодействия* его с фактором *специализации*, но не последнего (см. табл. 1). Эффект *пола* также значим.

Таблица 1

Величина эффекта (след Пилляя) влияния факторов пола, стадии профессионального развития, специализации на изучаемые переменные

Фактор	F	p
Пол	3.412	.000
стадия профессионального развития (студенты – профессионалы)	4.051	.000
Специализация	1.409	.154
взаимодействие: стадия профессионального развития X специализация	3.189	.000

В дополнение проведен анализ одномерным F-критерием с использованием шкал опросников ЛФР, Баднера, МОПР и КОБП в качестве зависимых переменных, результаты которого представлены ниже в таблице 2.

Таблица 2

Влияние переменных пола, стадии профессионального развития и взаимодействия стадии профессионального развития и специализации на изучаемые переменные

Источник	зависимая переменная	F	p
Пол	сверхбдительность (МОПР)	5 .542	.019
	сознательность (КОБП)	4 .573	.033
	эмоциональная стабильность (КОБП)	1 9.131	.000
стадия профессионального развития (студенты – профессионалы)	толерантность к неопределенности (опросник Баднера)	7 .977	.005
	прокрастинация (МОПР)	1 0.828	.001
	сверхбдительность (МОПР)	2 3.565	.000
	сознательность (КОБП)	2 2.040	.000
	эмоциональная стабильность (КОБП)	1 2.263	.001
	готовность к риску (ЛФР)	2 0.799	.000
	взаимодействие: стадия профессионального развития X специализация	избегание (МОПР)	4 .354
	прокрастинация (МОПР)	4 .608	.033

Примечания: указаны только переменные, для которых обнаружены значимые эффекты.

Согласно полученным результатам, фактор *пола* влияет на показатели *сверхбдительности*, *сознательности* и *эмоциональной стабильности*, при этом женщины более *сверхбдительны* и менее *эмоционально стабильны*, но более *сознательны* (Рис. 1).

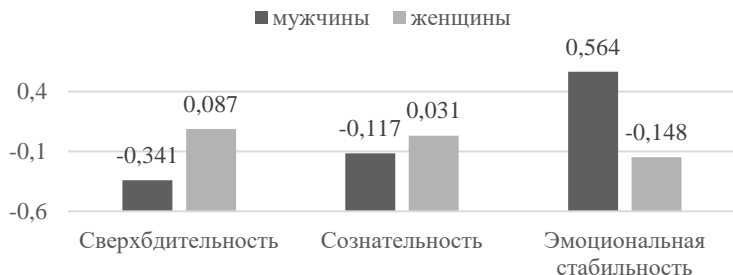

Рис. 1. Средние показатели сверхбдительности, сознательности и эмоциональной стабильности у мужчин и женщин (представлены в z-баллах).

Фактор *специализации* не выявил различий между совокупными группами, включавшими специалистов и студентов.

Различия по стадиям профессионального развития обнаружены для показателей *толерантности к неопределенности (ТН)*, *прокрастинации*, *сверхбдительности*, *сознательности* и *эмоциональной стабильности*; при этом у студентов выше ТН, склонностью к прокрастинации и сверхбдительность, но меньше сознательность и эмоциональная стабильность (см. Рис. 2).

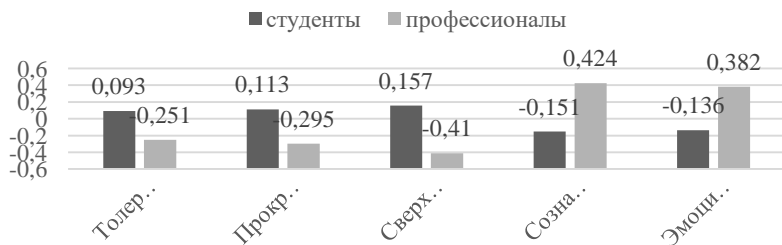

Рис. 2. Средние показатели ТН, прокрастинации, сверхбдительности, сознательности и эмоциональной стабильности у студентов и профессионалов (представлены в z-баллах).

На рисунке 3 отражены взаимодействия факторов стадии профессионального развития и специализации по показателям *готовности к риску*, *избегания* и *прокрастинации*.

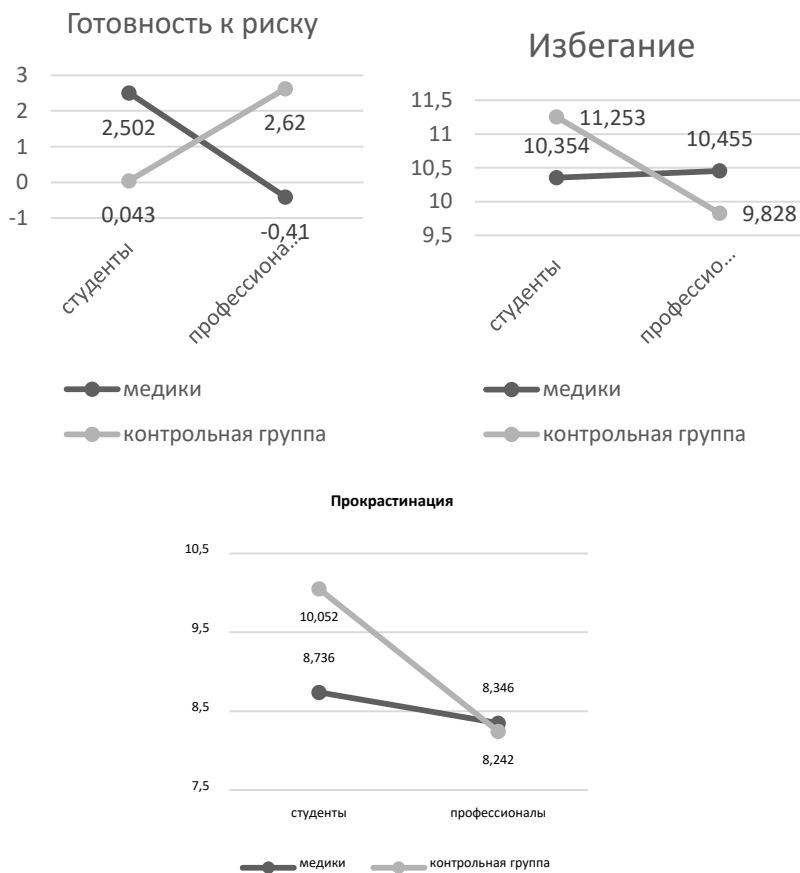

Рис. 3.

2. Различия по высоте измеренных личностных переменных

С использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок нами были установлены различия по высоте измеренных переменных в группах медиков.

Особенности профессионального развития медиков (по стадиям студенты-медики – врачи) проявились в значимых межгрупповых различиях (см. Табл. 3).

Таблица 3

Значимые различия в личностных переменных между студентами медицинских факультетов и практикующими врачами

	t	p	Врачи Среднее (SD)	Студенты-медики Среднее (SD)
Готовность к риску (ЛФР)	- 4.754	.000	-0.36 (3.145)	2.43 (4.052)
Бдительность (МОПР)	2.0 15	.046	16.37 (1.911)	15.68 (2.150)
Сверхбдительность (МОПР)	- 4.212	.000	8.14 (2.072)	9.57 (2.040)
Сознательность (ТИПИ)	2.6 11	.010	11.15 (2.333)	10.12 (2.463)
Эмоциональная стабильность (ТИПИ)	2.2 65	.025	8.78 (2.792)	7.77 (2.668)

Примечания. Оценка по критерию t-Стьюдента для независимых выборок, p – уровень значимости.

Как видно из табл. 3, практикующие врачи характеризуются значительно более высокими показателями *бдительности* при ПР (продуктивное совладание с неопределенностью), *сознательности* и *эмоциональной стабильности*, а также более низкими *готовностью к риску* и *сверхбдительностью* (Рис. 4).

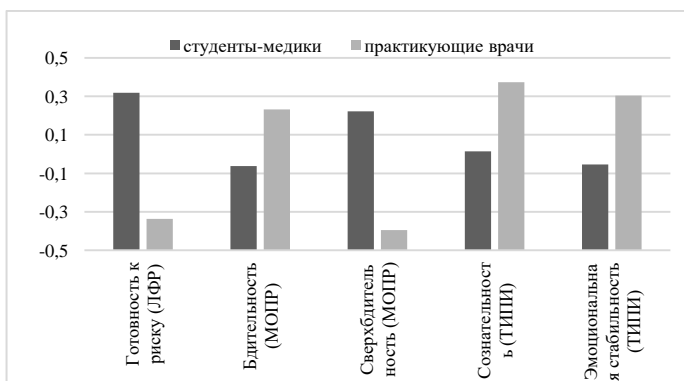

Рис. 4. Средние показатели значимо различающихся переменных в группах студентов-медиков и практикующих врачей (представлены в z-баллах).

3. Специфика связей между отношением к неопределенности, копингами и шкалами Большой пятерки в выборках медиков и не медиков

С использованием ρ -коэффициента Спирмена были установлены значимые связи между переменными, которые отличаются для выборок медиков и контрольной группы (см. табл. 4). В обеих группах *рациональность* положительно связана с *ИТН* и копингом *бдительность*, а *готовность к риску* – отрицательно с *избеганием*; однако медики не демонстрируют связей *готовности к риску* с остальными непродуктивными копингами и шкалами *толерантности/интолерантности к неопределенности*, полученными для контрольной группы.

Таблица 4
 Матрица интеркорреляций личностных переменных у представителей разных специальностей (под диагональю представлены данные медиков, над диагональю – контрольной совокупной группы)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. ЛФР Готовность к риску	1	-.357**	.189*	-.237**		-.366**	-.392**	-.286**	.422**	.172*			.422**
2. ЛФР Рациональность		-.329**	1	.184*	.515**				-.175*	.400**			
3. Толерантность к неопределенности (Баднер)			1						.227**				
4. Исходоангажность к неопределенности (Баднер)				1		.206**		.216**	-.231**				-.256**
5. Бдительность (МОПР)					1	-.161*	-.160*		.292**				.184**
6. Избегание (МОПР)		-.297**				1	.603**	.419**	-.322**	-.283**	-.265**	-.272**	
7. Прозрастность (МОПР)					-.173*	.472**	1	.469**	-.234**	-.433**	-.314**	-.325**	
8. Сверхбдительность (МОПР)				.191*		.300**	.309**	1	-.212**	-.250**	-.387**	-.263**	
9. Экстраверсия (ТИПИ)		.434**	-.223**	-.187*		-.179*			1				.323**
10. Согласие (ТИПИ)										1	.144*	.187**	
11. Сознательность (ТИПИ)					.291**	-.236**	-.297**				1	.321**	
12. Эмоциональная стабильность (ТИПИ)					.166*		-.377**			.229**		1	.143*
13. Открытость новому опыту (ТИПИ)		.242**					-.215**	-.236**	.195*	.083			1

Примечания. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; ρ - коэффициент корреляции Спирмена.

Интолерантность к неопределенности (ИТН) в обеих группах связана со *сверхбдительностью* (как неоправданному «метанию» между альтернативами), но только у лиц контрольной группы *ИТН* сопутствует *избеганию*. В обеих совокупных выборках высокая *готовность к риску* сопутствует повышению *экстраверсии* и *открытости опыту*, а повышение *рациональности* – снижению *экстраверсии* и повышению *сознательности*. При этом в группе медиков высокая *рациональность* сочетается с высокой *эмоциональной стабильностью*, а в контрольной *готовность к риску* сопутствует *согласию*. *Экстраверсия* отрицательно связана с *ИТН* в обеих выборках, но у врачей не наблюдается ее положительной связи с *ТН*, показанной на контрольной группе, а *ИТН* у врачей не связана с *открытостью опыту* (отрицательная связь в контрольной группе).

Наконец, медики демонстрируют меньшую интеграцию копингов с чертами Большой пятерки. У врачей *экстраверсия* сопровождается уменьшением *избегания*, тогда как в контрольной группе она отрицательно связана и с остальными непродуктивными копингами. *Сознательность* связана в контрольной группе со всеми копингами (у врачей повышение *сознательности* не ведет к уменьшению *сверхбдительности*), при этом повышение *сознательности* у врачей сопровождается уменьшением показателя *избегания*, а в контрольной группе – его увеличением.

Повышение сверхбдительности в обеих совокупных выборках сопутствует снижению *эмоциональной стабильности* и увеличению *открытости опыту* (повышение *открытости* в свою очередь сопутствует снижению *прокрастинации*). При этом продуктивный копинг *бдительность* у врачей положительно связан с *эмоциональной стабильностью*, а у лиц контрольной группы – с *открытостью опыту*.

Обсуждение результатов

Проведение дисперсионного анализа для межгрупповых сравнений свойств, отражающих отношение к неопределенности, умение справиться с нею, а также стабильных личностных черт, продемонстрировало, что различия связаны не с принадлежностью к выборкам медиков или не медиков, а с взаимодействием принадлежности к этим группам с этапом профессионализации (студенты – профессионалы).

Проведенный анализ показал, какие изменения претерпевает личностная сфера в процессе профессионализации медицинских специалистов. Нами были установлены различия в психологических профилях и связях между личностными переменными у практикующих врачей и студентов-медиков. Согласно полученным результатам, медики при переходе от студенческого этапа к стадии врачебной практики

становятся менее склонными к *прокрастинации*. При этом происходит смена непродуктивного копинга *прокрастинация* на продуктивный копинг *бдительность* как готовности к ожиданию ПР в любой момент.

Профессиональный рост (и взросление) сопровождается ростом *рациональности* (как показано при сравнении совокупных выборок студентов и профессионалов), а изменение в личностном профиле врачей включает снижение *готовности к риску*. Тот факт, что врачи ориентируются в большей степени на осторожность и отказ от риска, согласуется с результатами предыдущих исследований на другой выборке – азербайджанских врачей [10]. Ранее нами было показано, что самооценки рискованности, на которой фактически базируются показатели опросника ЛФР, строятся по разным критериям у представителей разных профессиональных и возрастных групп [23]. У врачей низкая *готовность к риску* может объясняться не только стремлением к максимально полной ориентировке и большей осторожности, которые формируются при принятии ответственности за здоровье других людей, но и в определенной степени особенностями их мотивационно-го профиля [14].

При этом *готовность к риску* у медиков (на совокупной выборке студентов и профессионалов) меньше интегрирована в связи с другими личностными свойствами; ее связи наблюдаются только с меньшим стремлением *избегания* принятия решения, а также с большей *экстраверсией* и *открытостью опыту*. У студентов же медицинских специализаций *готовность к риску* связана с другими личностными факторами: для них неспособность действовать в рискованных ситуациях сопутствует как *избеганию*, так и *сверхбдительности*, т.е. неоправданной смене целей и ориентиров («метаниям») в условиях неопределенности. Приведенные результаты свидетельствуют о значимости исследовательской задачи изучения имплицитных теорий риска, складывающихся в индивидуальном опыте у медицинских работников [см. 23].

Нами показано, что совокупная группа медиков (студенты медвуза и врачи) характеризуется более высокой *интолерантностью к неопределенности* по сравнению с совокупной контрольной группой, а различий по показателям отношения к неопределенности при сравнении групп студентов-медиков и практикующих врачей не обнаружено. Это позволяет отвергнуть первую гипотезу, согласно которой медики в большей мере принимают неопределенность и риск по сравнению с представителями контрольной группы.

Не обнаружено различий между студентами и врачами по показателям отношения *к неопределенности*, что не подтверждает результаты зарубежных авторов, настаивающих на том, что высокая *толерант-*

ность к неопределенности может выступать критерием отбора в медицинские специализации [1].

Тот факт, что лица старшего возраста (этап профессиональной деятельности) проявили более низкую *толерантность к неопределенности* в сравнении со студентами, что в целом совпадает с результатами других исследований [4], но требует внимания с точки зрения профессионального развития именно медицинских работников, в деятельности которых фактор неопределенности будет встречаться очень часто. При сравнении выборок студентов и преподавателей более высокие показатели ТН оказались именно у преподавателей [24]. Таким образом, сам по себе возраст не следует рассматривать в качестве регулирующего отношения к неопределенности.

Установленные различия в паттернах связей переменных для сравнимых выборок позволяют нам принять вторую гипотезу, согласно которой практикующие врачи имеют специфические иерархизации свойств интеллектуально-личностного потенциала.

Выводы

1. Различия в личностных профилях обследованных выборок медиков и не медиков обусловлены взаимодействием фактора профессиональной принадлежности с этапом профессионализации – студенты или практикующие специалисты.

2. В группах медиков наблюдается повышение *интолерантности к неопределенности* (по сравнению с совокупной контрольной группой).

3. При переходе от стадии студентов медицинского вуза к уровню практикующих врачей повышается субъективная *рациональность*, снижается *готовность к риску*, а непродуктивный копинг *прокрастинация* сменяется предпочтением продуктивного совладания с неопределенностью – *бдительностью*.

4. Различия между группами установлены не только для отдельных личностных свойств, но и в паттернах связей между переменными, что позволяет говорить о профессионально важных качествах врачей и их развитии (в аспекте реструктурирования этих связей).

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-06-00130а.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 17-06-00130a.

Литература

1. *Hillen M.A., Gutheil C.M., Strout, T.D.* Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare // *Social Science and Medicine*. 2017. № 180. P. 62–75.
2. *Bhise V., Rajan S.S., Sittig D.F., Morgan R.O., Chaudhary P., Singh H.* Defining and Measuring Diagnostic Uncertainty in Medicine: A Systematic Review // *Journal of General Internal Medicine*. 2018. V. 33. № 1. P. 103–115.
3. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010. 336 с.
4. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016. 334 с.
5. *Kim K., Lee Y.* Understanding uncertainty in medicine: concepts and implications in medical education // *Korean journal of medical education*. 2018. № 30. P. 181–188.
6. *Nevalainen M., Kuikka L., Sjoberg L.* Tolerance of uncertainty and fears of making mistakes among fifth-year medical students // *Family Medicine*. 2012. № 44. P. 240–246.
7. *Schor R., Pilpel D., Benbassat J.* Tolerance of uncertainty of medical students and practicing physicians // *Medical Care*. 2000. V. 38. № 3. P. 272–280.
8. *Donner-Banzhof N., Seidel J., Sikeler A.M.* The phenomenology of the diagnostic process: A primary-care based survey // *Medical Decision Making*. 2017. V. 37. № 1. P. 27–34.
9. *Perneger T.V., Agoritsas T.* Doctors and patients' susceptibility to framing bias: a randomized trial // *Journal of General Internal Medicine*. 2011. № 26. P. 1411–1417.
10. *Корнилова Т. В., Керимова С. Г.* Особенности личностных предпосылок принятия решений (на материале фрейминг-эффекта) у врачей и преподавателей // *Психология. Журнал Высшей Школы экономики*. 2018. Т. 15. № 1. С. 22–38.
11. *Корнилова Т. В., Павлова Е. М., Красавцева Ю. В., Разваляева А. Ю.* Связь фрейминг-эффекта с индивидуальными различиями у студентов-медиков и студентов-психологов // *Национальный психологический журнал*. 2017. Т. 28. № 4. С. 17–29.
12. *Blumenthal-Barby J., Krieger H.* Cognitive biases and heuristics in medical decision making: a critical review using a systematic search strategy // *Medical decision making: an international journal of the Society for Medical Decision Making*. 2015. V. 35. № 4. P. 539–557.
13. *Корнилова Т.В.* Диагностика мотивации и готовности к риску. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 231 с.
14. *Каменев И. И., Корнилова Т. В., Разваляева А. Ю.* Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) // *Вопросы психологии*. 2018. № 1. С. 127–137.
15. *Lievens F., Coetsier P., De Fruyt F., Maeseneer J.* Medical students' personality characteristics and academic performance: A five-factor model perspective // *Medical education*. 2002. № 36. P. 1050–1056.
16. *Кулагина Е. И., Корнилова Т. В.* Мотивация, рациональность и готовность к риску в личностном профиле риэлторов // *Вопросы психологии*. 2005. № 2. С. 105–117.
17. *Mullola S., Hakulinen C., Pousseau J., Ruiz de Porras D.G., Jokela M., Hintsala T., Elovainio M.* Personality Traits and Career Choices among Physicians in

Finland: Employment Sector, Clinical Patient Contact, Specialty and Change of Specialty // BMC Medical Education. 2018. V. 18. № 52.

18. Sharma A., Kashyap N. The Influence of the Big Five Personality Traits on Burnout in Medical Doctors // International Journal of Psychological Studied. 2017. V. 9. № 13.

19. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Апробация краткого опросника Большой пятерки (ТИПИ, КОБТ) // Психологические исследования. [Электронный ресурс]. 2016. Т. 9. № 46. <http://psystudy.ru> (дата обращения 08 мая 2019).

20. Sobal J., DeForge B.R. Reliability of Budner's intolerance of ambiguity scale in medical students // Psychological Reports. 1992. V. 71. № 1. P. 15–18.

21. Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. [Электронный ресурс]. 2013. Т. 6. № 31. <http://psystudy.ru> (дата обращения 08 мая 2019).

22. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92–110.

23. Богачева Н.В., Корнилова Т.В., Красавцева Ю.В. Связи самооценок, имплицитных теорий риска и личностной готовности к риску у медицинских работников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия "Психологические науки". 2017. № 4. С. 6–19.

24. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Группировки мотивационно-личностных свойств как регулятивные системы принятия решений // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 73–83.

References

1. Hillen, M.A., Gutheil, C.M., Strout, T.D. Tolerance of uncertainty: Conceptual analysis, integrative model, and implications for healthcare. *Social Science and Medicine*. 2017;180;62–75.

2. Bhise V., Rajan S.S., Sittig D.F., Morgan R.O., Chaudhary P., Singh H. Defining and Measuring Diagnostic Uncertainty in Medicine: A Systematic Review. *Journal of General Internal Medicine*. 2018;33(1);103–15.

3. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Kornilov S.A., Novikova M.A. *Psychology of uncertainty: the unity of person's intellectual and personal potential*. Moscow: Smysl Publ., 2010. 336 p. (in Russ.)

4. Kornilova T.V. *Intellectual and personal potential of a person under uncertainty and risk*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Pibl, 2016. 334 p. (in Russ.)

5. Kim K., Lee Y. Understanding uncertainty in medicine: concepts and implications in medical education. *Korean journal of medical education*. 2018;30;181–88.

6. Nevalainen M., Kuikka L., Sjoberg L. Tolerance of uncertainty and fears of making mistakes among fifth-year medical students. *Family Medicine*. 2012;44;240–46.

7. Schor R., Pilpel D., Benbassat J. Tolerance of uncertainty of medical students and practicing physicians. *Medical Care*. 2000;38(3);272–80.

8. Donner-Banzhof N., Seidel J., Sikeler A.M. The phenomenology of the diagnostic process: A primary-care based survey. *Medical Decision Making*. 2017;37(1);27–34.

9. Perneger T.V., Agoritsas T. Doctors and patients' susceptibility to framing bias: a randomized trial. *Journal of General Internal Medicine*. 2011;26;1411–17.

10. Kornilova T. V., Kerimova S. G. Special characteristics of personal decision making (based on the framing effect) in doctors and teachers. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly ekonomiki*. 2018;15(1):22–38. (in Russ)

11. Kornilova T. V., Pavlova E. M., Krasavtseva Yu. V., Razvalyaeva A. Yu. The connection between the framing effect and the individual differences among medical and psychology students. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2017;28(4);17–29. (in Russ)
12. Blumenthal-Barby J., Krieger H. Cognitive biases and heuristics in medical decision making: a critical review using a systematic search strategy. *Medical decision making: an international journal of the Society for Medical Decision Making*. 2015;35(4);539–57.
13. Kornilova T.V. *Diagnostika motivatsii i gotovnosti k risku*. Moscow: Izdatel'stvo Institut psikhologii RAN Pibl., 1997. 231 p. (in Russ.)
14. Kamenev I. I., Kornilova T. V., Razvalyaeva A. Yu. The connection between risk, motivation and self-regulation in decision making (on a sample of medical workers) *Voprosy psikhologii*. 2018;1;127–37. (in Russ.)
15. Lievens F., Coetsier P., De Fruyt F., Maeseneer J. Medical students' personality characteristics and academic performance: A five-factor model perspective. *Medical education*. 2002;36;1050–56.
16. Kulagina E. I., Kornilova T. V. Motivation, rationality and risk readiness in the personal profile of realtors. *Voprosy psikhologii*. 2005;2;105–17.
17. Mullola S., Hakulinen C., Presseau J., Ruiz de Porras D.G., Jokela M., Hintsala T., Elovainio M. Personality Traits and Career Choices among Physicians in Finland: Employment Sector, Clinical Patient Contact, Specialty and Change of Specialty. *BMC Medical Education*. 2018;18(52).
18. Sharma A., Kashyap N. The Influence of the Big Five Personality Traits on Burnout in Medical Doctors. *International Journal of Psychological Studies*. 2017;9(13).
19. Kornilova T.V., Chumakova M.A. The approbation of the Big Five brief questionnaire (TIPI, KOBT) *Psihologicheskie issledovaniya*. 2016 [data obrashcheniya 08 May 2019];9(46);5. URL: <http://psystudy.ru> (In Russ., abstr. in English)
20. Sobal J., DeForge B.R. Reliability of Budner's intolerance of ambiguity scale in medical students. *Psychological Reports*. 1992;71(1);15–8.
21. Kornilova T.V. The Melbourne decision-making questionnaire: Russian-language adaptation. *Psihologicheskie issledovaniya*. 2013 [data obrashcheniya 08 May 2019]; 6(31);4. URL: <http://psystudy.ru> (In Russ., abstr. in English)
22. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Scales of tolerance and intolerance for uncertainty in the modification of the S. Badner questionnaire. *Ekspiermental'naya psikhologiya*. 2014;1;92–110. (in Russ.)
23. Bogacheva N.V., Kornilova T.V., Krasavtseva Yu.V. The relationships of self-assessment, implicit theories of risk, and personal risk readiness in health care workers *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Psikhologicheskie nauki"*. 2017; 4;6–19. (in Russ.)
24. Kornilova T.V., Smirnov S.D. The motivational and personal characteristics grouping as regulatory decision-making systems *Voprosy psikhologii*. 2002; 6;73–83. (in Russ.)

Информация об авторах

Елизавета М. Павлова, кандидат психологических наук, инженер кафедры психологии образования и педагогики, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; pavlova.lisa@gmail.com

Татьяна В. Корнилова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; tvkornilova@mail.ru

Юлия В. Красавцева, аспирант кафедры общей психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; julia.k7@gmail.com

Наталья В. Богачева, кандидат психологических наук, доцент, Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Трубецкая, д.8, стр. 2; fil.fluppy@gmail.com

Information about the authors

Elizaveta M. Pavlova, Cand. Of Sci. (psychology), engineer, Department of Educational Psychology and Pedagogics, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, str. 5, Mokhovaya, Moscow, Russia, 125009; pavlova.lisa@gmail.com

Tatiana V. Kornilova, Dr. of Sci. (Psychology), Professor, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, str. 5, Mokhovaya, Moscow, Russia, 125009; tvkornilova@mail.ru

Yulia V. Krasavtseva, PhD student, Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11, str. 5, Mokhovaya, Moscow, Russia, 125009; julia.k7@gmail.com

Nataliya V. Bogacheva, Cand. Of Sci. (psychology), Associate Professor, I.M. Sechenov Moscow State Medicine University, Moscow, Russia; bld. 8-2 ul. Trubetskaya, Moscow, Russia, 119991; fil.fluppy@gmail.com

Авторские тексты как проявление интеллектуальных характеристик: поиск критериев

Татьяна А. Сысоева

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия, tatiana.sysoeva@mail.ru

Светлана В. Ярошевская

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия, yaroshevskaya@yandex.ru

Аннотация. Изучалось, как интеллект человека может проявляться в написанных им текстах и какие критерии читатели выделяют в качестве ключевых для оценки ума авторов, а также связаны ли используемые критерии с умственным развитием оценивающего. Испытуемых просили написать небольшое эссе по заданным правилам, а также ответить на вопрос, чем отличалось бы такое эссе, написанное менее умным человеком, и оценить по 11-балльной шкале, насколько отличался бы такой текст по пяти заранее сформулированным параметрам. Кроме того испытуемые заполняли тест умственного развития взрослых. Открытые ответы анализировались при помощи качественного контент-анализа. Выделенные группы высказываний – это критерии, которые испытуемые могут использовать при оценке ума автора текста. Часть критериев оказалась специфичной для выполняемого задания, другие же – вполне универсальными. Среди последних следующие: наличие ошибок в тексте, объем текста и отдельных предложений, простота текста и предложений, уровень аргументации, выбор темы, занимаемая по теме позиция, логичность изложения. Количественный анализ не показал связей названных критериев с умственным развитием.

Ключевые слова: социальная перцепция, умственное развитие, оценка ума, критерии оценки ума по тексту, имплицитные теории интеллекта

Для цитирования: Сысоева Т.А., Ярошевская С.В. Авторские тексты как проявление интеллектуальных характеристик: поиск критериев // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. № 2. С. 116-134. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-116-134

Original texts as a reflection of intelligence: searching for criteria

Tatiana A. Sysoeva

*Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
tatiana.sysoeva@mail.ru*

Svetlana V. Yaroshevskaya

*Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
yaroshevskaya@yandex.ru*

Abstract. The present study focuses on the ways one's intelligence can manifest itself in written texts, and what kinds of criteria (cues) readers identify as key for judging the intelligence of the authors, and whether the criteria used are related to evaluator's own intelligence. Participants were asked to write a small essay by given rules, and also to explain how such an essay would differ if it was written by a less intelligent person and evaluate on an 11-point scale the relevance of five differentiation parameters, proposed by experimenters. Participants also completed Adult Mental Development Test. Open answers were analyzed using qualitative content analysis. Some of revealed criteria turned out to be specific for the task, while others were quite broad based. Among the latter are: errors in the text, the length of the text and sentences, the simplicity of the text and sentences, the quality of reasoning, the choice of topic, the position taken on the topic, the logic and consistency. Quantitative analysis did not reveal any ties of criteria to participants' intelligence.

Keywords: social perception, intelligence, intelligence judgement, criteria for intelligence judgement from text, implicit theories of intelligence

For citation: Sysoeva TA., Yaroshevskaya SV. Original texts as a reflection of intelligence: searching for criteria. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019; 2:116-134. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-116-134

Исследования социальной перцепции (восприятия различных психологических особенностей одного человека другими) имеют длительную историю и находятся в связи с изучением таких тем, как стереотипизация и имплицитные теории о различных психологических характеристиках.

Вопросы, часто рассматривающиеся в этой области, таковы: каким образом человек (наблюдатель, оценщик) может делать выводы о

психологических особенностях другого (наблюдаемого) человека, какой информации о наблюдаемом для этого достаточно, какие условия необходимы для возможности таких выводов, а также – насколько точными бывают подобные оценки, чем различаются люди, дающие более и менее точные оценки, наличие какой информации повышает точность оценок и т. д.

Очевидно, что представления о психологических особенностях друзей и знакомых будут более точными, чем о незнакомых людях. Поэтому основной исследовательский интерес направлен именно на изучение социальной перцепции незнакомцев (*zero-acquaintance*): имеются ввиду быстрые поверхностные оценки встреченных впервые людей, способные, тем не менее, достаточно сильно влиять на дальнейшее взаимодействие с ними.

Чаще всего предметом научного интереса является восприятие различных личностных характеристик наблюдаемого, однако исследования восприятия уровня интеллекта наблюдающего также проводились (например, восприятие ума другого человека при наблюдении за его поведением в разных условиях) [1, 2].

С распространением интернета знакомства и встречи людей лицом к лицу часто стали сменяться онлайн-общением. Это привело к переключению внимания исследователей в данной области на изучение создания впечатлений о человеке по информации о нем, доступной в сети: это могут быть текстовые сообщения (например, электронные письма) [3], профили в социальных сетях (такие, как Фейсбук [4], ВКонтакте [5] и др.) и даже email-адреса [6].

В таких работах часто выявляются достаточные показатели точности восприятия различных факторов Большой пятерки, хотя более «считываемыми» могут оказаться иные черты. Так, в метаанализе, проведенном на 30 подобных исследованиях в 2014 году [7], показано, что минимальная точность восприятия характерна для нейротизма.

Часто при анализе на первое место выходит изучение содержания именно различной текстовой информации, а не полных профилей в соцсетях, где кроме этого доступна информация о друзьях и хобби, фотографии и т. п. Так, после прочтения эссе, написанных как поток сознания, читатели могут достаточно точно оценить все факторы Большой пятерки [8], а по содержанию выдержек из личного дневника или поста в онлайн-блоге – оценить выраженность субклинической депрессии [9].

Ученые продолжают исследования восприятия личностных особенностей наблюдаемого по информации такого рода, однако практически не занимаются изучением социальной перцепции умственного развития. А если такие данные и встречаются, то лишь в качестве дополни-

тельных исследуемых факторов. Так, например, в исследовании связи писательского стиля с точностью оценок личности и интеллекта наиболее точно «считывался» именно вербальный интеллект, а ключевыми для его считывания параметрами текста были такие стили, как экспрессивность и изысканность [10]. В другом исследовании, где использовался смешанный качественно-количественный дизайн, речь о параметрах текста, связанных с интеллектом, зашла у самих испытуемых [4]. Отвечая на вопрос о признаках, на которые они опирались при вынесении суждений о личности владельца профиля в социальной сети, они указывали, в частности, на то, насколько грамотно построены текстовые сообщения, что было проинтерпретировано участниками как параметр, важный для оценки Открытости опыту, которая традиционно оказывается связанной с интеллектом.

Часто такого рода исследования строятся по модели линзы Э. Брунsvика (lens model) [11]. Ее основные элементы – воспринимающий, воспринимаемый и те признаки, которые воспринимаемый должен корректно проявлять, а воспринимающий – корректно считывать для обеспечения наибольшей точности восприятия. Такие признаки обладают двумя основными характеристиками: валидностью, т. е. реальной связью с оцениваемой характеристикой, и степенью использования воспринимающим. Так, если валидный признак будет плохо считываться (использоваться) либо невалидный станет считываться хорошо, это не приведет к точному восприятию. Наиболее точное восприятие будет обеспечено, если хорошо считывается валидный признак.

При проведении подобного рода анализа исследователи обычно выбирают ключевые признаки на свое усмотрение. Мы же решили начать изучение особенностей восприятия ума человека по его текстам с того, чтобы выявить эти признаки эмпирически у самих «воспринимающих». Таким образом, основной целью нашей работы было выявление критериев (признаков), которые используются читателями для составления представления об уме автора текста.

Подобная постановка вопроса роднит нашу работу с изучением имплицитных теорий интеллекта в том виде, как она проводится в направлении, широко распространенном благодаря работам Р. Стернберга [12, 13], цель которых заключалась в выявлении содержательных представлений обычных людей об интеллекте. В нашем случае такие характеристики выявляются не применительно к интеллекту вообще, а применительно к его проявлениям в текстах, написанных более/ менее умными авторами.

Кроме того нас интересовало, существует ли связь используемых характеристик с умственным развитием самих оценивающих.

Методика

В исследовании приняли участие 48 человек (31 % мужчин) в возрасте от 18 до 38 лет ($M=26,44$, $SD=3,88$). Испытуемые рекрутировались среди людей, уже получивших образование (как минимум степень бакалавра) и работающих по различным специальностям, не связанным с психологией. Лишь два участника на момент проведения исследования еще не закончили обучение.

Испытуемым объяснялось, что целью исследования является изучение особенностей формулирования текстов, и кратко описывались виды заданий, которые им предстоит выполнить. Все согласившиеся на участие люди приезжали в назначенные даты и время в лабораторию, где проводилось исследование.

Всего испытуемым было предложено четыре задания.

1) На первом этапе работы они выполняли сокращенную форму теста умственного развития взрослых (ТУРВ) [14].

2) Далее испытуемых просили написать небольшое эссе на любую тему, но с использованием двух из заданных конструкций типа «я не люблю..., потому что», «имеет смысл..., потому что» и т. п. Целью данного задания было получение свободно сформулированных текстов, принадлежащих авторству людей с различным уровнем умственного развития. Эти тексты не анализируются в данной статье и будут использованы в качестве стимульного материала на следующих этапах исследования, однако формулирование текста само по себе, на наш взгляд, является хорошим вводным заданием для достижения двух следующих, ключевых для заявленных в этой работе целей.

3) После того, как текст был написан, испытуемые переходили к третьему заданию, которое формулировалось так: *«Опишите, чем бы отличался подобный текст, написанный менее умным человеком? Укажите как можно больше таких отличий»*. В этом задании мы хотели получить как можно больше признаков, которые, по мнению респондентов, могут иметь отношение к оценке ума автора по написанному им тексту. Мы не давали испытуемым примеров таких характеристик, а в случае возникновения вопросов по данному заданию поясняли, что эти признаки могут быть совершенно любыми. Мы не просили испытуемых описать свой собственный текст, а вводили именно элемент сравнения, т. к. это позволяет, на наш взгляд, сформулировать критерии более выпукло. Мы можем допустить, что при другой формулировке вопроса (описать отличия текста, написанного более умным человеком) полученный список критериев мог бы оказаться несколько иным, однако пилотажные исследования показали, что респондентам бывает сложно представить особенности текста «более умного человека» и такая формулировка могла бы спровоцировать большее количе-

ство отказов от ответа или «отшучиваний». В то же время, можно предположить, что сформулированные критерии относительно текста «менее умного человека» могут быть применимы к оценке ума автора текста вообще.

4) В последнем задании испытуемых просили оценить применимость сформулированных нами критериев к оценке текстов. Эти критерии были получены в предыдущем исследовании, проведенном с использованием другой процедуры [15]. Инструкция к заданию была следующей: *«Ниже перечислены некоторые параметры, по которым мог бы отличаться текст менее умного человека. Для каждого параметра обведите число от 0 до 10, где «0» означает, что утверждение, на ваш взгляд, неверно, а «10» – что параметр максимально верно отражает разницу в текстах различающихся по уму людей»*. Далее были приведены 5 высказываний со шкалами для оценки:

– *Текст, написанный менее умным человеком, оставлял бы другое эмоциональное впечатление*

– *Текст, написанный менее умным человеком, был бы написан на другую тему*

– *Из текста, написанного менее умным человеком, было бы видно, что автор менее развит как личность*

– *Смысл/ содержание сказанного был бы другим*

– *В тексте встречались бы грамматические ошибки*

– *Текст содержал бы логические нарушения/ разрывы/ нестыковки*

Инструкции ко всем заданиям были даны письменно на бланках (каждое задание печаталось на отдельной странице), а также дублировались устно и при необходимости дополнительно пояснялись. Работа испытуемых проходила в небольших группах в присутствии двух экспериментаторов. Тест выполнялся фронтально и синхронно: все одновременно начинали и заканчивали выполнение соответствующих субтестов. После этого испытуемым предлагался перерыв перед выполнением заданий, связанных с текстом, и над оставшимися заданиями каждый имел возможность работать в удобном для него темпе. В целом участие в исследовании занимало примерно 1,5-2 часа.

Результаты

Для обработки результатов применялся как количественный, так и качественный анализ.

Выявление критериев оценки интеллекта по текстам при помощи качественного анализа

На данный момент основным предметом нашего интереса является то, какие параметры текстов называют люди в качестве важных с точки зрения оценки ума их автора (т. е. в качестве таких, опираясь на

которые, можно было бы делать выводы об уме написавшего эти тексты человека). Поэтому на первом этапе анализа мы провели качественный контент-анализ ответов респондентов, данных ими в задании 3 (открытые ответы на вопрос «*Опишите, чем бы отличался подобный текст, написанный менее умным человеком?*»). Первые 6 испытуемых ответили на вопрос об отличиях текста менее умного человека в свободной форме, и результаты показали, что некоторые испытуемые не вполне корректно понимают задание, их ответы с трудом могут быть проанализированы с интересующей нас позиции, поэтому для всех остальных испытуемых в бланк была введена корректировка: после вопроса шли номера пунктов, приглашающие отвечающих формулировать и перечислять отдельные критерии вместо долгих описаний.

Из-за упомянутой сложности ответы двух испытуемых были исключены из этого этапа обработки данных, таким образом, описываемые результаты получены на выборке 46 человек. Все ответы были разделены на отдельные суждения (причем, если в одном пункте человек перечислял два признака через союз «и», это квалифицировалось нами как два разных утверждения). Всего было сформулировано 233 утверждения, 7 из которых были исключены из-за возможности неоднозначной трактовки или неясности высказанной мысли. Остальные 226 утверждений подверглись категоризации.

Сформулированные респондентами утверждения рассматривались нами как первичные коды в методологии многоуровневого кодирования, так что основной целью нашей категоризации была их группировка и обобщение. Процесс категоризации осуществлялся итеративно (с многократным прохождением по всему списку утверждений), новые коды (категории) вводились, если только в этом возникала необходимость, т. е. когда новое утверждение невозможно было отнести к уже имеющимся кодам. Получившийся список категорий пересматривался и обсуждался обоими проводившими кодирование исследователями до достижения консенсуса: в результате некоторые малонаполненные или вызывавшие споры коды удалялись, а отнесенные к ним высказывания перека테고ризывались.

В результате этой работы был получен список критериев, которые описываются испытуемыми, как проявляющиеся в текстах, написанных людьми с разным уровнем умственного развития. После завершения работы над «вторичными» кодами (критериями), была предпринята попытка их объединения в еще более общие категории (обобщенные критерии). Названия «вторичных» и «третичных» категорий приведены в таблице 1, а их подробное описание представлено далее в тексте.

Мы полагаем, что предлагаемая нами категоризация не единственно возможная, однако в качестве попытки скорее осуществить классификацию, нежели интерпретацию высказываний респондентов, такой набор категорий представляется нам хорошим решением. Для каждой категории также был подсчитан процент респондентов, которые назвали включенные в нее примеры.

Таблица 1

Обобщенные критерии, названные респондентами как параметры отличия текстов, авторы которых различаются по уму

	Название критерия	Обобщенное название критериев (если есть)
1	Ошибки (50 %)	Слабое владение языком (59 %)
2	Лексика (26 %)	
3	Длина текста (26 %)	Длина (35 %)
4	Длина предложений (11 %)	
5	Простота предложений (20 %)	Простота (41 %)
6	Простота текста (11 %)	
7	Художественная бедность (17 %)	
8	Оформление текста (7 %)	
9	Тема (30 %)	Тема и позиция (43 %)
10	Занимаемая позиция (17 %)	
11	Невнятность позиции (11 %)	Слабая рефлексия темы (33 %)
12	Глубина проникновения в тему (26 %)	
13	Логика изложения/ смысл (35 %)	
14	Аргументация (28 %)	
15	Композиция (структура текста) (28 %)	
16	Особенности следования инструкции (11 %)	
17	Эмоциональное впечатление (11 %)	
18	Отсутствие иронии (4 %)	Чрезмерная серьезность (15 %)
19	Категоричность (11 %)	
20	Спекуляции о психическом отражении автора (15 %)	
21	Отрицание различий (2 %)	

Примечание. В скобках указан процент испытуемых, упомянувших данный критерий (от N = 46)

1. Одна из наиболее встречающихся категорий – «*Ошибки*» (ее назвали 50 % респондентов). К ней относились упоминания об ошибках любого рода: синтаксических, грамматических, орфографических, пунктуационных и т. д. Примеры высказываний: «Грамматические, синтаксические, речевые ошибки», «Менее умный человек пренебрег бы запятыми». Здесь респонденты единодушны в том, что в тексте менее умного человека ошибок было бы больше.

2. Следующая категория – «*Лексика*» (26 % респондентов). В нее вошли указания на то, что в тексте менее умного человека не использовались бы сложные слова и термины, а лексика была бы более простой, скудной, возможно, содержащей блатные и ненормативные слова. Примеры высказываний: «Лексика бы была проще (как у Элочки-Людоечки)», «Тут, конечно, простая лексика использовалась, но определенно не было бы слов «высокопарный», «благотворно»».

Две перечисленные выше категории объединяются в более общую – «*Слабое владение языком*», т. к. каждая из них отсылает к мнению респондентов на проявляющиеся в тексте менее умного человека сложности, испытываемые им при оперировании языковыми элементами.

3. К категории «*Длина текста*» (26 %) относились утверждения о том, что текст менее умного человека отличался бы по длине: чаще всего указывалось, что текст был бы короче, однако встречались и ответы, что такой текст был бы длиннее либо просто отличным по длине в любую сторону. Примеры: «Текст ограничился бы парой абзацев (одним)», «Он мог быть слишком длинный».

4. В схожую с предыдущей категорию «*Длина предложений*» (11 %) внесены указания на длину отдельных предложений: они были бы короче либо чересчур длинными. Примеры: «Предложения могли бы быть короче», «Слишком длинные предложения».

Логичным видится объединение двух этих категорий в общий фактор «*Длина*»: в обоих случаях речь идет про то, что важным параметром оценки ума автора может быть либо длина самого текста, либо длина его составляющих (что, можно допустить, во многих случаях связано).

5. К категории «*Простота предложений*» (20 %) отнесены высказывания с указанием на то, что сформулированные менее умным человеком предложения были бы более простыми по структуре (либо же сложные предложения встречались реже). Примеры: «Было бы меньше сложных предложений», «Преобладание простых предложений». Испытуемые единогласно полагают, что менее умный человек испытывал бы проблемы с формулированием сложных конструкций.

6. В категорию «*Простота текста*» (11 %) вошли указания на то, что сам текст был бы более простым, как структурно, так и содержательно: использовались бы однотипные высказывания, отсутствовало бы развитие сюжета, текст был бы банальным. Примеры: «Упрощенное повествование», «Он был бы банальным».

7. В категории «*Художественная бедность*» (17 %) представлены указания на отсутствие художественных приемов (метафор, вводных конструкций, речевых оборотов) либо присутствие элементов, делающих текст менее «богатым» (однотипная лексика, тавтологии и т. п.). Примеры: «Отсутствие афоризмов, сравнений, метафор», «Не было бы аналогий».

8. В категорию «*Оформление текста*» (7 %) классифицировались высказывания о том, как текст оформлен. Здесь были обобщены различные высказывания, не касающиеся содержания и структуры текста как такового, а отсылающие к "внешним" элементам: отсутствие заголовка и членения на абзацы, обедненный арсенал знаков препинания. Примеры: «Отсутствовало бы абзацное членение», «Нет заголовка».

Описанные выше категории с 5-й по 8-ю объединяются в обобщающую «*Простота*», т. к. во всех случаях речь идет о том, что тексты разных по умственному развитию авторов могут различаться по сложности структуры и исполнения.

9. В категории «*Тема*» (30 %) собраны указания на то, что тема для текста была бы выбрана другая. Может подчеркиваться, что менее умные люди не интересуются изложенным либо что для рассуждения ими выбирались бы более простые и плоские темы. Примеры: «Я думаю, менее умный человек не стал бы рассуждать на эту тему, ему это было бы не интересно», «Более прикладная тематика». Таким образом, то, о чем пишет человек, может оказаться немаловажным для оценки его ума.

10. В категории «*Занимаемая позиция*» (17 %) собраны высказывания, связанные с тем, что в случае выбора той же темы для рассуждений менее умный человек придерживался бы противоположной по сравнению с испытуемым позиции. Примеры: «Мысль пытался бы донести этот человек абсолютно противоположную», «Вероятно, что менее образованные люди могут придерживаться других взглядов на равноправие. Поэтому сам смысл был бы другим».

Категории 9 и 10 можно обобщить, т. к. каждая из них указывает на важность не столько формальных, сколько содержательных аспектов написанного, что может быть связано с общностью интересов и взглядов на разные вопросы.

11. В категории «*Невнятность позиции*» (11 %) собраны высказывания о том, что в тексте не было бы внятно сформулированной идеи/ позиции. Примеры: «Невыраженность собственной позиции», «Не прозвучал бы четкий вывод».

12. К категории «*Глубина проникновения в тему*» (26 %) отнесены утверждения с указанием на то, что текст менее умного человека был бы более поверхностно проработан с точки зрения его содержания, т. е. тема не рассматривалась бы достаточно глубоко. Примеры: «Менее умный человек не смог бы описать проблему с такой глубиной и составить собственное суждение о вопросе», «В тексте не было бы представлено возможного решения проблемы».

Категории 11 и 12 обобщаются в одну - «*Слабая рефлексия темы*», т. к. в обоих случаях испытуемые говорят о том, что менее умный человек недостаточно владел бы материалом, о котором пишет, внятно и глубоко его изложить.

13. Категория «*Логика изложения/ смысл*» (35 %) обобщает указания на отсутствие логических связей между предложениями или внутри них. По мнению испытуемых, текст менее умного человека страдал бы бессвязностью, нелогичностью суждений, бессмысленностью. Примеры: «Смысл текста был бы не однозначен, мысли путаны», «Он бы мог противоречить сам себе».

14. Категория «*Аргументация*» (28 %) иллюстрирует указания на то, что утверждения в тексте менее умного человека не были бы аргументированными либо приводимые аргументы были бы слабыми. Примеры: «Не было бы объяснений своей точки зрения», «Более слабая аргументация или ее отсутствие».

15. В категории «*Композиция (структура текста)*» (28 %) присутствуют утверждения, указывающие на важность структуры текста: текст не следовал бы обычной для эссе структуре с введением, основной частью и заключением, был бы менее структурированным или неструктурированным, либо, наоборот, в тексте использовались бы клишированные конструкции. Примеры: «Отсутствие/ нарушение структуры текста (введение, основная часть, заключение)», «В нем не было бы заключения». Эта категория оказывается более узко применимой, т. к. прикладывается к текстам-эссе, которые писали сами испытуемые, и может не подходить к текстовым сообщениям другого рода.

16. Категория «*Особенности следования инструкции*» (11 %) обобщает высказывания о том, как менее умный человек следовал бы инструкции по формулированию текста: он следовал бы ей слишком буквально или, наоборот, испытывал бы сложности в следовании ей. Примеры: «Человек бы точно пошел ровно по списку конструкций в

таком же порядке, как они указаны», «Скорее всего, менее умному человеку было бы сложнее интегрировать требуемые фразы в связный текст». Эта категория, по сути, является специфичной для задания, которое выполняли испытуемые в нашем исследовании, и вряд ли применима в более широком контексте. Это не столько характеристика текста, сколько характеристика самого человека, трудностей, с которыми он бы столкнулся. Каким образом это могло бы отразиться в тексте, остается неясным.

17. В категории «*Эмоциональное впечатление*» (11 %) встречаются указания на целостное эмоциональное впечатление от текста: текст менее умного человека может быть чересчур эмоциональным, слишком скучным, оставлять более негативное или более позитивное впечатление. Примеры: «Он был бы чересчур эмоциональным», «Это было бы скучно читать». Это довольно субъективная характеристика, к тому же испытуемые, указавшие на важность этого аспекта, не единогласны в том, какое именно эмоциональное впечатление должно оставаться от текста менее умного человека.

18. Категория «*Отсутствие иронии*» (4 %) включает указания на отсутствие иронии менее умного автора по отношению к себе, слишком серьезное отношение к сказанному. Примеры: «Серьезное отношение к своим заслугам», «Тон был бы выбран более «серьезный», все факты преподносились бы с особой важностью».

19. В критерии «*Категоричность*» (11 %) обобщены высказывания о том, что позиция в тексте формулировалась бы чересчур категорично. Примеры: «Категоричное навязывание своего мнения», «Излишняя прямота».

Категории 18 и 19 можно обобщить как «Чрезмерная серьезность»: здесь подчеркивается прямолинейность человека и неотступность его от выбранной позиции, граничащая с ригидностью.

20. В категорию «*Спекуляции о психическом отражении автора*» (15 %) собраны указания на следствия «недостаточности ума» и знаний, что могло бы привести к неуточненным особенностям текста: человек бы не понимал каких-то тем, искажал реальность и т. п. Примеры: «Отсутствие понимания теории поколений», «Он бы выдавал желаемое за действительное». Здесь речь идет в большей степени о самом авторе, а не о написанном им тексте, и такой критерий вряд ли может быть применим к оценке текстов в целом.

21. Параметр «*Отрицание различий*» (2 %) нельзя назвать категорией как таковой. В эту «группу» отнесено высказывание лишь одного человека, уверенного, что по тексту, сродни написанному им в процессе исследования, нельзя сделать никаких выводов об уме его автора. Этот ответ включен в систему категорий для того, чтобы в кодировоч-

ную схему укладывались все ответы. Примечательным же является то, что такой взгляд оказался непопулярным в нашей выборке и в подавляющем большинстве люди склонны полагать, что ум может проявляться и проявляется в текстах.

Количественный анализ связей различных критериев оценки ума по текстам с интеллектом оценщика

Количественная часть обработки результатов состояла из двух частей. Во-первых, для каждой из выделенных нами в ходе качественного анализа категорий, которую упомянул минимум 25 % респондентов (т. е. выборки упомянувших и не упомянувших относительно сравнимы по количеству) были подсчитаны различия по умственному развитию (по критерию Манна-Уитни). Ни в одном случае значимых различий выявлено не было.

Во-вторых, мы проанализировали особенности ответов испытуемых, данных ими на 4-е задание (где их просили выставить балльную оценку по пригодности каждого из пяти сформулированных нами по результатам предыдущих исследований критериев).

Сначала мы попытались сравнить средние оценки, выставленные каждому параметру. Описательная статистика по оценкам параметров, а также методике ТУРВ представлена в таблице 2. Несмотря на то, что непараметрический аналог однофакторного дисперсионного анализа для связанных выборок (критерий Фридмана) показал существование значимых различий ($\chi^2 = 23,21$, $df = 5$, $p < 0,001$), из 15 попарных сравнений (по критерию Уилкоксона) лишь два дали значимые различия: испытуемые оценивали вероятность наличия грамматических ошибок в тексте выше по сравнению с формированием другого эмоционального впечатления ($z = -3,19$, $p < 0,0033$) и по сравнению с вероятностью обнаружения в тексте другого содержания ($z = -2,99$, $p < 0,0033$). Лишь два эти различия остаются значимыми после применения коррекции Бонферрони. Сравнение критерия наличия грамматических ошибок с критериями, имеющими отношение к личности и к теме высказывания, не достигают нужного в соответствии с коррекцией p -уровня ($z = -2,63$, $p = 0,008$ и $z = -2,41$, $p = 0,016$, соответственно), а оценка по показателю наличия логических ошибок не имеет тенденции различаться с оценкой по грамматическим ошибкам и в целом ведет себя схожим с ней образом (не достигая, однако, нужных значений p -уровня).

Таблица 2

Описательная статистика для ТУРВ и ответов на закрытые вопросы из задания 4, коэффициенты корреляции ответов с ТУРВ

Параметры	M in	M ax	Mean	S D	R
ТУРВ	3	9	70,02	1	

	0	8		5,84	
Текст, написанный менее умным человеком, оставлял бы другое эмоциональное впечатление	0	1 0	5,19	3, 11	- 0,39*
Текст, написанный менее умным человеком, был бы написан на другую тему	0	1 0	5,15	3, 89	0, 10
Из текста, написанного менее умным человеком, было бы видно, что автор менее развит как личность	0	1 0	5,69	2, 64	- 0,11
Смысл/ содержание сказанного был бы другим	0	1 0	5,35	3, 15	0, 03
В тексте встречались бы грамматические ошибки	0	1 0	7,00	2, 78	- 0,09
Текст содержал бы логические нарушения/ разрывы/ нестыковки	0	1 0	6,81	2, 89	0, 17

Примечания: Min – минимальное значение в выборке, Max – максимальное значение в выборке, Mean – среднее значение, SD – стандартное отклонение, R – коэффициент корреляции Спирмена (значимые на уровне 0,05 коэффициенты помечены *).

Для ответа на вопрос, связана ли вероятность ориентации на предложенные респондентам критерии с умственным развитием, были подсчитаны коэффициенты корреляции Спирмена (см. таблицу 2). Значимая связь обнаружена только для критерия эмоционального впечатления ($r = -0,39$, $p < 0,05$): испытуемые с более высокими умственными способностями предпочитают занижать значимость этого критерия при оценке текста.

Обсуждение

Главным результатом проведенного исследования является список критериев, которые могут использоваться людьми при оценке умственных способностей автора текста. Несмотря на то, что исследования социальной перцепции в условиях минимально доступной информации (ситуация, часто встречающаяся в современном мире при взаимодействии он-лайн), в частности, исключительно по текстовой информации, по отношению к восприятию личности довольно популярны в последнее время, применительно к оценке интеллекта они почти не проводятся. При этом легко предположить, что оценки такого рода все же делаются читателями. Нас интересовало, какие параметры текста могут учитываться людьми при вынесении суждений типа «автор данного текста умен/ глуп». В единственном исследова-

нии, где одним из изучаемых параметров социальной перцепции выступал вербальный интеллект [10] авторы рассматривали в качестве ключевых параметров вынесения суждений писательский стиль, выделив такие ключевые параметры самостоятельно. Мы же попытались получить сведения об этих параметрах (критериях) у самих оценщиков, потенциальных читателей, что представляется нам более экологически валидным способом. Таким образом, нам удалось выявить некоторые критерии, основанные на имплицитных представлениях людей о том, как ум отражается в текстах авторов.

Хотя часть выделенных категорий остается непригодной для анализа текстов «вообще», тем не менее, большинство из них вполне применимы к текстам разных категорий. Наиболее часто называемым критерием является наличие ошибок в тексте (речь идет об ошибках любого рода: лексических, орфографических, грамматических и т. п.). Другими важными критериями являются: объем текста и составляющих его предложений, а также общая простота текстов, выбранная для повествования тема и отношение к ней автора, достаточность проработки позиции автором, наличие и сила приводимых в подтверждение своих слов аргументов, логичность и осмысленность изложения и др.

Полученный нами набор критериев отчасти совпадает с тем, который был выявлен при использовании другой процедуры [15]: воспроизведенными оказались критерии наличия ошибок, логичности, выбранной тематики, общего эмоционального впечатления от текста. Это позволяет более обоснованно говорить о существовании некоторых имплицитных ожиданий от текстов, написанных людьми с разным уровнем умственного развития, и представлений о том, как умственные способности человека отражаются в тексте.

Перечисленные критерии назывались различным количеством респондентов, однако само по себе это не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть возможное предположение о том, что разные люди используют разный набор критериев при вынесении суждений об уме автора по тексту. Несомненно, требуются дополнительные исследования, однако мы склонны предполагать, что использование разных критериев на индивидуальном уровне может способствовать вынесению более или, наоборот, менее точных суждений.

Хотя использованная нами процедура не позволяла применять количественный анализ к этим данным (испытуемые могли предложить столько критериев, сколько считали нужным, а мы не пытались унифицировать формулируемые ответы), для случаев, где это было статистически допустимо, был применен и количественный анализ, в результате которого не было выявлено различий по умственному разви-

тию между упомянутыми и не упомянутыми соответствующие критерии. Это не вполне согласуется с результатами наших предыдущих исследований. В силу описанных особенностей процедуры такой результат может рассматриваться лишь как предварительный и требующий проверки в исследовании, специально сконструированном для проверки подобных гипотез.

Также мы понимаем, что сам по себе выбор таких критериев испытуемыми не гарантирует того, что именно их они используют в жизни. Поэтому проверка их реальной пригодности требует дополнительной исследовательской работы. Применимость критериев и эффективность их использования могут быть проверены при помощи экспериментальных схем: тексты можно модифицировать так, чтобы соответствующий параметр был или не был в них представлен, что позволит выяснить, как это способно отразиться на количестве баллов при оценке испытуемыми интеллекта и точности этой оценки.

Количественный анализ, проведенный по балльным оценкам, выставленным испытуемыми по уже сформулированным критериям, может рассматриваться как косвенное подтверждение обнаруженных при качественном анализе данных: испытуемые склонны отдавать больше предпочтений грамматической безошибочности текста и логике построения суждений в нем. Вероятно, эти критерии являются более важными и универсальными. Остальные предложенные критерии, включая содержательные, получали более разнородные оценки, что может свидетельствовать либо об их меньшей валидности для вынесения суждений, либо о необходимости более специфичных условий для их применения (что могло не найти отражения в предлагаемых испытуемым формулировках).

Что касается связи оценок по сформулированным заранее критериям и умственного развития, лишь один из критериев (другое эмоциональное впечатление от текста) оказался связан с баллами по тесту: этот критерий оценивался ниже теми, кто получил более высокие баллы. Это также частично воспроизводит полученные нами в предыдущих исследованиях данные. В целом же вопрос о связи предпочитаемых критериев с умственным развитием тех, кто их применяет, пока продолжает быть открытым и требующим дополнительных исследований.

Мы полагаем, что тема изучения впечатлений об умственных способностях незнакомого человека незаслуженно игнорируется исследователями. Оценивание ума человека по первым впечатлениям о нем (откуда бы они ни были получены), очевидно, происходит и имеет не меньше ценности, чем аналогичное оценивание личностных особенно-

стей. Наши результаты открывают новые перспективы для более детальной разработки этой темы.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-313-00103.

Acknowledgements

The study was supported by RFBR, project 18-313-00103.

Литература

1. *Reynolds Jr D.J., Gifford R.* The Sounds and Sights of Intelligence: A Lens Model Channel Analysis // Personality and social psychology bulletin. 2001. V. 27. P. 187-200. doi: 10.1177/0146167201272005
2. *Murphy N.A.* Appearing Smart: The Impression Management of Intelligence, Person Perception Accuracy, and Behavior in Social Interaction // Personality and social psychology bulletin. 2007. V. 33(3). P. 325-339. doi: 10.1177/0146167206294871
3. *Gill A.J., Oberlander J., Austin E.* Rating e-mail personality at zero acquaintance // Personality and Individual Differences. 2006. V. 40. P. 497-507. doi: 10.1016/j.jpaid.2005.06.027
4. *Darbyshire D., Kirk C., Wall H.J., Kaye L.K.* Don't Judge a (Face)Book by its Cover: Exploring judgement accuracy of others' personality on Facebook // Computers in Human Behavior. 2016. V. 58. P. 380-387. doi: 10.1016/j.chb.2016.01.021
5. *Белинская Е.П., Бронин И.Д.* Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // Социальная психология и общество. 2015. № 6(4). С. 91-108. doi:10.17759/sps.2015060407
6. *Back M.D., Schmukle S.C., Egloff B.* How extraverted is honey.bunny77@hotmail.de? Inferring personality from e-mail addresses // Journal of Research in Personality. 2009. V. 42. P. 1116-1122. doi: 10.1016/j.jrp.2008.02.001
7. *Tskhay K.O., Rule N.O.* Perceptions of personality in text-based media and OSN: A meta-analysis // Journal of Research in Personality. 2014. V. 49. P. 25-30. doi: 10.1016/j.jrp.2013.12.004
8. *Holleran S.E., Mehl M.R.* Let me read your mind: Personality judgments based on a person's natural stream of thought // Journal of Research in Personality. 2008. V. 42. P. 747-754. doi: 10.1016/j.jrp.2007.07.011
9. *Rodriguez A.J., Holleran S.E., Mehl M.R.* Reading between the lines: the lay assessment of subclinical depression from written self-descriptions // Journal of Personality. 2010. V. 78(2). P. 575-598. doi: 10.1111/j.1467-6494.2010.00627.x
10. *Kьfner A.C.P., Back M.D., Nestler S., Egloff B.* Tell me a story and I will tell you who you are! Lens model analyses of personality and creative writing // Journal of Research in Personality. 2010. V. 44. P. 427-435. doi: 10.1016/j.jrp.2010.05.003
11. *Brunswik E.* Perception and the representative design of experiments. Berkeley, CA: University of California Press, 1956. 155 С.
12. *Sternberg R. J.* Implicit Theories of Intelligence, Creativity, and Wisdom // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. V. 49(3). P. 607-627. doi: 10.1037/0022-3514.49.3.607

13. Sternberg R.J., Conway B.E., Ketron J.L., Bernstein M. People's conceptions of intelligence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. V. 41(1). P. 37–55. doi: 10.1037/0022-3514.41.1.37
14. Акимова М.К., Горбачева Е.И., Козлова В.Т., Ференс Н.А. Тест умственного развития взрослых (ТУРВ): методические рекомендации по работе с тестом. М.: 2007. 30 с.
15. Ярошевская С.В. Точность оценки ума окружающих в зависимости от уровня интеллекта оценивающего // *Вопросы психологии*. 2013. № 6. С. 69–76.

References

1. Reynolds Jr DJ., Gifford R. The Sounds and Sights of Intelligence: A Lens Model Channel Analysis // *Personality and social psychology bulletin*. 2001. V. 27. P. 187–200. doi: 10.1177/0146167201272005
2. Murphy NA. Appearing Smart: The Impression Management of Intelligence, Person Perception Accuracy, and Behavior in Social Interaction // *Personality and social psychology bulletin*. 2007. V. 33(3). P. 325–339. doi: 10.1177/0146167206294871
3. Gill AJ., Oberlander J., Austin E. Rating e-mail personality at zero acquaintance // *Personality and Individual Differences*. 2006. V. 40. P. 497–507. doi: 10.1016/j.paid.2005.06.027
4. Darbyshire D., Kirk C., Wall HJ., Kaye LK. Don't Judge a (Face)Book by its Cover: Exploring judgement accuracy of others' personality on Facebook // *Computers in Human Behavior*. 2016. V. 58. P. 380–387. doi: 10.1016/j.chb.2016.01.021
5. Belinskaya EP., Bronin ID. Accuracy of interpersonal perception in the conditions of indirect acquaintance in social networks // *Social psychology and society* 2015. № 6(4). P. 91–108. (In Russ.) doi:10.17759/sps.2015060407
6. Back MD., Schmukle SC., Egloff B. How extraverted is honey.bunny77@hotmail.de? Inferring personality from e-mail addresses // *Journal of Research in Personality*. 2009. V. 42. P. 1116–1122. doi: 10.1016/j.jrp.2008.02.001
7. Tskhay KO., Rule NO. Perceptions of personality in text-based media and OSN: A meta-analysis // *Journal of Research in Personality*. 2014. V. 49. P. 25–30. doi: 10.1016/j.jrp.2013.12.004
8. Holleran SE., Mehl MR. Let me read your mind: Personality judgments based on a person's natural stream of thought // *Journal of Research in Personality*. 2008. V. 42. P. 747–754. doi: 10.1016/j.jrp.2007.07.011
9. Rodriguez AJ., Holleran SE., Mehl MR. Reading between the lines: the lay assessment of subclinical depression from written self-descriptions // *Journal of Personality*. 2010. V. 78(2). P. 575–598. doi: 10.1111/j.1467-6494.2010.00627.x
10. Кьфнер А.С.Р., Back MD., Nestler S., Egloff B. Tell me a story and I will tell you who you are! Lens model analyses of personality and creative writing // *Journal of Research in Personality*. 2010. V. 44. P. 427–435. doi: 10.1016/j.jrp.2010.05.003
11. Brunswik E. Perception and the representative design of experiments. Berkeley, CA: University of California Press, 1956. 155 P.
12. Sternberg RJ. Implicit Theories of Intelligence, Creativity, and Wisdom // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1985. V. 49(3). P. 607–627. doi: 10.1037/0022-3514.49.3.607
13. Sternberg RJ., Conway BE., Ketron JL., Bernstein M. People's conceptions of intelligence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. V. 41(1). P. 37–55. doi: 10.1037/0022-3514.41.1.37

14. Akimova MK., Gorbacheva EI., Kozlova VT., Ferens NA. Adult Mental Development Test: guidelines for working with the test. Moscow: Publ.; 2007. 30 p. (In Russ.)

15. Yaroshevskaya SV. The accuracy of other's intelligence judgement and intelligence of evaluator // *Questions of psychology* 2013; 6: 69–76. (In Russ.)

Информация об авторах

Татьяна А. Сысоева, кандидат психологических наук, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, с. 4; *tatiana.sysoeva@mail.ru*

Светлана В. Ярошевская, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, с. 4; *yaroshevskaya@yandex.ru*

Information about the authors

Tatiana S. Sysoeva, Cand. of Sci. (Psychology), Psychological institute Russian academy of education, Moscow, Russia; bld. Mokhovaya str., 9-4, Moscow, Russia, 125009; *tatiana.sysoeva@mail.ru*

Svetlana V. Yaroshevskaya, Psychological institute Russian academy of education, Moscow, Russia; bld. Mokhovaya str., 9-4, Moscow, Russia, 125009; *yaroshevskaya@yandex.ru*

Игра как фактор формирования идентичности в изменяющемся мире

Оксана В. Гавриченко

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия, Oksana-danshina@rambler.ru*

Аннотация. В настоящее время многими исследователями отмечается наличие кризиса в развитии игровой деятельности дошкольников. Его причину связывают с расширением цифрового пространства для детей этого возраста и появлению в их субкультуре различного типа электронных устройств. Это приводит к распаду сюжетно-ролевой игры, стереотипизации игр и снижению игровой инициативы детей. На наш взгляд, преодоление этого кризиса в старшем дошкольном возрасте возможно при целенаправленном формировании навыков сюжетно-ролевой игры путем создания определенных условий. Выявлено, что современные дошкольники хорошо ориентируются в персонажах компьютерных игр, но в то же время плохо знакомы с русским фольклором и мало времени уделяют сюжетно-ролевым играм. Проведенная нами программа психолого-педагогических мероприятий по развитию сюжетно-ролевой игры дала положительные результаты: дети начали самостоятельно придумывать сюжеты и распределять роли, игры у старших дошкольников стали содержательнее и продолжительнее, в игре появились устойчивые образы литературных и фольклорных персонажей, а влияние компьютерных и мультипликационных образов снизилось.

Ключевые слова: субкультура; игровая деятельность; психолого-педагогические приемы; компьютерные технологии; электронные устройства; развитие сюжетно-ролевой игры

Для цитирования: Гавриченко О.В. Игра как фактор формирования идентичности в изменяющемся мире // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019.№2. С. 135–143. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-135-143

The game as a factor in the formation of identity in a changing world

Oksana V. Gavrichenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Oksana-danshina@rambler.ru*

Abstract. At present, there is a crisis in the development of gaming activities of preschoolers, which is associated with the expansion of the digital space of preschoolers and the emergence in the children's subculture of various types of electronic devices. This leads to the disintegration of the role-playing game. Overcoming this crisis is possible by purposefully shaping the skills of a role-playing game in the senior preschool age with the creation of certain conditions. It is revealed that modern preschoolers are well-versed in the characters of computer games and are not familiar with Russian folklore, they spend little time on role-playing games. The program of psychological and pedagogical activities for the development of the role-playing game gave positive results, the children began to invent the plot and distribute roles independently, the games for older preschoolers became more meaningful and longer.

Keywords: subculture; gaming activities; psychological and pedagogical techniques; Computer technologies; electronic devices; role-playing game development

For citation: Gvrichenko OV. The game as a factor in the formation of identity in a changing world. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019; 2:135-143. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-135-143

Введение

В последние десятилетия в современной детской субкультуре произошли серьёзные изменения, которые оказывают воздействие на развитие сюжетно-ролевой игры у детей старшего дошкольного возраста. Т.Д. Марцинковская обращает внимание на то, что термин «субкультура» в наше время становится всё более популярным, но единого подхода к анализу конкретного содержания данного термина не существует. В значительной мере это связано с тем, что субкультура по определению является междисциплинарным понятием, сущность которого, естественно, различается в разных науках – философии, культурологии, социологии и психологии [1].

Под детской субкультурой мы понимаем совокупность особенностей поведения, форм общения, способов деятельности самих детей, а также социокультурные инварианты, зафиксированные в детском языке, мышлении, игровых действиях, фольклоре [2].

Исследования последних лет социологов, психологов и педагогов показывают, что развитие информационного пространства, появление новых электронных средств коммуникации и различных электронных устройств (компьютеров, гаджетов: планшетов, смартфонов и т.д.) вытесняют из детской субкультуры привычные сюжетно-ролевые игры.

В современной детской субкультуре все более присутствует цифровая среда, в которую входят телевидение, Интернет, компьютерные сети или компьютерные игры. С появлением такой цифровой среды мы можем говорить о «докомпьютерном» и «компьютерном» поколениях детей [3].

В ходе исследования Е.О. Смирновой было обнаружено, что компьютерные технологии оказывают определенное влияние на формирование личности ребенка, а это, в свою очередь, отражается на формировании современной субкультуры детства [4].

Интернет и компьютерное пространство становятся для детей заменой реального взаимодействия со сверстниками. Это провоцирует глобальное изменение системы социальных связей, установок, ценностей, отражающихся на психическом развитии каждого конкретного ребенка и детского сообщества в целом.

Основной формой детской субкультуры является игра, роль которой трудно переоценить. Д.Б. Эльконин, на протяжении многих лет изучавший значение игры для развития ребёнка, подчеркивает: «Игра в дошкольном возрасте особенно чувствительна к сфере человеческой деятельности и межличностных отношений. Основным содержанием игры является человек, его деятельность и отношения взрослых друг к другу. И в силу этого игра есть форма ориентации в задачах и мотивах человеческой деятельности» [5 с.10]. За последние годы у старших дошкольников произошло колоссальное обеднение культуры сюжетно-ролевой игры. Если раньше дети играли вместе, а игры и другие атрибуты детства передавались из поколения в поколение, то сейчас ребенок чаще общается не со сверстниками, а с техническими устройствами и всевозможными гаджетами, и они успешно заменяют детям реальные игры, что негативно сказывается на их психическом развитии. Именно поэтому в условиях современной субкультуры развитие сюжетно-ролевой игры является одной из главных задач педагогов ДОО и родителей дошкольников.

Исследование особенностей сюжетно-ролевой игры у дошкольников

Цель исследования: изучить особенности и условия формирования навыков сюжетно-ролевой игры в современной субкультуре детей старшего дошкольного возраста.

Объект исследования: игровая деятельность в детской субкультуре.

Предмет исследования: сюжетно-ролевая игра как структурный компонент субкультуры детства.

Гипотеза исследования: преодоление кризиса современной игровой культуры, характеризующегося распадом сюжетно-ролевой иг-

ры, стереотипизацией игр и снижением игровой инициативы детей, возможно при целенаправленном формировании навыков сюжетно-ролевой игры в старшем дошкольном возрасте, чему служат следующие условия:

– построение системы мероприятий, направленных на обогащение сюжетно-ролевой игры детей;

– организация просвещения родителей по вопросам возрастающего влияния СМИ и компьютера на сознание, поведение и игровую деятельность детей;

– повышение компетентности воспитателей в сфере возможных способов активизации игровой инициативы детей.

Цель, объект, предмет и сформулированная гипотеза позволили определить *задачи* исследования:

1. Выявить условия развития навыков сюжетно-ролевой игры у детей старшего дошкольного возраста в практике дошкольного образования;

2. Разработать и реализовать комплекс психолого-педагогических мероприятий, направленных на формирование навыков сюжетно-ролевой игры в старшем дошкольном возрасте.

Методики: исследование особенностей сюжетно-ролевой игры с помощью схемы наблюдения за игрой Д.Б. Эльконина; рисуночный тест «Свободный рисунок»; анкетирование родителей «В какие игры играет Ваш ребенок?»; опрос детей «Что ты знаешь о компьютере?».

Выборка: 40 детей старшего дошкольного возраста. Экспериментальной базой являлось ГБОУ Гимназия № 201 ДО 2410. Также в исследование принимали участия воспитатели детского сада – 4 человека; родители детей – 40 человек (как правило, это были мамы дошкольников, участвовавших в исследовании).

Исследование проводилось в два этапа: констатирующий и формирующий этап.

В процессе констатирующего этапа осуществлялось наблюдение за особенностями сюжетно-ролевой игры дошкольников (по схеме Д.Б. Эльконина). Предлагаемая схема позволяет осуществить как качественный, так и количественный анализ уровня сформированности игровых навыков у дошкольников.

Для изучения уровня сформированности игровых навыков у дошкольников организовывалась ролевая игра под названием «Путешествие», она давала возможность включать в сюжет игры самые разные роли. Взрослый не вмешивался в процесс игры,

оказывая минимальную помощь и только в случае необходимости. Анализ игровой деятельности осуществлялся по 7 критериям: распределение ролей, основное содержание игры, ролевое поведение, игровые действия, использование атрибутики и предметов-заместителей, использование ролевой речи, выполнение правил. Каждый критерий оценивался по 4 уровням. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Уровень сформированности навыков сюжетно-ролевой игры детей старшего дошкольного возраста (констатирующий этап эксперимента)

Группа	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Экспериментальная	11 %	56 %	33 %
Контрольная	17 %	61 %	22 %

В ходе наблюдения было установлено, что сюжеты игры были однообразны и стереотипны по содержанию, дети в рамках заданной темы ограничивались привычными ролевыми действиями и взаимодействиями. При распределении ролей дети обращались к воспитателю, не могли самостоятельно установить ролевые позиции. Ребята не только не моделировали новые сюжетные идеи, но не всегда подхватывали идеи других. Развертывались, в основном, привычные сюжеты (небольшой круг тематики). В ходе игры дети испытывали сложности в определении и соблюдении правил. Как основную тенденцию следует отметить – недостаточность тематической составляющей, бедность сюжетной линии. Таким образом, навыки сюжетно-ролевой игры в группах дошкольников были сформированы на среднем и ниже среднего уровне.

Анализ проблемы детской субкультуры в нашем исследовании оказался тесно связан с отображением субкультуры в детском творчестве. Свободная изобразительная деятельность детей отражает визуальную картину мира, раскрывает как представления ребенка об окружающем пространстве, так и отношение к нему. В рамках исследования детям предоставлялся выбор технических материалов для реализации свободного замысла. Им предлагались фломастеры, цветные карандаши, краски, пастель. Полученные в результате проведения тестирования рисунки детей были дифференцированы в соответствии с классификацией Г. Рида.

Анализ рисунков позволил выделить три условных уровня, отражающих влияние компьютерных и мультипликационных образов на субкультуру старшего дошкольника:

- низкий уровень – преобладание в рисунках детей фантазийной тематики на основе современных мультобразов; - средний уровень – сочетание современных мультобразов с изображением сказочных и реалистичных сюжетов; - высокий уровень – изображение сюжетов литературных произведений, событий повседневной жизни, сюжетов, созданных собственной фантазией. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Уровень влияние компьютерных и мультипликационных образов на субкультуру старшего дошкольника (констатирующий этап эксперимента)

Группа	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Экспериментальная	56 %	33 %	11 %
Контрольная	61 %	22 %	17 %

В процессе анализа (отнесения изображений к определенному виду) выяснилось, что отсутствуют изображения, которые можно отнести лишь к одному виду: прослеживалось комбинирование детьми разного вида рисунков. Кроме того, некоторые виды рисунков (гаптический, декоративный, эмфатический, структурный) вообще отсутствовали в данной выборке. Доминирующим видом свободного рисунка у детей старшего дошкольного возраста являлся имажинарный рисунок. С нашей точки зрения, именно имажинарный рисунок, особенно с заимствованными персонажами, характеризует субкультурный пласт в общем объеме детских изображений.

В ходе проведения формирующего этапа исследования была создана дополнительная программа педагогических методов и приёмов формирования навыков сюжетно-ролевой игры у старших дошкольников., основанная на методе комплексного руководства игрой, предложенном Е.В. Зворыгиной и С.Л. Новоселовой [6].

Всю программу условно можно разделить на четыре блока: развивающая предметно-игровая среда; обогащение детей знаниями и опытом деятельности; передача игровой культуры ребенку; активизация проблемного общения с детьми.

После проведения формирующего эксперимента, направленного на формирование навыков сюжетно-ролевой игры у детей старшего дошкольного возраста, было организовано повторное наблюдение за игровой деятельностью в группах дошкольников а также заново получены результаты по материалам свободных рисунков детей.

Результаты экспериментальной группы сопоставлялись с результатами контрольной

По результатам исследования, проведенного совместно с А.В. Федоренко, можно сделать следующие *выводы*:

- сюжетно-ролевая игра в изменяющемся мире способствует формированию идентичности у детей старшего дошкольного возраста. Развитие игровой деятельности и выявление философско-культурологической специфики традиционных детских игр ведет к обогащению современной детской субкультуры. Игра расширяет возможности ребенка в процессе его взаимодействия с окружающим пространством и снижает влияние на формирующуюся психику модных массмедийных и компьютерных технологий, которыми изобилует современная детская субкультура;

- данные опроса детей и анкетирование их родителей показали, что в современной детской субкультуре увеличилось влияние СМИ, информационных и компьютерных технологий на детей старшего дошкольного возраста. Дети хорошо ориентируются в персонажах компьютерных игр и одновременно плохо знакомы с русским фольклором, мало времени уделяют сюжетно-ролевым играм;

- проведенная программа психолого-педагогических мероприятий, направленная на преодоление кризиса современной игровой культуры, продемонстрировала положительные результаты. Дети стали более активно использовать сюжетно-ролевые игры во время нахождения в ДОО, начали самостоятельно придумывать сюжеты игр и распределять между собой роли, игры у старших дошкольников приобрели иное содержание, увеличилась их продолжительность;

- обогащение сюжетно-ролевой игры способствует развитию устойчивых познавательных интересов у старших дошкольников и расширению их представлений об окружающей действительности. После проведения программы, направленной на формирование сюжетно-ролевой игры у детей старшего дошкольного возраста, уровень сформированности игровых навыков у детей в экспериментальной группе составил 67%, что на 56% выше этого показателя на констатирующем этапе;

- сравнительный анализ уровня влияния компьютерных и мультипликационных образов, присутствующих в жизни современного дошкольника, после формирующего этапа исследования снизился на 28%;

- после проведения комплекса психолого-педагогических мероприятий, направленных на развитие сюжетно-ролевой игры у детей, участвующих в исследовании, игровая деятельность стала более творческой, в ней появились устойчивые образы литературных и фольклорных персонажей;

- повышение психолого-педагогической компетенции родителей в сфере влияния различных информационных и компьютерных

технологий на детскую субкультуру после проведения формирующего этапа работы также дало положительные результаты. При выборе компьютерных игр и программ для своих детей родители стали больше внимания уделять характеристикам и педагогической направленности этих развлечений;

- программа по развитию игровой деятельности способствовала изменению отношения детей к компьютерной технике и различным гаджетам. Дети стали обращать внимание на обучающую и информационную функции компьютерных технологий.

Благодарности

Статья выполнена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Идентичность в повседневном изменяющемся мире» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»)

Acknowledgements

The work was prepared in the frame of scientific RSUH project "Identity in the everyday changing world" (contest "Project research teams of the RSUH")

Литература

1. Марцинковская Т.Д. Психология субкультуры // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. М.: №4. С. 114–124.
2. Майорова-Шеглова С.Н. Детская субкультура — неинституционализированный сектор детства // Мир детства: история, культура, образование. [Электронный ресурс]. URL: <http://mirdetstva-kio.ru> (дата обращения 9 апреля 2019).
3. Шукова Г.В. Интенсивность цифрового опыта и возрастные особенности когнитивных процессов // Психологические исследования. [Электронный ресурс]. 2013. Т. 6. №7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 10 апреля 2019).
4. Смирнова Е.О. Современная детская субкультура // Консультативная психология и психотерапия. [Электронный ресурс.] 2015. №4. С. 25-35. URL: <http://psyjournals.ru> (дата обращения 9 апреля 2019).
5. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Владос, 1999. 226 с.
6. Игра дошкольника (под ред. С.Л. Новоселовой). М.: Просвещение, 1989. 286 с.

References

1. Martsinkovskaya TD. Subculture psychology. Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation. Moscow: Publ.; 2014. №4 P. 144-124. (in Russ.)
2. Mayorova-Shcheglova SN. Children's subculture - non-institutionalized sector of childhood. World of childhood: history, culture, education. [Internet]. [data obrashcheniya 9 April 2019]. URL: <http://mirdetstva-kio.ru> (in Russ.)
3. Shukova GV. The intensity of digital experience and age-related features of cognitive processes. [Internet]. Psihologicheskie issledovaniya. 2013 [data obrashcheniya 10 April 2019]. 27. URL: <http://psystudy.ru> (in Russ.)
4. Smirnova EO. Modern children's subculture . [Internet]. Consultative psychology and psychotherapy. 2015. [data obrashcheniya 9 April 2019]. №4. P. 25-35. (in Russ.)

5. Elkonin DV. Psychology of the game. Moscow: Vlado Publ.; 1999. 226 p. (in Russ.)
6. Game of the preschool child (edited by SL. Novoselova). Moscow: Enlightenment Publ.; 1989. 286 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Оксана В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993 Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; Oksana-danshina@rambler.ru

Information about the author

Oksana V. Gavrichenko, Cand. Of Sci. (psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Oksana-danshina@rambler.ru

Работы молодых ученых

УДК 159.9.

DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-144-166

Феномен переживания «второй молодости» в пожилом возрасте: анализ автобиографических источников

Антон С. Новиков

*Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
В.Новгород, Россия, antnovik777@gmail.com*

Аннотация. В статье представлена методика изучения автобиографических текстов пожилых людей, сохранявших высокую профессиональную продуктивность. Сформулированы критерии отбора источников, выделены шесть основных параметров анализа текстов: описание изменений физического состояния, переживание «второй молодости», продолжение профессиональной деятельности, осмысление опыта прожитых лет, подготовка к смерти и изменение социального статуса. В каждом параметре выделены частные характеристики. Всего получено 24 характеристики, позволяющих описывать индивидуальные траектории восприятия собственного старения. Методика применена на шести автобиографических источниках, представлен подробный анализ каждого из них. Получены выводы, раскрывающие как общие тенденции, так и индивидуальные стратегии восприятия старости людьми, сохранявшими высокую профессиональную продуктивность. Установлено, что на рубеже 55 лет у пожилого человека может возникнуть переживание "второй молодости", которое проявляется в открытии им для себя иных возможностей, нового этапа собственной жизни.

Ключевые слова: пожилой возраст, психологический витаукт, восприятие старения, автобиографические тексты, "вторая молодость"

Для цитирования: Новиков А.С. Феномен переживания «второй молодости» в пожилом возрасте: анализ автобиографических источников // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №2. С. 144-166. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-144-166

Phenomenon of the "second youth" experience in old age: analysis of autobiographical sources

Anton S. Novikov

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great, Russia,
antnovik777@gmail.com*

Abstract. A method for studying the autobiographical texts of older people who have maintained high professional productivity is presented in the article. Criteria for the selection of sources are formulated, six main parameters of text analysis are highlighted: description of changes in physical condition, experience of the "second youth", continuation of professional activity, comprehension of the experience of past years, preparation for death and change of social status. In each parameter, particular characteristics are highlighted. A total of 24 characteristics of the analysis were obtained, allowing to describe individual trajectories of the perception of self-aging. The technique is applied on six autobiographical sources; a detailed analysis of each of them is presented. Conclusions have been obtained that reveal both general trends and individual strategies for the perception of old age by people who have maintained high professional productivity. It has been established that at the turn of 55 years, an elderly person may go through the experience of a "second youth", which is manifested in the discovery by a person of new opportunities, a new stage in his own life.

Keywords: elderly age, psychological vitality, perception of aging, autobiographical texts, "second youth"

For citation: Novikov AS. Phenomenon of the "second youth" experience in old age: analysis of autobiographical sources. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series.* 2019; 2:144-166. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-144-166

Введение

В течение последних десятилетий в России происходят масштабные изменения демографической ситуации. Одно из них - изменение возрастного состава населения. В таблице 1 приведены подтверждающие это данные федеральной службы государственной статистики [1-3].

Таблица 1

Изменение показателей возрастного состава населения Российской Федерации

Показатель	2010	2018
Количество жителей в возрасте 65 и более лет	12,9%	14,6%
Количество жителей пенсионного возраста	30,7 млн. человек (каждый пятый)	37,4 млн. человек (каждый четвертый)

Разность между числом детей и подростков и числом людей старше трудоспособного возраста	7,9 млн. человек	10,1 млн. человек
Перевес людей старшего возраста в субъектах федерации	В 62 субъектах	В 70 субъектах (данные 2017 года)

Исходя из международных критериев, население России относится к старому (доля людей в возрасте 65 лет и старше во всем населении превышает 7%).

Прогноз федеральной службы государственной статистики предполагает дальнейшее усиление данной демографической тенденции [4].

Однако эта тенденция наблюдается не только в России, она характерна для многих стран Европы и Северной Америки.

Подобные демографические сдвиги позволяют в ближайшем времени ожидать крупных социальных изменений и даже потрясений, для разрешения которых потребуется тщательное изучение возможностей и специальных средств сохранения профессиональной продуктивности людей в старшем и пожилом возрасте.

Делая смелый прогноз, можно предположить, что подобно тому, как на рубеже 18-19 века в этапах развития личности выделился подростковый возраст, в будущем к концу 21-го века нас ждет появление нового возрастного периода, но уже в жизни пожилых людей.

В связи с этим в науке всё более актуализируется тема психологии пожилого возраста. Один из главных аспектов этой темы - профессиональная продуктивность при старении.

Исследователи отмечают, что этап старения отличается расплывчатостью границ и ярко выраженной вариативностью, индивидуальностью протекания [5,6]. В научный оборот введены понятия дивергентного и конвергентного типа старения [7], но и приведенные понятия развиваются, внутри них ученые выделяют особые подтипы [8]. Также разрабатывается понятие позитивного, успешного старения [6].

При этом в фокусе исследования, как правило, находятся личностные и поведенческие характеристики пожилых людей. Значительную роль в том, как протекает данный период, играет восприятие самим человеком своего старения, как он реагирует на происходящие с ним изменения, какую жизненную стратегию выбирает. Именно такого рода сложный процесс обуславливает повышенный исследовательский интерес к внутреннему миру пожилых людей, их мыслям и переживаниям. Особенно в тех ситуациях, когда человек длительное время сохраняет профессиональную продуктивность.

Одним из источников изучения данных переживаний могут служить автобиографические тексты. Они отличаются неформальным

характером и отсутствием жесткой структуры, отражают индивидуальность проживания человеком своей старости, причем дают возможность увидеть это со стороны его внутреннего мира, его субъективных переживаний.

В рамках данного исследования была предпринята попытка обращения к автобиографическим источникам с целью изучения особенностей восприятия пожилого возраста людьми, сохранявшими в этот период профессиональную продуктивность.

Были сформулированы критерии отбора автобиографических источников, предложена методика их анализа, выделены основные темы переживаний пожилого возраста, сформулированы параметры для описания индивидуальных траекторий восприятия человеком своего старения.

Методика исследования

Исследование проводилось на основе автобиографий и мемуаров, а также общих биографических сведений, доступных в открытых источниках.

Отбор биографий производился по следующим критериям:

- наличие данных о том, что в пожилом возрасте человек сохранял профессиональную продуктивность;
- подбор людей из разных профессиональных и социально-культурных групп, а также живших в разные исторические периоды;
- наличие соответствующих автобиографических текстов.

В результате для исследования были отобраны следующие автобиографические тексты:

1. Агата Кристи (Кристи А. «Автобиография») [9].
2. Питер Устинов (Устинов П. «О себе любимом») [10].
3. Юрий Никулин (Никулин Ю. Н. «Почти серьезно») [11].
4. Николай Лосский (Лосский Н.О. «Воспоминания: Жизнь и философский путь») [12].
5. Викентий Вересаев (Вересаев В.В. «Записи для себя») [13].
6. Николай Амосов (Амосов Н.М. «Голоса Времен») [14].

На первом этапе были составлены краткие биографические описания, подтверждающие, что выбранные для исследования люди продолжали профессиональную деятельность в позднем зрелом и пожилом возрасте (табл. 2).

Таблица 2

Краткие биографические описания выбранных для исследования людей

Агата Кристи	
54	Продолжение литературной деятельности (написан роман " Смерть приходит в

года	конце ")
58 лет	Участие в археологической экспедиции
75 лет	Написание автобиографии
80 лет	Постепенное завершение литературной деятельности (написан роман "Пассажир из Франкфурта")
Питер Устинов	
56 лет	Написание автобиографии
56 лет	Активное продолжение актерской карьеры (роль Ирода в фильме "Иисус из Назарета")
63 года	Последняя режиссерская работа (фильм "Лев и Ястреб")
71 год	Выбран на должность руководителя Даремского университета (руководил 12 лет)
82 года	Последняя работа в кино (фильм "Лютер")
Юрий Никулин	
55 лет	Написание первой версии мемуаров (впоследствии дополнялись и переиздавались)
60 лет	Завершение артистической карьеры, переход на должность режиссера цирка на Цветном бульваре
62 года	Последняя крупная киноработа (фильм "Чучело")
63 года	Занятие должностей директора и художественного руководителя цирка
72 года	Работа на телевидении в качестве одного из ведущих передачи "Белый попугай"
Николай Лосский	
52 года	Эмиграция из СССР, активная преподавательская деятельность
75 лет	Чтение лекций по философии в Свято-Сергиевском богословском институте

77 лет	Переезд в США, получение гражданства, продолжение преподавательской деятельности
Викентий Вересаев	
55 лет	Издание романа "В тупике"
55-70 лет	Углубление в биографическую (биографии "Пушкин в жизни", "Тоголь в Жизни", "Спутники Пушкина") и автобиографическую прозу
Николай Амосов	
55 лет	Назначение на должность заместителя директора по науке Киевского научно-исследовательского института туберкулеза и грудной хирургии
57 лет	Завершение работы в качестве заведующего кафедры грудной хирургии Института усовершенствования врачей, начало публицистической деятельности (издание книги "Мысли и сердце")
70 лет	Назначение на должность директора Института сердечно-сосудистой хирургии
80 лет	Начало "эксперимента" по замедлению старения путем регулярных физических нагрузок
88 лет	Постепенное завершение публицистической деятельности

Анализ автобиографических текстов производился средствами тематического анализа [15]. Были выделены фрагменты текстов, описывающие значимые изменения и переживания выбранных исследуемых. Затем данные фрагменты были систематизированы, проиндексированы и объединены в следующие темы.

1. Изменение физического состояния

Осознание изменений внешности (Ф1); Ухудшение здоровья (Ф2); Принятие своего возраста, изменений внешности и физического состояния (Ф3); Смирение с ограничениями, вызванными ухудшением здоровья (Ф4); Отрицание возрастных изменений, протест против ухудшения физического состояния (Ф5); Стремление замедлить старение (Ф6)

2. Переживание "второй молодости"

Переживание второй молодости (М1); Переживание удовольствия от жизни, обострение восприятия жизни (М2); Открытие для себя новых перспектив, построение планов на будущее (М3); Вовлечение в новую деятельность, стремление к новым впечатлениям (М4)

3. Продолжение профессиональной деятельности

Продолжение активной профессиональной деятельности, стремление сохранить профессиональную активность (П1); Изменение характера профессиональной деятельности, уход в кабинетную работу, на руководящую должность (П2); Адаптация к новой профессиональной роли (П3); Нежелание прекращать профессиональную деятельность (П4)

4. Осмысление опыта прожитых лет

Подведение итогов (И1); Нахождение нового жизненного смысла (И2)

5. Подготовка к смерти

Ожидание смерти (С1); Смирение с приближением смерти (С2)

Восприятие смерти как избавления от страданий, желание «уйти достойно» (С3); Восприятие смерти как нового опыта (С4)

6. Изменение социального статуса

Осознание изменений своего социального статуса (Ст1); Переживание одиночества (Ст2); Стремление к уединенности, покою в кругу близких (Ст3); Успешная адаптация к изменению социальной или культурной среды (Ст4)

Результаты

Ниже приведены выдержки из автобиографических источников, обработанные средствами тематического анализа. Для каждого источника были выделены наиболее часто встречающиеся темы и индексы, составлены краткие описания переживаний автора по поводу своего пожилого возраста.

Агата Кристи

В возрасте 55 лет Агата Кристи работа вместе с мужем в археологической экспедиции на раскопках Нимруда (Ирак). Она описывает этот период своей жизни как переживание «второй молодости». Эмоциональная и интеллектуальная сфера остаются сохранными, в то же время появляется больше свободного времени, ощущается прилив новых идей, открытие новых возможностей. В то же время эти возможности серьезно ограничены ухудшившимся здоровьем, что Агата Кристи воспринимает как данность. Однако в то же время проблемы со здоровьем обостряют восприятие жизни, ценность простых мгновений.

В возрасте 75 лет, написав автобиографию, Кристи подвела внутренний итог своей жизни и смирилась с приближением смерти. Она переживает страх тяжелой болезни, нежелание стать обузой для близких людей и воспринимает смерть как избавление.

Наиболее характерные темы: "вторая молодость" (М1,М2), изменения физического состояния (Ф2,Ф4), подготовка к смерти (С1, С2).

*Тематический анализ источника (А. Кристи "Автобиография").
Переживание "второй молодости"*

«Я с большим удовольствием пережила вторую молодость (М1), наступающую, когда заканчивается жизнь чувств и личных отношений и вдруг обнаруживаешь, скажем, лет в пятьдесят, что перед тобой открыта полноценная новая жизнь, наполненная размышлениями, открытиями, чтением (М2)» [9 с. 586].

«Вдруг понимаешь, что теперь посещать художественные выставки, концерты, оперу так же увлекательно, как в двадцать или двадцать пять (М1)» [9 с. 586].

«Какое-то время назад все силы уходили на личную жизнь, теперь ты снова свободна (М1) и с удовольствием оглядываешься вокруг (М2). Можно наслаждаться отдыхом, можно наслаждаться вещами (М2)» [9 с. 586].

«Ты еще достаточно молода, чтобы получать удовольствие от путешествий по новым местам (М4), хотя уже и не так неприятна в отношении бытовых условий, как прежде. В тебе словно происходит прилив жизненной энергии и новых идей» (М3) [9 с. 586].

Изменение физического состояния

«Но следом идет расплата надвигающейся старостью: у тебя почти постоянно где-нибудь что-нибудь болит (Ф2) – то прострел в пояснице, то всю зиму мучает ревматизм шейных позвонков так, что повернуть голову – сущая мука, то артрит в коленках не дает долго стоять на ногах и спускаться под гору – все это неотвратимо, и с этим нужно смириться (Ф4)» [9 с. 586].

Переживание "второй молодости"

«Зато именно в эти годы острее, чем когда бы то ни было в молодости, испытываешь признательность за дар жизни (М2). Это сродни реальности и насыщенности мечты – а я все еще безумно люблю мечтать (М1)» [9 с. 586].

Осмысление опыта прожитых лет

«В нынешнем году, уже в этом месяце, выйдет книга моего мужа «Нимруд и то, что в нем сохранилось». <...> Это работа всей его жизни – он упорно шел к ней начиная с 1921 года. Я горжусь им и очень рада за него. Чудом кажется, что нам обоим удалось сделать в жизни то, что мы хотели (И1)» [9 с. 588-589].

Продолжение профессиональной деятельности

«Доналд Уайзмен, один из наших эпиграфистов, прикрепил на дверь моей комнаты табличку, оповещающую, что это «Бейт Агата» – «Дом Агаты», и в этот «Агатин домик» я удалялась ежедневно, чтобы немного поработать (П1). Но большая часть дня уходила на фотографирование или реставрацию и чистку находок (П2) из слоновой кости.)» [9 с. 591].

Эпилог

Осмысление опыта прожитых лет, переживание "второй молодости"

«Желание написать автобиографию, как я уже говорила, снизошло на меня неожиданно в моем нимрудском «Бейт Агата».

Теперь, перечитав написанное, я осталась довольна. Я сделала именно то, что хотела, – совершила путешествие. Не столько назад, через прошлое, сколько вперед – к началу всего, к той себе, которой еще предстояло взойти на борт корабля, предназначенного пронести меня сквозь годы (И2, М3)» [9 с. 597].

Подготовка к смерти

«Теперь, когда я дожила до семидесяти пяти, думаю, наступило время остановиться: если речь идет о жизни, все уже сказано (С1).

Теперь я живу в долг, жду в прихожей вызова, который неминуемо последует, после чего я перейду в иной мир, чем бы он ни оказался (С1). К счастью, об этом человеку уже заботиться не надо.

Я готова к встрече со смертью (С2). Я была исключительно счастлива в этой жизни (И1). Со мной и сейчас мой муж, дочь, мой внук, зять – те, кто составляют мой здешний мир. И еще не настал момент, когда я стану для них только обузой (С3)» [9 с. 597].

«Хорошо, конечно, писать такие возвышенные слова. А что если я проживу лет до девяноста трех, сведу с ума всех близких тем, что не буду слышать ни слова, стану горько сетовать на несовершенство слуховых аппаратов, задавать бесчисленное множество вопросов, тут же забывать, что мне ответили, и спрашивать снова то же самое? Буду яростно ссориться с сиделкой и обвинять ее в том, что она хочет меня отравить, или сбежать из лучшего заведения для благородных старых дам, обрекая свою бедную семью на бесконечные тревоги? А когда наконец схвачу бронхит, все вокруг станут шептать: «Бедняжка, но нельзя не признать, что это для всех будет избавлением...»

Это действительно будет избавлением – для них; и это лучшее, что может случиться (С3)» [9 с. 598].

Изменение физического состояния, частичное сохранение переживаний "второй молодости"

«А пока, удобно расположившись, я все еще жду вызова в приемной у смерти и наслаждаюсь жизнью. Правда, с каждым годом приходится что-то вычеркивать из списка удовольствий (Ф3).

Дальние прогулки пешком – долой! И – увы! – морские купания тоже. Жареное филе, яблоки и свежую ежевику (неприятности с зубами). Чтение мелкого шрифта. Но многое еще и остается (М2). Опера и концерты, чтение, наслаждение, которое испытываешь, ложась в постель и засыпая, самые разные сны, молодежь, которая приходит навестить меня и бывает удивительно мила (М2). А самое,

пожалуй, лучшее, сидеть на солнышке, тихо дремать и... вот мы и добрались до главного – вспоминать! «Я вспоминаю... Я вспоминаю дом, где я родился...»

Подобно поэту, и я всегда мысленно возвращаюсь в дом, где родилась, – в Эшфилд». [9 с. 598].

Осмысление опыта прожитых лет

«Ребенок, вставая из-за стола, говорит: «Спасибо тебе, Господи, за хороший обед». Что сказать мне в свои семьдесят пять? Спасибо тебе, Господи, за мою хорошую жизнь и за всю ту любовь, которая была мне дарована(И1)» [9 с. 600].

Питер Устинов

В 56 лет Петр Устинов описывает свой пожилой возраст как период «вознаграждений», к нему пришла известность, он был номинирован на награды. В то же время он продолжает активную профессиональную деятельность, воплощая образы стариков.

Устинов иронично оценивает отрицание пожилыми людьми своего возраста, стремление быть молодежками. Сам он признает происходящие с ним возрастные изменения и в то же время ищет преимущества в своем новом возрасте. С его точки зрения, удел стариков – быть наставниками подрастающего поколения, при этом важно, чтобы наставник был сильной личностью, поскольку молодые люди неизбежно будут «пробовать его на прочность». И старик должен соответствовать этой новой для него социальной роли.

Наиболее характерные темы и индексы: осмысление опыта прошлых лет (И1, И2), изменение физического состояния (Ф3), продолжение профессиональной деятельности (П1).

Тематический анализ источника (П. Устинов "О себе любимом").

Осмысление опыта прожитых лет

«Я вступал в возраст вознаграждения. На моем столе стояли два женоподобных джентльмена и мужеподобные дамы (И1). Это были награды «Эмми», которые я получил за исполнение ролей доктора Джонсона и Сократа» [10 с. 252].

Изменение физического состояния

«Мужчинам моего возраста и моей профессии свойственно делать вид, что они моложе, чем на самом деле (Ф3). В Голливуде я узнаю только половину своих знакомых: лысым вшивают пышные шевелюры, волосатые прячут уши под уютными завитками каштановых локонов. И на всех полинялые джинсы и цепи с кусками золота на шеях. Они уже не пожилые мужчины, а молодежками, загорелые, подтянутые, без намека на седину (Ф3)» [10 с. 253].

Изменение физического состояния, осмысление опыта прожитых лет

«А ведь молодежи нужны старики (И2). Им нужны мужчины, которые не стесняются своего возраста, не превращаются в жалкие карикатуры на самих себя (Ф3). Я где-то читал, что родители – это кости на которых дети точат зубки (И2). Это относится также к ректорам и учителям. А кому нужны кости мягкие, самопроизвольно отдающие мозг жадному языку. Они должны быть твердыми и – почему бы и нет? – даже несокрушимыми. Я стал таким, каким был им нужен (И2)» [10 с. 253].

Продолжение профессиональной деятельности

«А впереди меня ждали «Горячие миллионы» с великолепной Мэгги Смит. Меня ожидали три фильма на диснеевской студии. <...>Впереди было «Бегство Логана», в котором я сыграл девяностолетнего старика (П1)» [10 с. 254].

Юрий Никулин

После шестидесяти лет Юрий Никулин перестал выступать на арене и перешел на должность директора цирка. Он не сразу привык к новой для него профессиональной роли, частично делегировал деловые вопросы коллегам.

На новой должности Юрий Никулин сохранял активность, ездил в командировки, в целом отмечал нехватку времени. Можно отметить признаки переживания «второй молодости»: стремление получить новые впечатления, прочитать новую книгу, многое успеть.

В то же время изменяется восприятие времени, проведенного в покое, в кругу близких – оно начинает цениться сильнее. Осознается приближение смерти, приходит примирение с этой перспективой.

Наиболее характерные темы и индексы: продолжение профессиональной деятельности (П1, П2, П3), изменение социального статуса (Ст1, Ст3), "вторая молодость" (М4).

Тематический анализ источника (Ю. В. Никулин «Почти серьезно»).

Продолжение профессиональной деятельности, изменение социального статуса

«Больше я не выхожу на арену. Еще мог бы поработать, но, как сказал Леонид Утесов, лучше уйти со сцены на три года раньше, чем на один день позже (Ст1). Я постоянно живу в Москве, как часто мы об этом раньше мечтали, – пожить побольше дома среди близких, друзей (Ст3).

Уйдя с манежа, я занимался режиссерской работой, а потом стал директором своего любимого цирка на Цветном бульваре (П2)» [11 с. 572].

«Я же до сих пор не могу всерьез почувствовать себя директором (П3). Конечно, многое осваиваю: банковские документы, хозяйственные проблемы, кадровые, но в основном занимаюсь проблемами творческими (П2, П3). Мне легче, я это понимаю, чем многим моим коллегам, директорам других цирков. У меня есть директор — распорядитель Михаил Седов, отвечающий за всю организационную часть, и другие помощники.

День директора. Он не такой, как день клоуна. Другие заботы (П3). Мне кажется, я мало изменился по характеру. Да, я — человек ленивый, что там скрывать. Но обязательный. Если кому-нибудь обещал, стараюсь выполнить» [11 с. 572].

«Чем были заполнены еще эти годы, когда я перестал быть клоуном? Ездил с группой артистов в Швецию, США и Канаду, смотрел программы других цирков, бывал на выпускных экзаменах в Государственном училище эстрадного и циркового искусства (П2).

В кино сыграл роль дедушки в фильме «Чучело» (П1), созданном удивительным человеком, с которым меня связывает многолетняя дружба, — Роланом Быковым. Я рад успеху фильма» [11 с. 573].

Переживание "второй молодости"

«Больше всего в последние годы страдал из-за нехватки времени. Порой что-то отложишь на завтра и с ужасом думаешь: а завтра это же практически через несколько часов! Только проснешься, сделаешь зарядку, выпьешь кофе и нужно куда-то бежать, встречаться, что-то обговаривать, кого-то убеждать (М4). Вырвешься домой на обед, а тут уже вечер. И завтра кажется не далеким, а близким, сиюминутным. Неделя проходит, как час. Месяц — как неделя. Годы летят!

Как и прежде, по привычке, записываю все дела на завтра на большом картонном листе. Получается примерно двадцать — двадцать пять пунктов. Если к концу дня вечером зачеркну половину — и то хорошо! Нужно успеть за день побывать в нескольких местах, встретиться с различными людьми, хочется посмотреть фильмы и спектакли, прочесть книгу. Как все успеть?! (М4)» [11 с. 574].

Изменение физического состояния

«Иногда, встречаясь с незнакомыми людьми, замечаю — они пристально рассматривают меня и, наверное, думают: вот он какой, Никулин, — седой, постаревший (Ф1)» [11 с. 574].

Изменение социального статуса

«Сейчас, когда не выступаю на манеже, стали чуть свободнее вечера, по субботним и воскресным дням уезжаю на дачу. Всегда был

противником дачи, но с возрастом отношение к ней изменилось. Когда изредка выдаются свободные дни, тоже уезжаю за город. Там можно действительно отдохнуть, побыть с женой и никуда не торопиться (СтЗ)» [11 с. 574].

Подготовка к смерти

«Больно было провожать в последний путь армейского друга Ефима Лейбовича, о нем я не раз вспоминал в этой книге. Провожать в последний путь всегда грустно. И что лукавить, конечно, думаешь: придет и твой черед (С1)» [11 с. 574]

Николай Лосский

В пожилом возрасте Николай Лосский продолжал заниматься философской и педагогической деятельностью. В возрасте около 77 лет он переехал в США, где был вынужден адаптироваться к новой среде, сдавать экзамены для эмигрантов. Отмечается сохранение интеллектуальной и эмоциональной сфер, активные контакты с коллегами, деловые поездки, стремление к продолжению профессиональной деятельности.

На рубеже 90 лет стало сказываться серьезное ухудшение здоровья, произошло угасание интеллекта. Лосский смирился с приближением смерти и стал ждать ее как освобождения.

Наиболее характерные темы и индексы: продолжение профессиональной деятельности (П1), изменение социального статуса (Ст4).

Тематический анализ источника (Н. О. Лосский «Воспоминания: Жизнь и философский путь»)

Продолжение профессиональной деятельности

«Я продолжал жить в Нью-Хевене вместе с сыном и ездил в течение академического года каждую неделю на два дня в Нью-Йорк. Я читал в Академии два курса, один на русском, другой на английском языке. По-английски я прочитал три свои книги, переведенные на английский язык, но еще не напечатанные (П1): Достоевский и его христианское миропонимание; История русской философии; Христианская эстетика» [12 с. 296].

«Условия для занятий философией в Нью-Хевене были очень благоприятны (П1). Жизнь в этом культурном не слишком большом городе — спокойная, не утомительная. Библиотека Йельского университета чрезвычайно богата, в ней более четырех с половиною миллионов книг, и пополняется она все время очень интенсивно. Даже русский отдел в ней весьма богат» [12 с. 297].

Изменение социального статуса, переживание "второй молодости"

«В 1951 году исполнилось пять лет со времени моего въезда в США, и я, сдав экзамен, стал гражданином США. Для достижения

этой цели необходимо сдать экзамен, на котором задаются вопросы о главных событиях истории Соединенных Штатов и о конституции этого государства. Чтобы быть уверенным в себе, я не удовлетворился брошюрой, в которой изложены эти необходимые сведения, и поступил в школу для подготовки к гражданству. <...>. Для получения свидетельства надо было учиться десять недель, приходя на один час два раза в неделю (М4). Через пять недель я усвоил все, что нужно знать для экзамена, и моя учительница занималась со мною беседами о разных политических и социальных вопросах, а, кроме того, давала мне на дом и в классе различные книги, полезные для знакомства с разными сторонами истории и быта США (Ст4). Все в школе были заинтересованы тем, что явился в нее восьмидесятилетний ученик, бывший профессор (М4). Начальник школы и учительницы приходили знакомиться со мною» [12 с. 308].

Примечания Б.Н. Лосского (описаны последние годы жизни Н. О. Лосского)

Изменение физического состояния

«С потрясения, нанесенного отцу смертью брата Владимира, начался постепенный упадок его здоровья и состояния духа (Ф2)» [12 с. 332].

Подготовка к смерти

«В начале июня он прилетел в Париж, и когда мы с Магдалиной (вдовой старшего брата) его встретили и довезли до ее квартиры, он нам очень твердо объявил, как бы «раз навсегда», что его организм разрушен, и главное, единственное, о чем он молится, есть скорейшее ниспослание ему смерти (С3). К этому он прибавил, что лежать хотел бы на русском кладбище SteGenevieve, вблизи от могилы сына Владимира (С2)» [12 с. 332].

Викентий Вересаев

Записи Викентия Вересаева о себе в пожилом возрасте охватывают период от 54 до 73 лет. В начале пожилого возраста Вересаев подводит некоторый итог прожитым годам и переживает состояние «второй молодости» - охваченность новыми идеями, новыми планами, желанием работать. Это сопровождается, с одной стороны, отрицанием своего возраста, переживаниями о проблемах со здоровьем, с другой, - мыслями о приближении смерти и желанием подготовиться к ней, чтобы уйти достойно. Комплекс этих переживаний сопровождает писателя около 20 лет.

В 73 три года он осознает упадок своих физических сил и невозможность умственной работы и смиряется с этим.

Наиболее характерные темы и индексы: "вторая молодость" (М3), подготовка к смерти (С1, С2, С4).

Тематический анализ источника (В. В. Вересаев «Записи для себя»).

Осмысление опыта прожитых лет

«Из дневника. 13 февраля 1923 г. - На жизнь свою оглядываюсь с благодарностью. Судьба была ко мне благосклонна, даже больше, -- баловала меня. И самый ценный дар: она дала мне способность знать свое место и не переоценивать себя. Поэтому я почти избавлен был от самых тяжелых страданий, - зависти и обид самолюбия (И1)» [13 с. 448].

Переживание "второй молодости"

«Смотрю вперед: много ждет радостного. Кончу роман, возьмусь за работу над Пушкиным (МЗ)» [13 с. 448].

Подготовка к смерти

« И вот вдруг заметил в себе: еще чего-то радостно жду. Чего именно?

Смерти! (С4)

Как странно. Смерти я никогда не боялся, страха смерти никогда не мог понять. Но недавно почувствовал: жду ее, как большого, поднимającego, ослепительно-яркого события. Вовсе не в смысле избавления от жизненной тяготы,-- жизнь я люблю. Просто сама по себе смерть сияет в сумрачной дали будущего яркою точкою (С1, С2).

А недавно заметил в себе еще вот что. Человек умер неожиданно, сразу, - от разрыва сердца, или трамвай раздавил.

- Хорошо так умереть, - без мучений, без ожидания надвигающейся смерти!

Нет, по-моему, вовсе не хорошо. Смертные муки... Так ли они страшны? А может быть, при неожиданной смерти мы лишаемся переживания такого блаженства, перед которым ничтожны все смертные муки? (С4)» [13 с. 448-449].

Изменение физического состояния

«Из дневника. 10 декабря 1927 года. От врача.-- Это было для меня совершенно неожиданно: сердце увеличено на три сантиметра, аорта поражена склерозом и расширена, общий артериосклероз (Ф2). А я себя считал совсем здоровым! Хотя уже месяца три даже при обыкновенной ходьбе, не только при подъеме на лестницу, "чувствую" свое сердце. Но в общем очень гордился, что никто не дает мне моих лет, - по отсутствию седых волос, физической крепости, общей живости (Ф5)» [13 с. 451].

Подготовка к смерти

«И вот теперь,-- что же? Значит,-- первый звонок? Странно: нисколько это меня не огорчает и не пугает. Никогда я не мог понять страха смерти, хотя все больше любил жизнь (С2). И вот только одно

неприятно: при такой болезни можно умереть неожиданно. Этого мне не хочется. Мне бы хотелось медленно подойти к смерти, хотя бы с мучениями. Я с замиранием жду этого, как чего-то безмерно сладостного и великого (С4). И уж совсем, конечно, не хочу умереть с распадающейся и разлагающейся психикой (Ф5)» [13 с. 452].

Переживание "второй молодости"

« Но другое горько. Мне кажется, я только теперь научился думать, писать, жить, обращаться с людьми. Теперь-то бы только и развернуть жизнь и работу (М3). А артерии в мозгу уже склерозируются (Ф2)» [13 с. 448].

« Да, все это очень внушительно. Мне идет шестьдесят третий год. Но я еще не чувствую надвигающейся смерти, в душе бодро и крепко. Огромная охота работать (М1). Играю в теннис. Чувствую себя в душе настолько молодым, что иногда мелькает мысль: да не ошибка ли, что у меня в паспорте год рождения показан 1867 (М1) и что вот эти дряхлые, сгорбленные, такие бесспорные старики - мои ровесники?» [13 с. 458].

Изменение социального статуса, продолжение профессиональной деятельности

«А все-таки все это уже очень близко и передо мною. Вчера ходил у себя по саду, подвязывал виноградные лозы к тычкам и думал: скоро, скоро уже придется жить "на пенсии", - на духовной пенсии, с "заслуженным правом не работать" (Ст1). И не мог себе представить: как же это я тогда буду жить? Греться на солнышке, вспоминать былое и вот так ходить по саду, дрожащими руками подвязывать лозы, И больше ничего. Какая нелепость! (П4)» [13 с. 458].

Изменение физического состояния, подготовка к смерти

« Я хочу кричать, вопить: дайте мне право свободно распоряжаться собою! Примите мое завещание, исполните его. Если я окажусь негодным для жизни, если начнет разлагаться мое духовное существо,-- вы, друзья, вы, кто любит меня,-- докажите делом, что вы мне друзья и меня любите. Сделайте так, чтобы мне достойно уйти из жизни, если сам я буду лишен возможности сделать это! (С3)» [13 с. 457].

«Тут самое главное: человеку должна быть дана возможность встретить смерть достойно (С3)» [13 с. 458].

«9 сентября 1940 г. - Давление крови у меня непрерывно растет, и все меры мало помогают. Сейчас - 210. Совершенно не могу физически работать, что меня всегда так живило. Мало и трудно могу работать умственно: сейчас же начинаются боли в голове (Ф2). Что ж! Семьдесят три года. Пора и честь знать (Ф4). Удивительно, как смерть меня мало пугает! (С2)» [13 с. 459].

Николай Амосов

Пожилым возрасту Николая Амосова прошел под девизом борьбы со старением. Имея изначально слабое сердце, Амосов поставил себе цель, как можно дольше задержать угасание своего организма. Он боялся снижения интеллекта и потери возможности продолжать научную деятельность.

Амосов долгое время продолжает научную работу и публицистическую деятельность, при этом осознает утрату былого авторитета, происходящие вокруг социальные изменения, снижение своих возможностей.

Также Николай Амосов очень трезво оценивает свое здоровье, в возрасте 84 лет смиряется с перспективой смерти и в то же время строит новые планы, пишет новые книги.

В девяносто лет Амосов поддерживает себя физической активностью, выполняет разработанный им самим комплекс упражнений.

Наиболее характерные темы и индексы: изменение физического состояния (Ф5, Ф6), продолжение профессиональной деятельности (П2), подготовка к смерти (С2, С3), "вторая молодость" (М3).

Тематический анализ источника (Н. М. Амосов «Голоса Времен»).

Изменение физического состояния

«Опечалился, но придумал гипотезу для объяснения (Ф5). Старение запрограммировано в генах: от него уменьшается функция всех органов, напрягаться не хочется - иди на пенсию. Когда человек перестает работать, он детренируется, функция еще снижается, и это еще ускоряет старение. Чтобы разорвать этот порочный круг, нужно заставить себя сильно увеличить физическую нагрузку. Так, через физкультуру я предполагал остановить старение и даже в какой-то степени омолодиться (Ф6).

Так родился "Эксперимент"

Знал, что сердце неполноценное: увеличено в полтора раза, 8 лет живу со стимулятором, есть маленький аортальный порок, и бывает стенокардия. Риск? Да, но что мне терять? Стареть без сопротивления? Противно (Ф6)» [14].

«Большие нагрузки несомненно полезны. Два года чувствовал себя хорошо, моложе лет на десять (Ф6). Все внутренние органы, кроме сердца, и теперь служат отлично. За это говорят анализы и отсутствие заболеваний» [14].

«Я не рассчитывал на значительное омоложение, больше - на замедление старения. Думаю, что надежды оправдались. Если бы сердце было здоровое, (и был бы разумный!) мог бы продержаться до 90 лет (Ф6). Правда "гены старости" коварны, и очень индивидуальны» [14].

Продолжение профессиональной деятельности

«Самое страшное для ученого - ослабление памяти, потеря способности к творчеству. Эта перспектива меня беспокоит больше, чем трудности при ходьбе. Получил ли я доказательства активации мышления? Трудно сказать с уверенностью, но скорее "да", чем "нет." Судите сами. За три последних года я написал три брошюры и три книги (П2)» [14].

Переживание "второй молодости"

«Во всяком случае, от эксперимента у меня было самое главное - уверенность в будущем. Жил, не оглядываясь на возраст: с интересом, хотя и без операций, без лекций, без институтской текучки (М3). Теперь будущее сократилось. Но работа продолжается: мои темы неисчерпаемы, а остановка - мысли - смерти подобна (М3)» [14].

Продолжение профессиональной деятельности, изменение физического состояния

«Мне уже 84. Зиму и весну зверски работал над рукописью "Воспоминаний" и, кажется, даже полегчало, стал быстрее ходить (П2). Обрадовался, но случился прокол. Вот такой: поднимался по лестнице в Доме Ученых, опаздывал, спешил в наш Клуб и - упал в обморок (Ф2)» [14].

Подготовка к смерти

«Такое, скажу вам, было приятное ощущение! И последняя мысль: - Умирать не страшно (С2). Так, что все имеет свои прелести. В том числе и болезнь сердца: упал - и умер! (С2, С3)

Ничего не произошло, кроме переполоха с вызовом скорой помощи. Отошел через 15 минут, семинар и мое выступление были удачные» [14]. «Но "звонок" был. Нужно готовиться к худшему: "Не потерять лицо" (С3)» [14].

«Конец не состоялся. Но опыт "приближения" - близкого - "Туда" - приобрел. Оказалось: не страшно (С2). Вернулся, дописал пережитое, и опять торопливо - нужно было срочно сдавать в печать» [14].

Продолжение профессиональной деятельности

«Торопился писать: ранней весной я почувствовал приближение конца. Не то чтобы хотел "оставить след" - не заблуждался на свой счет - оставлять нечего. Нужно было держать себя, сопротивляться: перед чем? Хотел написать "перед смертью", но очень напыщенно звучит. Скажем - перед "чем-то". Для этого работа - лучшее средство. Книжку дописал перед самым отъездом на операцию, не успел даже перечитать (П2)» [14].

«Главное не в этом. Оно - в работе над прежними темами по философии: разум, психика, общество, будущее. Все нужно пересмотреть через призму самоорганизация, Сижу за компьютером по несколько

часов. Не чувствую оскудения разума, разве что память стала чуть хуже. Вот теперь Вера Борисовна Бигдан приобщает к Интернету. Страничку для меня открыла. Надеюсь не отстать от прогресса. Плюс - занятие для замены общения (П2)» [14].

Изменение социального статуса

«Я не обманываю себя: моя жизнь нужна разве что жене (Ст1). Перешел на пенсию, но два раза в месяц хожу пешком в институт - отрабатываю потребность общения: бывшие пациенты, друзья, ученики, "чайники" - изобретатели завиральных идей» [14].

Изменение физического состояния

«Снова начал осторожно бегать. 17 июня сняли швы. Постепенно восстановил бег и объём гимнастики с гантелями. Шаткость походки, к сожалению, остаётся. Победить старость не удаётся. Однако, умственная работоспособность сохраняется. Эксперимент продолжается (Ф6)» [14].

Выводы

Анализ автобиографических текстов показал, что, несмотря на то, что выбранные для исследования люди имели разный жизненный опыт, разные взгляды на жизнь, принадлежали к разным социальным группам, у них обнаруживаются общие особенности переживания пожилого возраста.

Сохранение интеллектуальной и эмоциональной сферы: описанные люди демонстрируют способность к активной мыслительной деятельности и новые профессиональные достижения в течение длительного времени. Они отмечают, что их чувства и эмоции не угасли, а переживаются так же ярко как в молодости. При этом происходит обострение восприятия жизни, люди начинают ценить её самые простые аспекты.

Осознание необходимости примирения с ухудшением физического состояния. Переживается людьми по-разному: от внутреннего протеста и стремления замедлить старение до принятия и смирения.

Осмысление своей жизни, подведение итогов прожитых лет. В начале пожилого возраста эти итоги воспринимаются как промежуточные, в период угасания физических сил – как окончательные.

Стремление продолжать профессиональную деятельность. Распространённый способ продолжения работы при ухудшении физического состояния – переход на кабинетную работу: литературная деятельность, написание научных трудов, занятие административных должностей.

Появление размышлений о смерти, стремление подготовиться к «достойному уходу» или ожидание смерти как нового опыта.

В рамках данного исследования особый интерес вызывает явление переживания описанными людьми «второй молодости». Оно в боль-

шей или меньшей степени представлено во всех рассмотренных источниках.

Данное переживание наступает примерно на рубеже 55 лет. Его появлению способствует сочетание двух условий.

Первое. Благодаря достижениям прошлых лет человек стал более свободен в социальном и профессиональном плане - завоевал авторитет, стал материально независим, прошел самую напряженную стадию образования семьи и воспитания детей. У него появляется возможность самому распоряжаться своим временем.

Второе. Эмоциональная и интеллектуальная сфера человека не претерпела заметного ухудшения по сравнению с периодом его молодости. Он ясно мыслит и остро чувствует.

Сочетание этих двух условий приводит к появлению у пожилого человека переживания «второй молодости», которое включает в себя следующие составляющие:

- чувство свободы, открытия новых возможностей, начала нового этапа жизни;
- подъем сил, восприятие себя "вновь молодым";
- желание работать, добиваться новых успехов;
- стремление продолжать профессиональную деятельность;
- при подведении итогов прожитых лет эти итоги воспринимаются как "промежуточные";
- построение планов на будущее;
- стремление к новым впечатлениям, новому опыту.

Одновременно с этим переживание "второй молодости" включает в себя осознание ограничений, накладываемых физическим состоянием. Если ранее над человеком довели ограничения социальные, то теперь - это ограничения биологические.

В рассмотренных текстах наблюдаются два вида реакций пожилого человека на ухудшение физического состояния:

- признание и смирение, изменение образа жизни в соответствии с физическими изменениями;
- внутренний протест и активизация действий по сохранению физической формы, стремление замедлить старение.

Интересным представляется переживание, описанное Питером Устиновым, который сформулировал социальную роль пожилого человека как наставника для молодежи. При этом предполагается, что молодежь всегда будет оспаривать его авторитет, и потому наставник-старик обязательно должен быть сильной личностью. В рамках данного исследования, это переживание рассматривается как один из вариантов открытия пожилым человеком нового жизненного этапа.

Было отмечено, что описанные составляющие встречаются у разных людей в различном соотношении. Поэтому после дополнительного качественного анализа было предложено четыре типа проживания пожилыми людьми "второй молодости".

1) Переживание чувства свободы и начала нового жизненного этапа, стремление к получению ярких впечатлений (А.Кристи, В.Вересаев).

2) Подведение жизненных итогов, чувство начала нового жизненного этапа, принятие социальной роли наставника (П.Устинов).

3) Стремление продолжать профессиональную деятельность, смена режима работы и смирение с изменением физического состояния (Ю. Никулин, Н.Лосский).

4) Стремление продолжать профессиональную деятельность, смена режима работы и протест против изменения физического состояния (Н. Амосов, В.Вересаев).

Благодарности

Выражаю благодарность заведующей кафедрой психологии Новгородского государственного университета Марине Борисовне Калашниковой за поддержку в проведении исследования, ценные советы и помощь, оказанную при написании данной статьи.

Acknowledgements

I want to thank Professor Marina Kalashnikova, Head of the Department of Psychology, for all her support, comments and critical review.

Литература

1. Распределение населения Российской Федерации по полу и возрастным группам (на 1 января 2018 г.) [Электронный ресурс]: Электрон. дан. (1 файл, 40 Кб)- М., 2018. - Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/nasvoz2018.xls (дата обращения 9.02.2019).

2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2010 г. [Электронный ресурс]: Бюллетень. - Электрон. дан. - М., 2018. - Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_111/Main.htm (дата обращения 9.02.2019).

3. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2017 г. [Электронный ресурс]: Бюллетень. - Электрон. дан. - М., 2018. - Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (дата обращения 9.02.2019).

4. Демографический ежегодник России. 2017. - М.: Росстат, 2017. - 263 с.

5. Ермолаева М.В. Стоит ли бояться старости? // Актуальные проблемы психологического знания. - 2016. - Вып. 1 (38). - с. 123–132.

6. Головей Л.А., Стрижницкая О.Ю., Криулина А.В. Позитивное функционирование личности в пожилом возрасте: комплексный подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования. - Т. 7. - Вып. 36. - 2014. URL:

<http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1020-golovey36.html> (дата обращения 9.02.2019).

7. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. - СПб.: Питер, 2001. - 288 с.

8. *Александрова М.Д.* Старение человека и его индивидуальные проявления. - Вестник СПбГУ. - Сер. 16. - Вып. 2. - 2014. - с. 81 - 86.

9. *Кристи А.* Автобиография / пер. И. Дорониной, В. Чемберджи. - СПб.: Лимбус Пресс, Культура, 1997. - 608 с.

10. *Устинов П.* О себе любимом / пер. Т.Черезовой. - М.: Захаров АСТ, 1999. - 336 с.

11. *Никулин Ю. Н.* Почти серьезно... - М.: Вагриус, 1992. - 576 с.

12. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь [Электронный ресурс] // Электронная библиотека "ImWerden". - Мюнхен, 2018. URL: http://imwerden.de/pdf/lossky_vospominaniya.pdf (дата обращения 9.02.2019).

13. *Вересаев В.В.* Собрание сочинений в четырех томах. Т.4. - М.: Правда, 1985. - 496 с.

14. *Амосов Н.М.* Голоса времен [Электронный ресурс] // Сайт посвященный Н.М. Амосову. - 2018. URL: http://ukrainiancomputing.org/AMOSOV/voices1_r.html (дата обращения 9.02.2019).

15. *Бусыгина Н.П.* Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для бакалавриата и магистратуры. - М.: "Юрайт", 2016. - 423 с.

References

1. RaspredelelienaselienijaRossijskojFederaciiopoluivozrastnymgruppam (na 1 janvarja 2018 g.) [Distribution of the population of the Russian Federation by sex and age groups (as of January 1, 2018) (In Russ.)]. Moscow, 2018. - Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/nasvoz2018.xls (Accessed 9 February 2019).

2. Chislennost' naselenijaRossijskojFederaciiopoluivozrastuna 1 janvarja 2010 g. [The population of the Russian Federation by sex and age as of January 1, 2010 (In Russ.)]. Moscow, 2018. - Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_111/Main.htm (Accessed 9 February 2019).

3. Chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu na 1 janvarja 2017 g. [The population of the Russian Federation by sex and age on January 1, 2017 (In Russ.)]. Moscow, 2018. - Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (Accessed 9 February 2019).

4. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2017 [Demographic Yearbook of Russia. 2017 (In Russ.)]. Moscow, Rosstat publ., 2017, p. 263.

5. Ermolaeva MV. Stoit li bojatsja starosti? [Is it worth it to afraid of old age? (In Russ.)]. IN: Aktual'nye problemy psihologicheskogo znanija [Actual problems of psychological knowledge (In Russ.)], 2016, no 1(38), pp. 123 - 132.

6. Golovei LA., Strizhitskaya OYu., Kriulina AV. Pozitivnoe funkcionirovanie lichnosti v pozhilom vozraste: kompleksnyj podhod [Personality positive functioning in elderly people: a complex approach (In Russ.)]. IN: Psihologicheskie issledovanija [Psychological research (In Russ.)], 2014, vol. 7, no. 36. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1020-golovey36.html> (Accessed 9 February 2019).

7. Anan'ev BG. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as a subject of knowledge (In Russ.)]. - St. Petersburg, Пиреп publ., 2001, p. 288.
8. Aleksandrova MD. Starenie cheloveka i ego individual'nye projavleniya [(In Russ.)]. IN: Vestnik SPbGU [SPbSU Bulletin (In Russ.)], 2014, series 16, no. 2. - pp. 81 - 86.
9. Kristi A. Avtobiografija [Autobiography (In Russ.)]. - St. Petersburg, Limbus Press publ., Kul'tura publ., 1997, p. 608.
10. Ustinov PO. sebe ljubimom [About dear yourself (In Russ.)]. Moscow, Zaharov AST publ, 1999. p. 336.
11. Nikulin JuN. Pochti ser'ezno... [Almost serious... (In Russ.)]. Moscow, Vagrius publ, 1992, p. 576.
12. Losskij NO. Vospominaniya: Zhizn' i filosofskij put' [Life and philosophical way (In Russ.)]. Munich, 2018. Available at: http://imwerden.de/pdf/lossky_vospominaniya.pdf (Accessed 9 February 2019).
13. Veresaev VV. Sobraenie sochinenij v chetyreh tomah [Collected works in four volumes (In Russ.)]. Vol. 4. Moscow, Pravda publ, 1985, p. 496.
14. Amosov NM. Golosa vremen [Voices of time (In Russ.)]. Available at: http://ukrainiancomputing.org/AMOSOV/voices1_r.html (Accessed 9 February 2019).
15. Busygina NP. Kachestvennye i kolichestvennye metody issledovanij v psihologii: uchebnikdljabakalavriataimagistratury [Qualitative and quantitative research methods in psychology: a textbook for undergraduate and graduate programs (In Russ.)]. Moscow, Jurajt publ., 2016, p. 423.

Информация об авторе

Антон С. Новиков, студент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, В.Новгород, Россия; 173003, Россия, Великий Новгород , ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; antnovik777@gmail.com

Information about the author

Novikov S. Anton Ph.D. Student, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Novgorod the Great, Russia; bld. 41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya str., Novgorod the Great, Russia, 173003; antnovik777@gmail.com

Корректор: И.В. Попова
Компьютерная верстка: В.А. Карпук

Отпечатано с готового оригинал-макета
Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии имени Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать 29.06.2019.
Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 505

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71129